Б. Д. Бруцкус

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И СОЦИАЛИЗМ

«Звезда»

Санкт-Петербург
1995

Б 89

Бруцкус Б.

Советская Россия и социализм
Статьи. — СПб.: АОЗТ «Журнал „Звезда"», 1995 — 232 с.

ISBN 5-7439-0020-5

ББК 84. Р7

ВОСКРЕШЕНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Рукописи горят не всегда

Борис Давидович Бруцкус впервые прочел свой доклад о проблемах советской экономики в конце августа 1920 года. Его слушали с напряженным вниманием. Доклад вызвал оживленную дискуссию. Его пришлось повторить шесть раз в Петрограде и еще раз в Москве. Летом 1921 года кружок экономистов решил создать при Русском Техническом Обществе экономический журнал. Вопреки скепсису своих коллег Бруцкус решил в первом же номере «Экономиста» начать печатать свой доклад — критические статьи о социализме — и успел осуществить свое намерение прежде, чем журнал был закрыт благодаря «вниманию» со стороны Ленина. Высланный в Германию в ноябре 1922 года, Бруцкус переиздал свою работу с предисловием и небольшими дополнениями. Потом она вошла как первая часть в книгу «Экономическое планирование в советской России», изданную сперва в Германии и позднее в Англии. В предисловии к английскому изданию 1935 года Ф. А. Хайек (будущий нобелевский лауреат), в частности, писал:

«Читая ее сегодня ‹...› можно по-прежнему поражаться той экстраординарной ясности, с которой он уловил действительно центральные моменты ‹...› эта книга действительно должна рассматриваться как одно из главнейших исследований, вызвавших нынешние дискуссии об экономических проблемах социа-

лизма. <...> Читатель <...> будет снова и снова поражаться исключительному предвидению ее автора и той мере, в которой это предвидение подтвердилось реальными событиями. Не только трагические перемены в экономической политике, происшедшие за это время, но также многие второстепенные события в истории российского эксперимента были четко предсказаны в этих рассуждениях. <...> Бруцкус преуспел в освещении истории этого эксперимента больше, чем это сделано в какой-либо известной мне другой работе. <...> Я не колеблюсь отнести его труды, представленные в настоящей книге, к наилучшим образцам актуальной научной литературы о России сегодняшнего дня. Надо надеяться, что изданная на английском языке эта книга будет иметь такой же успех, как ее предшествующее издание на немецком языке».

В 1938 году Бруцкус скончался в Иерусалиме, а статьи и книги его были... забыты. В 1942 году Хайек в своей прогремевшей на весь мир «Дороге к рабству» ни словом не упомянул о Бруцкусе, к чьей книге, посвященной той же проблематике, он всего за семь лет до того написал столь лестное предисловие. И молчание о Бруцкусе продолжалось вплоть до 1988 года...

Бывший москвич Виктор Сорокин обнаружил в семейной библиотеке номера «Экономиста» за 1922 год и в них — статьи Бруцкуса. Пораженный глубиной их предвидений, он, эмигрируя, нелегально переправил журналы и решил переиздать их со своими комментариями. В 1986 году Сорокин прочел в «Континенте» № 49 статью Доры Штурман «Свобода духа и действия» — разбор русского перевода глав из книг нобелевских лауреатов М. Фридмана и Ф. Хайека. Сходство идей Доры Штурман с основополагающими идеями Бруцкуса побудило Сорокина обратиться к ней с письмом, к которому он приложил копии статей, не указывая ни их исходных данных, ни имени автора. Дора Штурман была потрясена статьями. Она легко определила, что они написаны крупнейшим русским ученым в 1921—22 году, но кто это такой, не знала. В следующем письме Сорокин назвал автора и журнал. Отношение советской власти к «Экономисту» и судьба его редакции (но не имена сотрудников) Доре Штурман были известны по переписке Ленина. Поиски работ Бруцкуса в каталогах библиотек Британского музея и Конгресса США, имевшихся в Национальной библиотеке Израиля, начиная с 1940 года, не дали результатов. Ничего не нашел и Сорокин в Сорбонне. Его объявление в «Русской мысли» о розыске Бруцкуса и его родных осталось безответным. Неожиданно С. Тиктин, муж Доры Штурман, нашел в картотеке Национальной библиотеки пачку карточек книг и статей Бруцкуса. А потом знакомые сообщили, что в Иерусалиме живет инженер-

градостроитель Леонид Бруцкус. На вопрос, не имеет ли он отношения к экономисту Бруцкусу, ответ был:

— Некоторое имею. Я его сын...

* * *

В 1988 году в Париже вышла книга Б. Д. Бруцкуса и о Бруцкусе. Ее состав:

Предисловие (Д. Штурман, В. Сорокин) — краткая справка о Бруцкусе;

Б. Д. Бруцкус. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта;

В. Сорокин. Читая Бруцкуса. Комментарии и размышления;

Б. Д. Бруцкус. О природе русского аграрного кризиса;

Д. Штурман. Послесловие;

Ф. А. Хайек. Предисловие к книге «Экономическое планирование в советской России».

В 1989 г. вышла биография Б. Д. Бруцкуса, составленная по документам, сохранившимся в его архиве (В. К. Каган «Борис Бруцкус». Иерусалим, 1989).

В «Экономике и промышленном строительстве» (ЭКО) № 10, 1989 (Новосибирск) был напечатан перевод отрывка из второй части «Экономического планирования в советской России».

В 1990 г. американский экономист д-р Д. Г. Вильхельм прислал главному редактору «Нового мира» копию статьи «Социалистическое хозяйство» — «самого важного исследования по экономике на русском языке в этом столетии» — и она была напечатана в 8-м номере журнала за 1990 г. Отклики появились в зарубежной прессе (В. Сорокин. «Начало перестройки», «Русская мысль» 12 апреля 1991 г; В. Каган. «Второе рождение», «Время» 12 июля 1991 г.).

В «Вопросах экономики» № 9, 1991 появилась статья Бруцкуса «Народное хозяйство советской России, его прошлое и его судьба».

В «Континенте» № 57 и 59 вышли рецензии на парижскую книгу: И. Бирмана («Еще один забытый пророк») и В. Кагана («Рецензия на рецензию»).

В «Континенте» № 60 и 62 были напечатаны статьи В. Кагана о правозащитной деятельности Бруцкуса («Дела давно минувших дней», «Запад и права человека»).

В 1992 г. в 1-м сборнике «Евреи в русской культуре зарубежья» была напечатана статья В. Кагана «Борис Бруцкус: ученый и правозащитник».

В «Новом мире» № 4, 1992 вышла статья Д. Штурман «Они — ведали» — о правозащитной деятельности Бруцкуса (развернутый отклик на книгу В. Кагана).

В «Новом мире» № 12, 1992 вышла статья Н. Рогалиной «Историк читает Бруцкуса».

В Europe-Asia Studies, vol. 45, № 2, 1993, стр. 343 — 347 вышла статья Д. Г. Вильхельма (J. H. Wilhelm) «The Soviet Economic Failue: Brutzkus Revisited» — краткий биографический очерк и оценка статьи «Социалистическое хозяйство».

В «Литературной газете» 25 июня 1994 г. Н. Рогалина опубликовала статью Бруцкуса «Ставка не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных» с кратким введением — характеристикой его научных взглядов.

В «Реформе» за июль 1994 г. был напечатан сокращенный доклад Бруцкуса на заседании «Вольного экономического общества» 6 апреля 1917 г. «К современному положению аграрного вопроса» (полностью опубликован в трудах общества «Аграрные вопросы в России», вып. 1).

В «Независимой газете» 18 октября 1994 г. вышла статья Н. Рогалиной «Возвращение Бориса Бруцкуса?» — к 120-летию со дня рождения.

В «Новом времени» № 2-3, 1995 вышла статья Бруцкуса «Будут ли у нас тучные годы» — подготовленные Н. Рогалиной фрагменты доклада Бруцкуса на III Всероссийском агрономическом съезде, напечатанного в 1922 г. в «Вестнике сельского хозяйства».

Так «великий русский экономист» (Д. Г. Вильхельм) и — добавим от себя — крупный правозащитник Борис Бруцкус был извлечен из незаслуженного забвения.

* * *

В предлагаемый сборник включено впервые выходящее полностью на русском языке классическое «Экономическое планирование в советской России». Текст первой части полный, по парижскому изданию (перепечатанному в «Новом мире»). Приведено и предисловие Ф. Хайека. Остальные материалы были совсем недавно обнаружены в старых бумагах сыном Бруцкуса, Д. А. Бруцкусом. Все три статьи были, по-видимому, полностью закончены, но от рукописей двух, к сожалению, сохранились лишь фрагменты. Статья «Советская Россия и социализм», рукопись которой сохранилась полностью, была опубликована в малотиражном журнале «Голос Зарубежья».

«Советское и крестьянское хозяйство», судя по тексту, написано в 1929 г. Статья дает картину антикрестьянской политики, последовательно проводившейся советским правительством под прикрытием лозунгов о «союзе рабочих и крестьян». Здесь,

между прочим, бросается в глаза четкое доказательство факта, что истинной причиной голодной катастрофы 1921 г. была не война, а попытка организовать безрыночное безденежное хозяйство, названная впоследствии, чтобы снять с себя ответственность, «политикой военного коммунизма». Отмечая бедственное положение крестьян, Бруцкус отнюдь не идеализировал положение рабочих, хотя и указывал на некоторые предоставлявшиеся им привилегии. Он не дожил двух лет до того, как они были закрепощены указом 1940 г. о запрещении самовольного ухода с работы.

«План и рынок в хозяйстве советской России» написан во всяком случае — после выхода в свет «Экономического планирования в советской России». Через все периоды красной нитью проходит «волевое» планирование, не считающееся с экономической реальностью, за что приходится расплачиваться бедствующему населению.

«Советская Россия и социализм», по словам автора, «заключает [его] почти двадцатилетнюю работу по исследованию хозяйства, а также и некоторых других сторон жизни советской России, она является резюме [его] размышлений о социализме». Перекликаясь во многом с предыдущими публикациями, она, естественно, развивает и дополняет высказанные там идеи.

Здесь представляется необходимым прокомментировать мысль Бруцкуса, что социалистическая диктатура «может, конечно, погибнуть вследствие внутреннего разложения (признаки такого внутреннего разложения выступают весьма отчетливо в настоящий момент), от стихийных внутренних взрывов, от внешней катастрофы. Но нельзя рассчитывать на то, что она будет преодолена организованным общественным движением: для этого нет в социалистическом государстве никаких предпосылок». С царской автократией борьба велась как легальная, так и подпольная, поддерживаемая почти открыто сочувствовавшими интеллигентами. Бруцкус все это видел. Но общественное движение не могло просто свергнуть власть; оно «всего лишь» стимулировало внутреннее разложение, в результате которого власть оказалась лишенной опоры. Армия легко подавляет любой бунт, если задача стоит перед нею лишь как чисто военная. Это подметил еще Энгельс, и мы тоже могли недавно наблюдать это в России. Поэтому падение любой диктатуры может быть лишь результатом внутреннего разложения. Замечательно, что Бруцкус сумел разглядеть его признаки до второй мировой войны, когда большая часть активной российской интеллигенции еще верила большевикам. После войны процесс разложения резко ускорился. Главной причиной было разочарование широких масс, узнавших жизнь за рубежом и увидевших, что победа над

Германией, потребовавшая столько героизма и жертв, привела лишь к новым массовым репрессиям вместо обещанного повышения уровня жизни. В тюрьмах и лагерях я встречал подпольщиков — молодежь, верившую в социализм, но отвергавшую «сталинизм». Это движение нравственного сопротивления, вылившееся потом, в частности, в движение диссидентов, сыграло важную роль в разложении, приведшем к краху социалистической диктатуры и КПСС.

Предпосылки борьбы против строя следует искать, видимо, в психологии людей. Происходило примерно то, о чем писал Добролюбов в статье «Луч света в темном царстве». Не героическое отрицание советской жизни, а невозможность мириться с таким существованием рождала инакомыслие, проявлявшееся в разговорах на «московских кухнях» (Ю. Ким). И распространяясь вширь и вглубь, оно вело к разложению советского общества, где «на собрании говорили одно, дома другое, а думали третье». Шедший все время, этот процесс долгие годы не мог иметь внешнего проявления и не мог быть виден жившему за границей Бруцкусу.

Приложение — воспоминание Г. А. Рокаха о реконструкции Саратовского завода тяжелых зуборезных станков — показывает на конкретном примере пороки социалистической системы управления хозяйством из единого центра, предсказанные Бруцкусом еще в 1920 году.

В заключение выполняю приятный долг: благодарю Давида-Анатоля Бруцкуса за предоставление рукописей отца и Григория Анатольевича Рокаха за разрешение опубликовать его воспоминания.

В. Каган

СОВЕТСКОЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. ВВЕДЕНИЕ

Если коммунистическая партия захватывает власть в аграрной стране не на короткое время, но хочет долго ее удерживать, то в социальной революции должны активно участвовать не только пролетарии, но и широкие массы крестьян. Крестьяне должны разделять с рабочими ответственность за социальную революцию, и тогда и только тогда коммунистическая партия может быть уверена, что она будет поддержана крестьянскими массами в тяжелой борьбе с контрреволюцией. Это была руководящая идея Ленина, и она под названием ленинизма проповедывалась во всем мире.

Этот план осуществления социальной революции удался в России. Два обстоятельства способствовали победе социальной революции в России. Во-первых, мировая война сильно подорвала структуру русского народного хозяйства, и, во-вторых, у русского крестьянства, жившего еще по традиции в сельских общинах, не было развито чувство частной собственности на землю. (Дальше полстраницы оторвано. — *В. К.*)

2. ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Россия всегда была аграрной страной с относительно слабым разделением труда. По данным единственной переписи населения, имевшей место при старом правительстве 28 января 1897 г., почти 3/4 (74,3%) населения указали сельское хозяйство как свою основную профессию. Здесь, однако, нужно заметить, что значительная часть сельского населения северной России занималась всякими другими видами хозяйственной деятельности как побочной профессией. За 17,5 лет до начала войны индустриализация России сильно шагнула

вперед; особенно важно было быстрое развитие тяжелой промышленности на юге России в Донбассе. Но за такой короткий период это не могло внести принципиальных изменений в расслоение профессий.

Русская промышленность работала почти исключительно на внутренний рынок. Вывоз промышленной продукции (в среднем за 1909—1913 гг. 157,5 млн. руб.) по отношению к общему ее объему был совершенно незначителен. Напротив, промышленность нуждалась в большом ввозе машин, сырья (хлопка, шерсти и др.) и угля, составлявшем в 1909—1913 гг. в среднем 662,1 млн. руб. Ввоз для нужд большого русского сельского хозяйства был всего 82,0 млн. руб. Русский экспорт, покрывавший долги и большой импорт для нужд индустрии, состоял в основном из продуктов сельского хозяйства. В среднем за 1909—1913 гг. их экспорт составлял (не включая сюда продукции сельского хозяйства, охоты и рыбной ловли) 1180,6 млн. руб. — 70,4% от цены всего вывоза.

Цены русских промышленных товаров были много выше, чем заграничных, и потому русская промышленность могла существовать только под защитой высоких пошлин. Промышленные товары в России стоили примерно на 80% дороже, чем в Германии*, и эту перегрузку должно было нести сельское хозяйство. При таком положении вещей само собой понятно, что развитие русского хозяйства полностью зависело от состояния сельского хозяйства.

Русское сельское хозяйство имело преимущественно мелкокрестьянскую организацию. Перед освобождением крестьян в 1861 г., правда, в русском сельском хозяйстве играли важную роль крупные помещики; они почти одни были поставщиками на рынке зерновых. Однако после реформы значительная часть крупных хозяйств не смогла сохраниться. Они распались, их земли были арендованы и постепенно перекуплены крестьянами при содействии ипотечных банков. Ликвидация крупных землевладений под впечатлением бурного аграрного движения 1905—1907 гг. приняла даже панический характер. Доля крупных хозяйств в сельскохозяйственной продукции России составляла лишь 10,9% от общей стоимости; их доля в товарной продукции достигала примерно 15%**.

Несколько выше этого среднего была доля крупных хозяйств на хлебном рынке, — по вычислениям известного русского экономиста

* Согласно расчетам Госплана. См. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1926—1927 гг.», стр. 158.

** «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства». Материалы исследования Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) СССР. Госиздат, 1928, стр. 353. Здесь нужно заметить, что все вычисления русскими статистиками доли продукции крупных хозяйств перед войной основаны на результатах подсчетов 1916 г. Однако в этом году под влиянием военных событий объем сельскохозяйственной продукции несколько уменьшился, причем в крупных хозяйствах много сильнее, чем в мелких. Поэтому упомянутые проценты, по-моему, несколько занижены.

проф Н. Д. Кондратьева, 21,6%*. Надо заметить, что немалая часть остаточных ходовых зерновых была из крупных крестьянских хозяйств степной полосы, имевших капиталистические черты. Важнейшие продукты животноводства, как мясо, масло, яйца, а также интенсивные культуры, как хлопок, лен, коноплю, подсолнечники, табак, поставляли на рынок преимущественно или исключительно мелкие крестьянские хозяйства. Немалым исключением была сахарная свекла, где крупное хозяйство удерживало господствующее положение. Хотя крестьянам принадлежало в 1913 г. 23% полей сахарной свеклы, но из-за низких урожаев они давали лишь 15% всей массы свеклы. В культуре сахарной свеклы на севере и земледелии в степях Украины крупное хозяйство еще играло важную роль, которую уже давно утратило в других частях империи. Общее развитие земельных отношений вело к тому, что снабжение рынка всегда зависело больше от крестьянских хозяйств, стоявших еще главным образом на самоснабжении. По вычислениям Госплана перед войной на рынок помимо деревни поступало едва четверть (23,8%) валовой сельскохозяйственной продукции; для крестьянских хозяйств этот процент был еще несколько ниже. Но здесь еще нельзя усмотреть опасности для русского народного хозяйства, поскольку общим стремлением крестьян было установить тесную связь своих хозяйств с рынком. Особенно большого прогресса достигло русское народное хозяйство накануне мировой войны; потрясения несчастной войны с Японией и первой революции довольно быстро устарели. Экспорт сельскохозяйственной продукции находился в состоянии быстрого роста и почти полностью обеспечивался поставками крестьян на рынок. Средний вывоз за три года:

	Миллионы пудов		Рост вывоза,%
	1903—1905	1911—1913	
Продукция молочного хозяйства (в основном масло)	3,0	5,7	90
Яйца	2,9	3,6	24
Льняное волокно	18,5	22,1	19

Еще быстрее экспорта развивался внутренний рынок. Так, на внутренние рынки было отправлено в 1903—1905 гг. в среднем 327,9 млн. пудов, а в 1911—1913 гг. — 429,3 млн. пудов телег с хлебом, т. е. на 31% больше, чем по железной дороге. В 1905 г. было отправлено 14,5 млн. пудов растительного масла, в 1913 г. уже 26,6 млн. пудов; соответствующие цифры для свежих овощей были 116 и 244 млн. пудов. И также обстояло со всеми другими сельскохозяйственными продуктами.

* Проф. Н. Д. Кондратьев. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. Изд. «Новая деревня», М., 1922, стр. 15.

Втягивание крестьян в хозяйственный оборот после их освобождения было частично вынуждено тяжелыми платежами, которые они должны были вносить за свои земельные наделы. Эти платежи были, однако, уменьшены в 1881 г. и полностью отменены в 1906 г. Но увеличение сельского населения привело к развитию крестьянской аренды и позднее скупки земли, что было связано для крестьян с еще большими платежами. Эти платежи составляли для европейской России (без Польши) перед войной 376 млн. рублей. Сюда добавляются еще прямые налоги в размере 142 млн. руб., так что общий размер платежей крестьянства в европейской России достигал 518 млн. руб.* Эти платежи были более примерно 20% стоимости сельскохозяйственных продуктов, которые крестьяне поставляли на рынок. Связи крестьян с рынком уже перед войной вынуждались и поощрялись в общем и целом не обязательными платежами, а удовлетворением потребностей и развитием их собственного хозяйства. Даже в далеких северных лесах или в деревнях, заброшенных в киргизских степях, крестьяне не хотели и не могли остаться без связи с рынком. Не имея возможности получать деньги из побочных заработков, они должны были приспосабливать свое хозяйство к рынку. Это привело к известной специализации русского сельского хозяйства согласно природному своеобразию и конъюнктуре в различных областях. Сравнительно редко заселенные степные области снабжали рынок хлебом; в северной части Украины развилась культура сахарной свеклы; мелкокрестьянское северное хозяйство наложило отпечаток на льноводство и молочное хозяйство. Крестьяне дополняли основной денежный доход продажей побочных продуктов, важных для рынка, например, конопли, табака, овощей, яиц и т. д.

Крестьяне глубоко втягивались в денежное обращение благодаря не только расширению внутреннего и внешнего рынка, но и всегда благоприятному действию обмена сельскохозяйственных товаров на промышленные, сильно выросшему в новом столетии. Это видно из следующих индексов**.

	Индексы цен	
	1890 г.	1913 г.
Сельскохозяйственные товары	100	135,6
Промышленные товары	100	109,7
Текстильное сырье	100	152,0
Текстильные товары	100	127,6

* Альберт Вайнштейн. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. Опыт статистического исследования. С предисловием проф. Н. Д. Кондратьева. Изд. «Экономист», М., 1924, стр. 47—48.

** М. Подтягин. Индексы цен перед войной. «Статистическое обозрение», 1928, № 4.

Эти цифры показывают, что при обмене своих товаров на промышленные сельский хозяин получал перед войной на 20—25% больше, чем в конце прошлого столетия. При таком развитии можно было верить, что строительство русского народного хозяйства надежно приспособится к условиям жизни. Но тяжкие испытания мировой войны оказались ему не по плечу, оно рухнуло, и это означало крушение русского государства и русской культуры.

3. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ (АВГУСТ 1914 — ФЕВРАЛЬ 1924)

Мы не можем не дать здесь обзора развития русского сельского хозяйства в годы мировой войны, революции и первого периода новой хозяйственной политики, так как иначе читателю будет трудно правильно понять существо столь важных переворотов, происшедших почти в рассматриваемый период. Мы вынуждены, однако, из-за недостатка места быть очень краткими*. Негативные влияния мировой войны на сельскохозяйственную продукцию России не были особенно опасными. Подсчет в 1916 г. не обнаружил заметного падения посевных площадей и особенно животноводства. Вследствие изобилия рабочей силы в перенаселенной русской деревне большие мобилизации еще не могли вызвать острого недостатка рабочих рук. Роковым для русского народного хозяйства был факт, что война чрезвычайно усилила зависимость сильно выросшего внутреннего рынка от мельчайших полунатуральных крестьянских хозяйств. Поэтому крупные землевладельцы и частично зажиточные крестьяне вынуждены были сокращать посевные площади из-за недостатка рабочих рук. Положение сельскохозяйственных рынков обострилось еще из-за железных дорог, не справлявшихся с задачами, которые ставила перед ними война. Юго-восток, имевший до войны самое большое значение для снабжения внутренних рынков, был полностью от них отрезан, так как на востоке существовали лишь единичные железнодорожные линии. Что же касается мелких крестьян, то они постепенно потеряли интерес продавать свою продукцию. Из-за наступившей инфляции денежные обязательства землевладельцев по отношению к ипотечным банкам и государству значительно уменьшились. Из-за прекращения продажи водки крестьяне тоже должны были поневоле сберегать значительные суммы, которые они прежде тратили на покупки. Зна-

* Подробная характеристика развития русского сельского хозяйства от начала мировой войны до конца 1925 г. дана в книге автора: «Аграрное развитие и аграрная революция в России». Институт Восточной Европы в Бреслау. Источники и исследования. Изд. Герман Зак. См. гл. 5 и 6, стр. 134—243.

чительная масса денег текла в деревню как государственная поддержка семей призывников. Решающее значение, однако, имел факт, что индустрия была занята работой на войну и что рынок был расстроен инфляцией, поэтому крестьяне не могли получить реального эквивалента в промышленных товарах за свою сельскохозяйственную продукцию. Крестьяне замыкались в натурально-хозяйственную скорлупу, и это потрясало самые основы структуры русского народного хозяйства. Правительство пыталось заготовить сельскохозяйственные продукты для нужд армии и городского населения путем все более острых принудительных мер; накануне революции оно хотело даже ввести принудительный хлебный налог. Эти принудительные меры были малоуспешны, так как было чрезвычайно трудно и политически опасно применять их к крестьянским хозяйствам вплоть до мельчайших. Последствием их было, однако, полное расстройство частной торговли сельскохозяйственными продуктами. Поэтому задолженность правительства населению чрезвычайно выросла, и оно не могло ее погасить. Уже к концу 1915 г., когда из-за падения экспорта в стране имелся огромный избыток продовольствия, города страдали от продовольственных трудностей «при полных амбарах в стране». Продовольственные трудности обострялись все больше и больше и были одной из причин падения старого режима. С революцией положение не облегчилось, а стало еще более тяжелым. Инфляция шла во всевозрастающем темпе, производительность промышленности стала быстро падать.

Одним из важнейших решений Временного правительства в хозяйственной области было объявление 25 марта 1917 г. хлебной монополии. Этот закон имел целью не только монополизировать торговлю хлебом, но также вообще ограничить право сельского населения свободно распоряжаться своим хлебом. Но Временное правительство не делало серьезных попыток осуществить хлебную монополию; оно пыталось путем дальнейшего повышения цен приобрести достаточно хлеба, чтобы прокормить армию и города. Тем не менее издание закона о хлебной монополии было важным событием в хозяйственной жизни страны. Правительство подняло тем самым спрос на важнейшие продукты сельского населения. Так военное хозяйство проложило путь к коммунизму, и он победил во время октябрьского переворота. В деревне социальная революция означала победу, которая до войны, как можно было верить, вела к отмиранию раздробленной общины. После октябрьского переворота крупные хозяйства были разграблены и весной их земля была распределена между крестьянскими общинами. Этим, однако, не кончилось. В общий раздел были вовлечены также большие поля, купленные крестьянами у крупных землевладельцев. Это вело к уравниванию земельных участков во владении крестьян и соответствовало смыслу закона от 6 февраля старого стиля 1918 г. о социализации земли. Декретом от июля 1918 г. правительство передало власть в деревне комитетам бедноты, в которых были сильно представлены элементы, пришедшие из городов. Эти комитеты использовали силу, чтобы провести и в деревне лозунг «грабь награбленное». Поощряемые правительством, они конфисковали скот, инвентарь, хлеб и всякие запасы у зажиточных крестьян, так называемых «кулаков», и распределяли все это среди

бедняков (раскулачивание). Правительство пыталось через организацию государственных предприятий и производственных кооперативов, а позднее подчинение своему контролю крестьянских хозяйств социализировать сельское хозяйство. Эти попытки были полностью неудачны. Аграрная революция привела к дальнейшему ослаблению связи сельского хозяйства с рынком, так как не мелкие, но крупные хозяйства крупных землевладельцев и зажиточных крестьян зависели от рыночного обращения. Восстановление свободного рынка не входило, однако, в намерения коммунистического правительства. Оно вышло из мировой войны и распустило миллионную армию не для того, чтобы отменить принудительные меры, так опустошительно повлиявшие на народное хозяйство. Оно их оценивало очень высоко, так как усматривало в них исходный пункт для строительства социализма. Коммунистическая партия пыталась теперь в хаосе прогрессирующей социальной революции и кровавой гражданской войны железной рукой построить систему последовательного натурально-хозяйственного государственного социализма (коммунизма)*. Правительство подтвердило существование хлебной монополии и пыталось осуществить ее путем классовой борьбы. Сперва оно опиралось на деревенские комитеты бедноты. Когда те не справились, оно создало вооруженные отряды из голодных рабочих, которые ходили из деревни в деревню и отнимали у крестьян продукты. Была принята продразверстка, которую пыталось осуществить еще старое правительство. Это обложение постепенно распространилось не только на хлеб, но и на все продукты сельского хозяйства. Крестьяне должны были также выполнять принудительные работы и гужевую повинность. Раскладка налога была преднамеренно рассчитана на основании совершенно недостаточных данных так, чтобы у крестьян изъять все продукты сверх скромного минимума. Крестьяне солидарно отвечали за точный взнос налога. Линия коммунистов была такова, что крестьяне должны приобретать промышленные товары бесплатно. Но это было невыполнимо, так как из-за расстройства национализированной индустрии правительство располагало лишь минимальным количеством товаров. Увеличение конфискаций тоже не давало денег. Пока продолжалась гражданская война, крестьяне худо-бедно терпели большие конфискации. Коммунистические комиссары еще могли убеждать крестьян, что их продукты забираются, собственно, для их же сыновей, которые воюют против помещиков. Осенью 1920 г. гражданская война окончилась победой советского правительства. Однако это не послужило сигналом к отмене принудительного хозяйства. Напротив, именно сейчас, после победы над контрреволюцией правительство вполне уверилось, что ему удастся побороть все внутренние трудности и построить коммунизм.

* Позже, когда попытка привела к жестокой катастрофе, господствующая партия назвала эту эпоху «военным коммунизмом». Это название получило права гражданства, и мы тоже будем им пользоваться. Но при этом нужно помнить, что строительство коммунизма никоим образом не было следствием гражданской войны, а было самоцелью правительства.

После плохого урожая 1920 г. изъятие излишков во вновь завоеванных степных областях было проведено с наибольшей строгостью.

Со времени введения продразверстки крестьянские восстания не прекращались. Сначала они носили локальный характер. К началу 1921 г. терпение крестьян было исчерпано. Волна больших крестьянских восстаний затопила огромную территорию от Сибири до Москвы. Это сказалось и в городах, где жизнь рабочих на коммунистических рационах (пайки) была отвратительной. После восстания в Кронштадте вождь русской революции Ленин счел себя вынужденным отказаться от политики последовательного коммунизма. Хотя партии удалось и в этот раз с беспощадной жестокостью подавить все восстания, эта победа не могла убаюкать Ленина обманчивыми надеждами. Его мнение было, что Россией невозможно управлять наперекор ясно выраженной воли крестьянства. Под давлением Ленина партийная конференция 15 марта 1921 г. постановила немедля заменить продразверстку продналогом. Так Россия вступила в период новой экономической политики (НЭП). Поворот пришел слишком поздно. Страна была ввергнута в чудовищную катастрофу. После сильного неурожая 1921 г. страшный голод охватил степные районы от Киргизии до западных границ страны. Каковы причины этой катастрофы, стоившей жизни миллионам людей, последствия которой до сих пор, 8 лет спустя, еще дают себя знать в юго-восточной России? Как мы знаем, мировая война не особенно сильно повредила крестьянское сельское хозяйство. Значительнее были опустошения в годы гражданской войны, и даже тогда в наиболее пораженных областях Сибири и Украины посевные площади мало уменьшились. Голодная катастрофа была главным образом следствием революции. Два момента социальной революции привели к гибели русское сельское хозяйство: аграрный переворот и продразверстка. Ясно, что в хаосе социальной революции бедные крестьяне не могли использовать землю, которой они овладели. Кроме того, крестьяне были тогда исполнены яростью уравниловки. Они повторяли разделы из года в год и тем сделали невозможной упорядоченную обработку почвы. И тогда пришла еще продразверстка. Она не только обессилила крестьянское хозяйство, но и фатально повлияла на психологию крестьян. Они потеряли всякий интерес развивать свое хозяйство сверх того, что нужно для их непосредственных нужд. Последствия революции должны были быть роковыми в степных районах. В этих областях, где землю можно обработать только сильной упряжкой из 3-4 пар лошадей, только крупные крестьянские хозяйства были жизнеспособны. Уничтожив крупные крестьянские хозяйства, революция сломала хребет сельского хозяйства степных областей. Принцип изъятия излишков был также особо опасен для степных районов. Урожаи здесь очень непостоянны, и поэтому даже перед войной крестьяне привыкли иметь большие запасы, тем более необходимые сейчас, при расстроенном народном хозяйстве. Но в этом своем стремлении крестьяне столкнулись с политикой коммунизма. Когда правительство после скудного урожая в 1920 г. конфисковало и забрало на север все их запасы, оно поставило их перед реальной угрозой голода в случае неурожая. Население степей имело все основания для ожесточенного сопротивления изъятию его скудных запасов, которое можно было преодолеть лишь большим кровопролитием; дело шло буквально о последнем куске хлеба, который коммунистическое правительство вырывало изо рта населения степных районов. Катастрофа 1921 г. дополнила тяжелый удар, нанесенный социальной революцией русскому сельскому хозяйству. В следующем 1922 г. падение сельского хозяйства было самым глубоким. По сравнению с 1914 г. посевные площади в 1922 г. уменьшились на 35%; количество шерсти по сравнению с 1916 г. уменьшилось на 27%; число рабочих лошадей — на 30%. Машины и инструменты не обновлялись с начала войны и потеряли 40% своей эффективности*. Вторым важным следствием этого катастрофического развития было то, что сельское хозяйство полностью оказалось на самоснабжении. Ходовые культуры и отрасли сельского хозяйства сильно сократились. Табак, сахарная свекла и хлопок к 1920 г. почти полностью исчезли. Посевные площади конопли и мелкой сечки резко упали, так как эти культуры нужны не для снабжения своего хозяйства, но лишь для продажи на рынке. Аналогичная картина отмечалась в животноводстве. Число коров, наиболее важных для самоснабжения, убыло незначительно (согласно Вишневскому лишь на 10% по сравнению с 1916 г.); напротив, свиноводство, предназначавшееся в первую очередь для обслуживания рынка, упало особенно сильно (число свиней к 1922 г. уменьшилось на 50%). Состояние сельского хозяйства в отдельных областях большой страны характеризуется фактом распада народного хозяйства. Из-за подвоза дешевого хлеба с юга, где он рос без удобрений, до войны зерновое хозяйство в северных областях России считалось невыгодным. Сельским хозяйством на севере во многом пренебрегали, так как сельское население находило всякие другие выгодные приработки. Однако здесь развивались разные специальные отрасли хозяйства, как льноводство, молочное хозяйство, картофелеводство (для винокурения и производства крахмала). Теперь сельское население в северных областях значительно возросло из-за наплыва из голодающих городов. Подвоз хлеба с юга прекратился. Сельское население стало перед задачей прокормиться со своего клочка земли. Оно старалось сохранить, а местами даже расширить посевные площади. Разумеется, эти площади и скот скрывали от коммунистических властей. Поэтому деградация сельского хозяйства на севере была незначительной, но оно было, как и до революции, ориентировано на самоснабжение.

В степных областях сельское хозяйство до войны было больше всего втянуто в рыночный оборот; оно снабжало своим хлебом северные районы России и посылало за границу большие излишки своих зерновых. Здесь оно — в противоположность северу — пришло к

---

* См. Н. Вишневский. Сельское хозяйство СССР за десять лет революции. «На аграрном фронте» 1927, № 11—12, стр. 127, 130, а также Н. Огановский. Падение, восстановление и реконструкция сельского хозяйства в десятилетие 1917—1927. «Экономическое обозрение» 1927, № 10, стр. 60. В годы революции статистика тоже была в разрушенном состоянии, так что приведенные цифры имеют лишь приблизительное значение.

катастрофе. Посевные площади сократились (по Вишневскому) с 110,7 млн. в 1914 г. до 72,0 млн. десятин в 1922 г. Исчезнувшие 38,7 млн. десятин приходятся большей частью на степные области, особенно на юго-восточные, которые, потеряв 20—30% населения, выглядели опустошенными.

С натурализацией сельского хозяйства связано также всеобщее нивелирование крестьянских хозяйств. Каждый, кто жил на земле, стремился построить собственное хозяйство, так как все другие возможные заработки исчезли и приобретение продуктов на рынке стало невозможным. В этих условиях крупные крестьянские хозяйства существовать не могли.

Крестьянские хозяйства не только нивелировались, но и раздроблялись. Возвращение из городов многих взрослых работников, которые были местными жителями, и расшатывание авторитета отцов привело к массовому раздроблению больших семейных хозяйств, ускоряемому также налоговой политикой.

Можно было опасаться, что с падением посевных площадей на 35% Россия вступит в период длительного голода. Но в последующие годы начался умеренно быстрый процесс восстановления сельского хозяйства и вовлечения его в обмен. От острого голода Россию спас, собственно, счастливый случай. В очень экстенсивном хозяйстве русского юга урожайность зависит в преобладающей мере от метеорологических условий, плодородия и осадков. Хотя поля на юге в 1922 г. были обработаны очень плохо, урожай благодаря благоприятным метеорологическим условиям получился необычайно хорошим. Таким образом было создано важное предварительное условие для частичного восстановления сельского хозяйства.

Чтобы понять последующий умеренный ход развития, нужно постоянно принимать во внимание специфическую закономерность крестьянского хозяйства, приспособленного главным образом к самоснабжению. Русское сельское хозяйство в 1922 г. опустилось на столь низкую ступень, что первый же плохой урожай грозил населению голодной катастрофой. Крестьяне должны были использовать каждую благоприятную возможность, чтобы увеличить свою посевную площадь или поголовье скота. Это был для них вопрос жизни и смерти. Развитие крестьянского сельского хозяйства, основанного на самоснабжении, только частично зависит от рынка. В такой хозяйственно отсталой стране, как советская Россия, для массы сельского населения лишь изредка бывает приработок помимо собственного хозяйства. Это почти единственная область, где члены крестьянской семьи могут использовать свою рабочую силу. Крестьянин еще хорошо работает в своем хозяйстве даже при неблагоприятных рыночных условиях, если только правительство не отнимает у него всякой надежды подняться, как это было во время так называемого «военного коммунизма». Рыночные отношения решают лишь вопрос, должен ли крестьянин приспособлять свое хозяйство больше к самоснабжению или к рынку и какие области сельского хозяйства он больше развивает. Но образование прогрессивного интенсивного сельского хозяйства, глубоко включенного в обмен, невозможно без благоприятных рыночных отношений.

В первый период НЭП ряд наиболее вредных коммунистических мер был отменен, и это сделало возможным частичное восстановление сельского хозяйства. Решающей была замена продразверстки продналогом, связанная с отменой взаимной ответственности. Крестьянин получил стимул к расширению своего хозяйства.

Хотя Ленин постоянно подчеркивал, что НЭП — это «всерьез и надолго», он стремился удерживать развитие свободного хозяйства в узких рамках. Но свободное хозяйство, как и принудительное, тоже имеет свою логику развития. Его развитие пошло много дальше, чем Ленин думал вначале. Получив право распоряжаться своим продуктом, крестьянин должен был найти на рынке контрагента, которому мог бы его продавать. Организации государственной торговли и кооперативы еще не были созданы, а национализированная промышленность восстановила свою работу лишь в очень скромных размерах. Поэтому принципиально нужно было допустить частную торговлю и промышленность. Как только рыночные отношения были узаконены, сразу появились всякие товары, лежавшие раньше спрятанными. Регулярный рынок не может обойтись без средств обмена, и деньги одним ударом приобрели свое прежнее значение. Хотя эмиссия продолжалась, ценность денег падала в первое полугодие после провозглашения НЭП в умеренно медленном темпе из-за быстрого движения товаров. Бурное развитие рынка временно привело к относительной стабилизации валюты.

Социалистическое государство тоже вовлеклось в рыночные отношения. Оно быстро создало колоссальный аппарат продовольственного снабжения, оплачивая своих служащих деньгами и предоставив им самим снабжаться средствами питания на рынке. Решающее значение, однако, имело положение национализированной промышленности по отношению к рыночному и денежному обращению. Ленин хотел прямо защитить ее от порчи денежным обменом. Вся социалистическая промышленность должна была действовать как одна хозяйственная единица и осуществлять натуральный товарообмен с крестьянским сельским хозяйством. Однако, когда руководители государственных предприятий узнали, что они могут освободиться от зависимости центральных органов, парализовавшей жизнь их предприятий, искушение было слишком сильно. Отдельные предприятия выбросили товары на рынок и обеспечили себя сами средствами производства. Объединенное социалистическое хозяйство было подорвано, ненавистные центральные органы (главки) должны были устраниться, и это было к благу национализированной промышленности: она начала постепенно выходить из оцепенения. За полгода все элементы народного хозяйства освободились от мертвящих кандалов натурально-хозяйственного социализма и были вовлечены в обмен и денежное обращение.

Было короткое время в конце 1921 г., когда Ленин высказал даже открытое сомнение, что социализм вообще можно построить в России. Но это длилось недолго. Уже в марте 1922 г., т. е. через год после провозглашения НЭП и еще во время жуткой голодной катастрофы Ленин объяснил, что отступление социализма нужно остановить и нужно укрепить так называемые «командные высоты». Под «команд-

ными высотами» Ленин понимал централизованные структуры народного хозяйства и политическую систему диктатуры, которая вместе с «коммунизированными» кооперативами представляет социалистический сектор противостоящего ему народного хозяйства.

Ленин скоро ушел из политической жизни. Но его лозунг сохранять командные высоты был полностью созвучен господствующим в партии настроениям. Удержание командных высот соответствовало идее социализма и давало право коммунистам занять высокие посты в оживающем народном хозяйстве. Это сплетение идеологических и личных интересов делало коммунистов упорными борцами за построение социализма. Правда, дорога, ведущая к этому построению, была еще неясна. Вожди чувствовали себя несколько подавленными голодной катастрофой, и правительство разрешило частную торговлю, восстановившую разрушенные благодаря коммунистическому эксперименту связи в народном хозяйстве. Коммунистическая литература также вынуждена признать, что частная торговля очень быстро восстановила эти связи. «Правильно выбранный путь в области частной торговли, — читаем мы в праздничном издании к десятилетию советской власти,* — сделал то, что рыночное обращение в короткое время стало на ноги, и этого процесса не мог задержать даже тяжелый неурожайный год 1921/22». Дыхание жизни прошло тогда через мертвое царство коммунизма.

Правительство благоприятствовало вовлечению крестьянского хозяйства в денежное обращение. В 1921/22 г.** крестьяне еще должны были платить целый ряд натуральных налогов. С 1922/23 г. крестьянам дали возможность платить налог в любой натуральной форме. Был введен унифицированный натуральный налог, исчислявшийся в единицах ржи и пшеницы. С 1923/24 г. крестьяне могли платить налог в любой форме — натуральной или денежной. Крестьяне предпочитали платить налог деньгами, и это решило жребий натурального налога.

Советское правительство также пыталось устранить хаос, создавшийся вследствие революции в земельных отношениях. Аграрным законом 1922 г. было определено земельное соглашение между членами общины. Так аграрной революции поставили цель. Право на землю, предоставленную постановлением члену общины для использования, считалось неограниченным во времени. Действующий принцип национализации земли практически устарел. Правительство пыталось также прекратить частые переделы земли, дезорганизующие каждое порядочное хозяйство. Аренда земли и использование наемного труда в известных границах, долженствовавших препятствовать развитию капиталистических тенденций, в принципе были разрешены.

---

* Внутренняя торговля СССР за 10 лет. Изд. Наркомторга. М., 1928, стр. 6.

** Хозяйственный год в советской России начинается 1 октября. Для известной цели сельскохозяйственный год начинается 1 июля.

Эти мероприятия создали определенные предпосылки для развития упорядоченного сельского хозяйства.

После преодоления голодной катастрофы пошел процесс умеренного скорого восстановления сельского хозяйства, и в два года (1922—1924) посевные площади по приблизительным подсчетам выросли на 16 млн. десятин*. Сильно нуждаясь в промышленных товарах, крестьяне стремились подхватить требования рынка. Этим ни в коей мере не сказано, что рыночное обращение было в эти годы благоприятно для сельского хозяйства. При «военном коммунизме» рынок имел для сельского хозяйства минимальное значение. Усматривая все же некоторые закономерности в тогдашнем обмене, говорили о «диктатуре» съестных припасов и особенно хлеба. За пуд муки можно было получить все богатства, какие находились в стране. Все промышленные товары были обесценены по сравнению с продуктами питания, и еще больше было обесценено сырье — шерсть, лен, кожа, — из которого они должны были, но не могли изготовляться.

Прямым следствием провозглашения НЭП была сделавшаяся заметной тенденция падения цен на продукты питания. Нехватка продуктов в городах была в большой мере следствием коммунистической системы — причины деградации сельского хозяйства. После объявления НЭП продовольственное положение в городах значительно улучшилось. Эта тенденция не могла победить, так как вскоре пришли обеспокоившие вести о предстоящем полном неурожае в степях. До урожая 1922 г. цены на продукты оставались еще высокими. С появлением на рынке урожая 1922 г. диктатура продуктов питания была сломлена. Развилось противоположное явление: в сравнении с промышленными обесценились продукты сельского хозяйства. К 1 декабря 1922 г. цена ржаной муки была ниже, чем до войны, а к 1 мая 1923 г. она потеряла уже 40% цены**. После первого хорошего урожая рыночные цены для сельского хозяйства также были неблагоприятны. Как это могло произойти сразу после ужасной голодной катастрофы? Это объясняется частью существованием принудительного хозяйства, частью плохой организацией рынка.

Натуральный налог в 1922/23 г. был очень высоким. Он составлял 408,6 млн. пудов ржи, из которых 350 млн. пудов было сдано в форме хлеба и зерна***. Местные власти тоже собирали для местных нужд налог в натуральной форме. Население городов было тогда много меньше, чем до войны, и его потребности в основном удовлетворялись натуральным налогом. Что касается населения известной части юго-востока, пострадавшего в 1922 г. от неурожая, то оно, не имея покупательной способности, вынуждено было довольствоваться тем немногим, что ему давало правительство. Внутренняя частная торговля, которая могла бы связать эти отдаленные области с центральным

---

* Н. Огановский, стр. 62.

** Хлебные цены и хлебный рынок. Под ред. А. А. Вайнштейна. Труды Института конъюнктуры. Финансовое издательство. М., 1925, стр. 23.

*** Хлебные цены и хлебный рынок, стр. 25.

рынком, еще не могла развиться. Итак, правительство пришло к вывозу зерна, в котором столь остро нуждались голодающие в стране, уже весной 1923 г. В 1923/24 г. урожай был несколько ниже, чем в предыдущем году, несмотря на значительное увеличение посевных площадей. Но сельскохозяйственный налог был на 25% выше — 520,5 млн. пудов ржи вместо 408,6 млн. пудов в 1922/23 г. Крестьянам уже было в этом году разрешено платить налог натурой или деньгами. Это было важным облегчением: фактически свыше 3/4 крестьян (77,8%) выплатили налог деньгами. Но положение на рынке оставалось для крестьян крайне неблагоприятным.

Правительство потребовало от крестьян немедленно после уборки урожая уплатить высокий налог. Уже в 3 месяца (август — октябрь) было взыскано 52%, а к 1 января 3/4 налога. Крестьян также заставили быстро продать урожай, и это сильно повлияло на цены.

Товарообращение для русской равнины тем временем сложилось крайне неблагоприятно. К концу 1922 г. правительство пыталось привести в порядок национализированную промышленность, чтобы стабилизировать деньги. Это приобрело большое значение для городов, тогда как осталось малодоступным для русской равнины. Появление новых стабильных денег привело к быстрому обесценению старых нестабильных денег («совзнаков»), и убыток от этого обесценения должно было нести почти исключительно сельское население.

Советское правительство смогло очень дешево снабдить города продукцией сельского хозяйства и при этом вывезти 171 млн. пудов. Вывоз зерна одним ударом достиг 25% довоенного объема. Он был выгоден, и правительство получило возможность снабдить национализированную промышленность столь нужным ей сырьем и машинами.

Положение национализированной промышленности было совсем другим, чем сельского хозяйства. Она получала большие кредиты и притом в стабильных деньгах. Ей не нужно было спешить продавать свою продукцию. Цены товаров промышленности были очень высоки, но она занимала монопольное положение и могла требовать высокие цены, получая при этом большую прибыль. Соотношение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров было чрезвычайно невыгодно для крестьян. К 1 октября 1923 г. индекс оптовых цен достиг для промышленных товаров 2,757 (1913 г. = 1), тогда как для сельскохозяйственных товаров он был только 0,888. Отношение индексов было таким образом 3,10. При этом индекс зерновых был 0,666, кормов для скота 0,922 и текстильного сырья 1,687. Зерно сильно обесценилось, и это повлияло на развитие зернового хозяйства по сравнению с интенсивными культурами и животноводством. Так, однако, не могло продолжаться. Когда налог был уплачен, предложение сельскохозяйственных товаров резко упало и цены к 1 февраля 1924 г. приблизительно удвоились по сравнению с осенью 1923 г. Но крестьяне вообще не хотели больше принимать «совзнаки». Они вернулись снова к натуральному обмену, они охотнее покупали товары мелкой промышленности, чем дорогие товары национализированной промышленности, они вообще тянулись обратно к натуральному хозяйству.

Добровольная связь крестьянского хозяйства с национализированной промышленностью, на которую Ленин возлагал такие большие надежды (так называемая «смычка»), стояла перед угрозой полного краха. Продукция крупной промышленности достигала еще едва 31% довоенной, и все же она пришла к острому кризису сбыта. Было ясно доказано, что по пробитой дороге дальше идти нельзя; первый период НЭП пришел к концу едва через три года. Чтобы обеспечить дальнейшую перестройку народного хозяйства, нужно было пробивать другие пути.

4. ПЕРИОД НОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕ СТАБИЛИЗАЦИИ ВАЛЮТЫ (ФЕВРАЛЬ 1924 — КОНЕЦ 1927)

А. Ход развития хозяйственной политики

Определенные круги коммунистов были изначально недовольны объявлением НЭП — они рассматривали этот шаг Ленина как недопустимый компромисс с буржуазной системой хозяйства. Тогда они не могли проявить себя против сильной воли и подавляющего авторитета Ленина. Осенью 1923 г., через 2,5, года НЭП оппозиционные течения в партии усилились. Во главе оппозиции стоял Троцкий. Оппозиция никоим образом не отрицала видимых успехов народного хозяйства. Но она видела в них серьезную опасность для коммунизма, потому что они вели, по ее мнению, к усилению частного хозяйства в городе и в деревне. Развитие частной торговли и частной индустрии нужно сдерживать. Если крестьянин не хочет дешево поставлять свою продукцию в распоряжение социалистического государства, его нужно заставить. Так гласила программа оппозиции. Враждебное отношение к крестьянству оппозиция переняла у партии. Партия была чрезвычайно довольна результатами скупочной кампании 1923 г. Она верила, что сможет преодолеть разразившийся кризис дальнейшим требованием связи крестьянского хозяйства с социалистическим сектором народного хозяйства через рынок. Она была в этом так уверена, что совершенно отменила натуральный сельскохозяйственный налог к 1 января 1924 г.

Чтобы преодолеть кризис, правительство провело два важных мероприятия. Во-первых, оно решило прекратить систему двоякой стоимости валюты, из-за которой все убытки от обесценения денег ложились на крестьян. Государственный бюджет был сбалансирован, и во всех областях народного хозяйства была введена сносная стабильная валюта. Тем самым были созданы много лучшие условия для вовлечения крестьянского хозяйства в рыночный обмен. Одновременно советское правительство дало указание государственной промышленности существенно снизить ненормально высокие цены. Несмотря на сопротивление части руководителей промышленности эта директива была выполнена: с 1 апреля 1924 г. до 1 июля 1925 г. продажные цены в государственной промышленности снизились в среднем на 31%*. Хотя оппозицию принудили молчать, ее агитация не осталась

---

* Внутренняя торговля СССР за 10 лет, стр. 79.

без влияния на политику правительства. В 1924 г. даже говорили о коммунистической реакции. Что касалось частного хозяйства в стране, программа оппозиции была осуществлена. Советское правительство боялось, что быстрое отцветание рыночного обращения, которого можно было ожидать как следствия стабилизации валюты, может привести к укреплению частного хозяйства. Поэтому была предпринята экспроприация вновь накопленного частного капитала. Почти то же было сделано с оптовой торговлей продукцией национализированной промышленности. Чтобы постепенно вытеснить частных предпринимателей из мелкой торговли, частная торговля была обложена большими налогами и поощрялось развитие кооперативов. Были приняты также суровые меры, чтобы задушить большими налогами частную мелкую промышленность, надомную и ручную работу, которые быстрыми темпами развивались в первые годы НЭП. Национализированной промышленности должно было быть предоставлено монопольное положение на рынке.

Эта хозяйственная политика имела благоприятное влияние на советское хозяйство: количество промышленных товаров, купленных крестьянами, в 1924/25 г. по сравнению с 1923/24 г. выросло на 50%*. С острым кризисом сбыта в государственной промышленности это кончилось вскоре после стабилизации валюты. Уже весной 1925 г. на рынке промышленных товаров создалась новая ситуация, все более характерная для дальнейшего развития хозяйства: количество товаров на русской равнине не соответствовало спросу, и этот недостаток товаров обострился в последующие годы в явный товарный голод.

Оживление обмена пошло на пользу восстановлению национализированной промышленности. Ее продукция выросла в 1923/24 г. на 30%, в 1924/25 г. на 60%. Снижение цен могло частично быть уравновешено уменьшением общих расходов.

Правительство было убеждено, что ему удастся без принудительных мер приобрести продукцию крестьянского хозяйства в достаточном количестве по дешевым ценам. Для этого был создан ряд государственных торговых организаций, которые должны были снабжать сельскохозяйственными продуктами промышленные города, фабрики, Красную армию, особенно важные окраины (как, например, хлопковые области Туркестана, нефтяной район Закавказья). Правительство поощряло скупку сельскохозяйственных продуктов через центральные потребительские и сельские кооперативы. Обсуждая их деятельность, нужно всегда иметь в виду, что русские кооперативы «коммунизированы», т. е. в советской России они не являются независимыми демократическими организациями, как в буржуазном мире. Они созданы не снизу вверх, а сверху вниз. Их ничтожные собственные средства вовсе не соответствуют их значительным оборотам. Уже потому, что кооперативы могут получать денежные и товарные кредиты только от государственных организаций, они попадают в полную

* Проф. Л. Н. Литашенко. Емкость крестьянского рынка. С предисловием С. Г. Струмилина. «Промиздат», М. — Л., 1927, стр. 35.

зависимость от коммунистического государства. А оно вовсе не хочет считаться с принципом самоуправления кооперативов. Выборы в кооперативах, как и во всех так называемых общественных организациях советской России, подлежат контролю партии, и часть правления кооператива назначается партией. Поэтому коммунистическое большинство всегда гарантировано*. При таком положении дел кооперативы не защищают интересы своих членов, люди не рассматривают их как свою организацию и не доверяют им своих сбережений. Российские кооперативы — органы коммунистического государства, выполняющие планы, выдвигаемые правительством. Правительство надеялось, что сможет при их посредстве прийти в тесный контакт с массами населения.

Государственные торговые организации и кооперативы были подчинены руководству комиссариата внутренней торговли (Наркомвнуторг), созданного в 1924 г., который позднее объединен с комиссариатом внешней торговли (Наркомвнешторг) в комиссариат торговли (Наркомторг). Наркомторг выработал полный план заготовки сельскохозяйственных продуктов, который определил, сколько и каких продуктов и по какой цене должна закупить каждая организация в каждой области. Через эти организации правительство надеялось овладеть сельскохозяйственным рынком, не прибегая к принудительным мерам. Эти надежды, однако, не оправдались в 1924/25 г. Урожай в 1924 г. выдался плохой, юго-восток снова оказался под угрозой голода. Однако и в этом несчастливом году правительство хотело купить хлеб дешево и осуществить большой его экспорт. Согласно предписанию Наркомвнуторга хлеб должен быть куплен по ценам много ниже довоенных. Благодаря большому подъему рынка после стабилизации валюты в 1924/25 г. дело не дошло до голодного мора на юго-востоке, но поэтому цены установились на значительно более высоком уровне, чем хотело правительство. Экспорт упал: напротив, весной правительству пришлось ввозить хлеб для больших городов. Это вызвало значительный дефицит во внешней торговле. Неуспех не повлиял на общее направление хозяйственной политики: его приписали случаю — плохому урожаю. В мае 1925 г. в 3-ю годовщину объединения страны советы отмечали либеральную политику по отношению к крестьянству как одну из самых больших своих побед. Еще верили, что крестьянин сдаст свой урожай в распоряжение власти без сильного внешнего давления, которое могло сбить прогресс крестьянского хозяйства. Сельхозналог, который в несчастливом 1924/25 г. составлял 374 млн. руб. был снижен в 1925/26 г. до 256 млн. руб. Был также удлинен срок выплаты. Чтобы дать возможность зажиточным крестьянам быстро основать хозяйство в степных областях, было разрешено законом свободное использование наемного труда и аренды земли. Избиратель-

* Среди крестьян коммунисты попадаются редко. 1 января 1927 г. среди членов правления первичных сельских кооперативов было 18,9% коммунистов, а среди членов центрального правления 62,8%. Г. Каминский. Сельские кооперативы к десятилетию октября. «Экономическое обозрение», 1927, октябрь стр. 81.

ный закон в 1925 г. был так средактирован, что у зажиточных крестьян не было никакого повода опасаться потерять свое избирательное право. При этом власть никоим образом не собиралась отказываться от построения социализма. Она держалась тогда мнения, что прогресс социалистического хозяйства совместим с образованием зажиточного крестьянства (она верила, как иронически выражались противники этой политики, во «врастание кулака в социализм»). Даже положение мелких ремесленников и торговцев в 1925 г. несколько улучшилось. В том же 1925 г. пришло неминуемое прояснение пути к построению социализма. Его потребовало советское хозяйство, в котором, благодаря национализации важнейших отраслей, автоматическое регулирование хозяйства до некоторой степени угасало. Поэтому его нужно было заменить общим хозяйственным планом. Необъятный социалистический сектор, охватывавший крупную промышленность, транспорт, кредитную систему, внешнюю торговлю и отчасти внутреннюю торговлю, должен был быть упорядочен и независим от частного хозяйства, как это случилось в известной мере в первые годы НЭП. Поэтому планы нужно было выработать не только для отдельных государственных предприятий; они должны были координировать деятельность всего социалистического сектора.

Пока деньги не имели прочной основы, плановое регулирование развития хозяйства было невозможно. Элементарным предварительным условием для приведенного в беспорядок хозяйства была стабилизация валюты. Летом 1925 г. были также впервые готовы так называемые Контрольные цифры Госплана на 1925/26 г. Они содержали обзор состояния народного хозяйства и планы, как развивать дальше социалистический сектор и все народное хозяйство. Такие Контрольные цифры, все более детализированные, составлялись теперь для каждого наступающего года. Они были проверены и одобрены правительством; всем государственным предприятиям было предложено с ними считаться. С каждым годом значение этих планов возрастало.

Какие цели преследовало плановое хозяйство в СССР? Официально замышлялась одна цель: быстрая индустриализация страны. В национализированной крупной промышленности правящая партия усматривала основу строительства социализма: здесь будут созданы мощные производительные силы, с помощью которых и сельское хозяйство освободится от крестьянской оболочки и будет обобществлено путем механизации и электрификации. Сперва нужно было быстро оживить парализованную в период настоящего коммунизма индустрию и капитально устранить в ней большие разрушения. Эта задача была приблизительно решена к 1926/27 хозяйственному году. Одновременно началось строительство новой промышленности: хотели ослабить хозяйственную зависимость от капиталистических стран и усилить военную мощь СССР.

Кроме быстрой индустриализации, плановое хозяйство имело целью немедленно улучшить положение промышленных рабочих как социальной основы коммунистической диктатуры. Что касается крестьянского хозяйства, то тут главной целью было получить его продукцию по низким ценам и в большом количестве. Это было нужно, чтобы

осуществлять большой выгодный экспорт, дешево снабжать национализированную промышленность сырьем и давать высокую реальную заработную плату промышленным рабочим. Как выразился с помощью марксистской терминологии один из выдающихся теоретиков коммунизма Преображенский, советская Россия находилась в периоде «первоначального социалистического накопления». Средства для этого накопления должно дать русское крестьянство. Положение промышленных рабочих нужно немедля улучшить, крестьяне должны нести жертвы. Так они будут приведены пролетариатом в царство социализма, куда они без этого проводника никогда не нашли бы дороги. Правительство еще верило, что НЭП — правильный путь к этой цели.

В 1925 г. в советской России был отличный урожай. По плану нужно было закупить по дешевым ценам 780 млн. пудов (13 млн. тонн), и из них 300—400 млн. пудов шли на вывоз. Правительство было так в этом уверено, что сделало большую предварительную продажу урожая за границей, намереваясь ввезти много машинного оборудования для быстрого строительства промышленности. План рухнул. После смягчения налогового давления крестьяне вообще не спешили доставить урожай на рынок. После несчастливого 1924 года они хотели прежде пополнить свои сильно сократившиеся запасы. Но и когда они привозили хлеб на рынок, они могли его продать много дороже, чем властям. В первые три года народное хозяйство сильно оправилось, города снова наполнились населением, начало устанавливаться разделение труда между сельским хозяйством различных областей большой страны. Это благоприятное развитие повысило спрос на хлеб, тогда как зерновое хозяйство в степных областях после недавней катастрофы еще не достигло своего прежнего уровня.

Частный капитал, вытолкнутый в 1924 г. из торговли продукцией государственной промышленности, приспособился торговать сельскохозяйственными товарами. Он снабжал хлебом города и северные районы и сырьем мелкую промышленность. На рынке появились также местные торговые организации и кооперативы, удовлетворявшие местные потребности и не стоявшие в общем плане. Частные торговцы платили крестьянину за хлеб цену выше довоенной, более соответствующую хозяйственным условиям. В 1925/26 г. советское правительство пережило определенное разочарование. Вместо 300—400 млн. удалось вывезти лишь 125 млн. пудов хлеба и соответственно должны были быть ограничены планы индустриализации. Хотя сельское хозяйство значительно оправилось, размер вывоза не мог достичь уровня 1923/24 года (171 млн. пудов).

Картина рынка ясно показала, что идея быстрой индустриализации страны за счет крестьянства при данных условиях неосуществима, так как крестьянин, опираясь на свободные элементы хозяйства, может захватить на рынке более благоприятные позиции, чем ему может предложить правительство. Под впечатлением этих двух неудач в партии в 1926 г. снова возникло сильное оппозиционное движение против миролюбивой политики правительства по отношению к частному хозяйству. Кроме Троцкого, к оппозиции примкнул ряд выдающихся вождей коммунизма. Оппозицию смогли подавить лишь к концу следующего года, но ее программа была постепенно осуществлена.

Правительство пришло к убеждению: чтобы сделать крестьянина покорным, нужно лишить его поддержки, которую он имел в частной промышленности и торговле — пусть даже в скромном объеме. Уже осенью 1925 г. были приняты определенные меры, чтобы стеснить частную торговлю хлебом. Особенно большое значение имело так называемое «хозяйственное регулирование на транспорте». Была введена очередность отправки хлеба по железной дороге и частные грузы ставились в последнюю очередь. Практически это означало запрет частных перевозок хлеба по железной дороге, «Хозяйственное регулирование на транспорте» в 1925/26 г. было предписано лишь от случая к случаю на отдельных дорогах. С осени 1926/27 г. оно проводилось систематически и межрегиональная частная торговля хлебом была почти полностью подавлена. Запрет трестам конкурировать со скупочными организациями привел к исключению частной торговли путем перекупки другими сельскохозяйственными товарами, как семена масличных, кожа, табак и др. В 1927 г. стали регулировать цены промышленных товаров в частной торговле и привели к закрытию большей части частных магазинов в городах. Было приложено много сил, чтобы подавить отрасли частной индустрии, применявшие такую важную сельскохозяйственную продукцию, как сырье. В свое время были национализированы все мельницы. Но государство не могло управлять мелкими деревенскими мельницами, и они были скоро сданы в аренду частникам. Эти мелкие мельницы развили активный спрос на хлеб и содействовали подъему его цены. Поэтому осенью 1926 г. арендные договоры с частными мельниками были расторгнуты. В 1927 г. власть перешла к систематическому закрытию всех частных кожевенных фабрик и дубилен, многих маслобоен, табачных фабрик и т. д. По возможности были прерваны связи крестьян с частниками — они должны были иметь контрагентов только в социалистическом секторе, которые должны были быть единообразно организованы. Самостоятельный выход местных торговых организаций, республик и губерний на сельскохозяйственный рынок был большей частью запрещен; местные запросы должны были по возможности быть включены в общий план. Деятельность работающих по плану торговых организаций была унифицирована, чтобы избежать между ними всякой конкуренции. Раздробленные крестьянские хозяйства должны были противостоять строго унифицированному социалистическому сектору. Чтобы побудить крестьян продавать продукты, вновь повысили налог: вместо 256 млн. руб. в 1925/26 г. сельхозналог был назначен 300,6 млн. руб. в 1926/27 г. и 320 млн. руб. в 1927/28 г. Фактически он поднялся за последние два года до 357,9 и 354,1 млн. руб. Большую часть налога нужно было выплатить осенью; так власти рассчитывали добиться падения цен на продукты тотчас после снятия урожая. Самым важным для развития сельского хозяйства был, однако, факт, что осенью 1926 г. власти вновь начали борьбу с зажиточным крестьянством. Опыт 1924/25 и 1925/26 гг. привел правительство к убеждению, что зажиточный крестьянин — не подходящий контрагент на рынке: он умеет блюсти свои интересы, он требует за свои продукты цену, за которую советская власть не хочет платить. Для советской власти выгоднее, чтобы крестьяне оставались хозяйственно слабыми: только тогда они останутся зависимыми от социалистического сектора и смогут быть вовлечены в плановое хозяйство. Эта идея овладела теперь политикой советского правительства. Уже осенью 1926 г. появился новый избирательный закон для советов. По этому закону зажиточные крестьяне потеряли избирательное право, они были заклеймены как «кулаки». Хотя выборы в советы не имеют большого значения, так как органы власти благодаря откровенной избирательной процедуре назначаются коммунистической партией, лишение избирательных прав имело печальные последствия для граждан. Оно означало полное лишение гражданских прав, превращение их в париев коммунистического государства. Поэтому определение, кого считать «кулаком», было очень важно. Если крестьянин использовал наемный труд, если он давал свой инвентарь напрокат соседям, если он создал скромное промышленное производство, даже если он приобрел вторую лошадь или третью корову — этого было довольно, чтобы коммунистические органы власти объявили его «кулаком».

Зажиточные крестьяне были также очень сильно обременены налогом. Таблица дает представление об общем сельскохозяйственном налоге.

	1924/25	1925/26	1926/27
Сельскохозяйственный налог в млн. руб.	332	251,7	357,9
На душу сельского населения	2,85	2,12	2,97
То же, разделенное на индекс заготовительных цен сельхоз. продукции	2,02	1,43	2,05

Третья строка дает нагрузку на душу населения, рассчитанную в довоенных деньгах. До войны прямой налог на душу населения был 1,34 руб.* Следовательно, прямой налог в 1925/26 г. был немногим больше, чем до войны. Напротив, в предыдущем и в следующем году он был на 50% выше довоенного. Но если принять во внимание, что революция освободила крестьян от больших платежей за арендованную и купленную землю, достигавших в среднем 3,53 руб. на душу, то послереволюционные налоги никоим образом нельзя признать тяжелыми. Однако с обострением борьбы против зажиточных крестьян они были обложены еще тяжелее. В 1925/26 г. налоговому законодатель-

* А. Вайнштейн. Налогообложение и платежи крестьянства до войны и в годы революции. С предисловием проф. Н. Д. Кондратьева. «Экономист». М., 1924, стр. 47.

ству придали такой вид, что примерно 35% беднейших крестьян были освобождены от налога; его должны были платить оставшиеся 65%. Так как налог в целом уменьшился на 25%, доплата для крестьян-налогоплательщиков была тогда не особенно большой. Но в 1926/27 г. прогрессивный налог возрос на 40% и его прогрессия чрезвычайно обострилась. Поэтому зажиточные крестьяне попали в очень тяжелое положение. Прогрессивному развитию крестьянского хозяйства была поставлена жесткая граница, переход ее был опасен. Это было тяжелым препятствием для общего развития сельского хозяйства, особенно в степях, где были сравнительно благоприятные условия для развития крупного крестьянского хозяйства. Рассматривая хозяйственную политику советского правительства после крутого поворота в марте 1921 г., мы видим только в первые 3,5 года, до стабилизации валюты, прямолинейное развитие в направлении частичного освобождения частного хозяйства и рыночного обращения. С конца 1923 г. либеральные тенденции в хозяйственной политике сталкиваются с коммунистической реакцией, которая в конце 1926 г. полностью взяла вверх. Достижения частного хозяйства были быстро сведены на нет. Если мы еще причисляем 1927 г. к периоду существования НЭП, то делаем это потому, что основной принцип и исходное положение системы НЭП — свободное распоряжение крестьянами своей продукцией — формально оставалось еще в силе. Хозяйственное давление на крестьян носило косвенный характер, и формально свободный рыночный обмен прежде всего оставался единственным путем, которым «социалистический сектор» народного хозяйства мог связаться с крестьянским хозяйством. Изучение рыночных отношений в 1924—1928 гг. имеет большой не только конкретный, но и теоретический интерес: оно в известной мере показывает, чего можно ждать от национализации важнейших отраслей народного хозяйства, к чему повсюду стремятся социалистические партии. Благодаря стабилизации валюты обстановка достаточно прозрачна.

Б. Форма рынка сельскохозяйственной продукции

Для рассматриваемого периода характерно, что из массы продуктов, доставляемых из деревни на рынок, большая часть всегда скупается государственными торговыми организациями и центральными кооперативами, работающими по государственному плану. Так, из важнейших сельскохозяйственных продуктов (зерновые, растительное и животное сырье, корм для скота, кроме мяса) было согласно плану скуплено по их ценам в 1924/25 г. 62,2%, в 1925/26 г. 66,4%, в 1926/27 г. 73,1%*. Несмотря на значительный подъем обмена после стабилизации валюты, советскому правительству удалось — главным

* К вопросу социалистической перестройки сельского хозяйства, стр. 414; Л. А. Лиманов. О роли частной торговли на сельскохозяйственном рынке. «Экономическое обозрение», 1928, № 4, стр. 156—157.

образом посредством крутых мер против частной торговли — стать хозяином на сельскохозяйственном рынке. Ряд очень важных товаров, как сахарная свекла, хлопок, табак, хлеб, крестьянин в 1926/27 г. исключительно или в подавляющей массе был обязан продавать государственным скупщикам. Частная торговля господствовала лишь на мясном рынке и на рынке второстепенных отраслей (овощеводство, плодоводство, виноградарство).

Первый вопрос, который надо поставить: позитивное или негативное значение для сельского хозяйства имела насильственная замена прежней капиталистической организации торговли на социалистическую? Следующие сравнительные расчеты Института конъюнктуры Народного комиссариата финансов, относящиеся к 1913 и к 1926/27 гг. дают ясное представление о последствиях социалистического преобразования внутренней торговли для сельского хозяйства*. Таблица показывает, что затраты социалистического аппарата в 2—3,5 раза выше, чем в частной торговле до войны. Следовательно, производитель может получить лишь много низший процент цены реализованного продукта. До войны производитель получал 70—75% цены хлеба, реализованного на внутреннем рынке, а теперь едва половину.

Сельскохозяйственные продукты	Разница между продажной ценой в субсидируемых областях и покупной ценой в производящих (коп./пуд)			Доля производителя в продажных ценах. Покупные цены в % к продажным	
	1913	1926/27	Процент накладных расходов в 1926/27 г. в сравнении с 1913 г.	1913	1926/27
Рожь	30	83	277	69,7	47,5
Овес	23	78	339	73,6	46,6
Ячмень	24	86	358	75,5	41,9
Масло	285	1050	368	85,8	73,9
Яйца (издержки)	1288	2697	209	72,0	64,9

Во внешней торговле, где конкуренция частного капитала полностью исключена, дело обстояло ничуть не лучше, как можно видеть из следующих цифр Института конъюнктуры**:

* Хозяйственный бюллетень Института конъюнктуры, 1927, № 11—12, стр. 62.

** Там же, стр. 61.

Зерновые	Процентная доля производителя в зарубежных ценах	
	1913 г.	1926/27 г.
Пшеница	75,6	55,9
Рожь	69,6	46,9
Овес	64,6	56,9
Ячмень	68,9	40,8

Доля производителя в зарубежных ценах зерновых теперь на 20—25% меньше, чем до войны. При вывозе льна расходы составляли в 1913 г. 1,05 руб./пуд, в 1924/25 г. 4,49 руб./пуд, в 1925/26 г. 2,74 руб./пуд (по данным цитированного ниже источника для второго года занижены). Издержки при вывозе масла возросли на 109,6%, при вывозе яиц — на 223%*. К тому же техническая организация социалистического экспорта была столь неудовлетворительна, что русские товары получили плохую репутацию на рынке. Этих фактов достаточно, чтобы объяснить, почему частная торговля могла быть заменена социалистической не в результате свободной конкуренции, но лишь принудительными мерами.

Посмотрим теперь, как складывались обменные эквиваленты продукции сельского хозяйства и промышленности. В первые годы после объявления НЭП мелкая промышленность оправилась быстрее, чем национализированная. Позднее удалось пустить в ход лучшие заводы крупной промышленности, и развитие частной мелкой промышленности было задержано административными мерами. В 1924/25 г. государственная промышленность поставляла уже 2/3, а в 1925/26 г. 3/4 всех промышленных товаров для непосредственного потребления.

Официальная цель политики цен советского правительства была снизить рыночные цены примерно до довоенного уровня, чтобы так поддержать покупательную способность червонца. На пути к этой цели стояли высокие издержки социалистической торговли. Другая трудность — высокие издержки производства национализированной промышленности. В 1924/25 г. издержки производства национализированной промышленности стабилизировались на уровне, вдвое превышавшем довоенный. В последующие два года — 1925/26 и 1926/27 — попытки их снизить были безуспешны. Правда, общие расходы упали вследствие развития промышленности, и была проведена значительная рационализация, но все сбережения были использованы на значительное увеличение заработной платы. По расчетам советской статистики заработная плата в 1926/27 г. должна была несколько превзойти довоенную, а рабочее время уменьшиться на 25%. Это вознаграждение — если принимать буквально — за скромный труд, не соответствовало существовавшей плохой организации промышленности и всего народного хозяйства. Это фактически отразилось в том, что заработная плата теперь составила больший процент издержек производства, чем до войны. Есть еще причина

* К вопросу социалистической перестройки сельского хозяйства, стр. 367—368.

высокой цены промышленных товаров. Советское правительство использовало монополизацию крупной промышленности для «первоначального социалистического накопления». Все товары народного потребления, произведенные национализированной промышленностью, облагались высоким акцизом, и соответствующие отрасли промышленности благодаря повышению цен получали значительную прибыль. Согласно расчетам Госплана для 1926/27 г. добавочная нагрузка от акциза, налога и прибыли составляла 55,8% от издержек производства товаров народного потребления*. Стремление правительства снизить рыночные цены до военного уровня имело лишь платоническое значение для государственной промышленности. Ей нужно было дать возможность приносить не убытки, а прибыль. Это достигалось расчетом отпускных цен. Крупная промышленность — это собственная промышленность социалистического государства. Но стремление советского правительства снизить рыночные цены до довоенного уровня имело реальное значение на рынке сельскохозяйственных продуктов. Цель могла быть достигнута путем завоевания этого рынка. Крестьянские хозяйства, снабжавшие сельскохозяйственный рынок, подчинялись крестьянам, а не социалистическому государству. Так и после стабилизации валюты сложился крайне неблагоприятный для крестьянства обменный эквивалент. Он был в России и до войны более неблагоприятным, чем где-либо. Но в сравнении с довоенным временем в советской России образовались теперь так называемые «ножницы» в гораздо большем масштабе, чем в других странах. «Ножницы» в советской литературе рассчитываются на основе индекса крупной торговли (1913 г. = 1) сельскохозяйственной и промышленной продукцией или соответствующего индекса мелкой торговли. Если такие расчеты могут дать что-то для исследования известного динамического процесса, то они не дают правильного взгляда на изменение рыночных условий русского сельского хозяйства после революции, ибо издержки торговли теперь, как мы показали, совсем другие, чем были до войны. Чтобы правильно рассчитать «ножницы», нужно отношение индексов цен, которые получает сельский производитель за свои продукты, сравнить с таковым в ценах мелкой торговли промышленными товарами. Тогда для рассматриваемых 3 хозяйственных лет мы получим следующие ряды цифр**:

	Индексы цен (1913. = 1)		
	1924/25	1925/26	1926/27
Покупные цены с/х продуктов	1,43	1,47	1.41
Цены промтоваров в мелкой торговле (данные ЦСУ*)	2,27	2,29	2,17
«Ножницы»	0,63	0,64	0,65

* Контрольные цифры Госплана на 1928/29 г. Табл. 15-4, стр. 503.

** Первая строка согласно Контрольным цифрам Госплана на 1927/28 г., стр. 470; вторая строка согласно Контрольным цифрам Госплана на 1928/29 г., стр. 501.

Индекс покупных цен учитывает цены не только государственных скупщиков, но и частников, которые платят дороже. И все же вычисленные отношения показывают, что крестьяне получают за свои продукты едва 2/3 промтоваров по сравнению с довоенным уровнем*. Чтобы точнее исследовать положение крестьянского хозяйства на рынке, Институт конъюнктуры создал специальную корреспондентскую сеть, и на основе этих сообщений был вычислен ряд так называемых «крестьянских индексов», дающих глубокое представление о рыночных условиях крестьянского хозяйства**. Мы приводим здесь отношение индексов проданных сельскохозяйственных продуктов и продуктов, купленных крестьянами в различных районах обширной страны, на 10 октября 1926 г.:

Сельскохозяйственные области	**«Ножницы»**
Области свинины (губ. Смоленск, Тверь)	0,70
Области картофеля (губ. Ярославль, Кострома)	0,65
Области сахарной свеклы (Украина, правобережье Днепра)	0,61
Области пшеницы (украинские степи)	0,63
Области пшеницы и подсолнуха (Северный Кавказ)	0,60
Области пшеницы и молока (Западная Сибирь)	0,67
Области молока (лесостепь за Уралом)	0,66
В среднем	0,65

Таблица показывает, что в северных областях рыночные условия сложились для крестьянского хозяйства несколько благоприятнее, чем в южных, но грубо в среднем мы имеем те же «ножницы», как сосчитано выше. В действительности рыночные условия сложились для крестьян еще более неблагоприятно, чем можно заключить из этих цифр, так как тут надо принять во внимание два важных обстоятельства. Во-первых, найдя на рынке товары, в которых нуждаются, крестьяне должны покупать то, что нашли, даже если товар не вполне им подходит: с вытеснением частной торговли недостаток товаров в рассматриваемый период постоянно обострялся. Во-вторых, если качество крестьянской пшеницы, свинины и масла осталось примерно тем же, что было до войны, то качество промышленных товаров, как признает вся советская пресса, стало много хуже.

Цифры, приведенные выше, характеризуют общее положение сельского хозяйства на рынке. Но крестьяне имели дело не только с социалистическим сектором. Часть сельскохозяйственных продуктов покупали частные торговцы помимо организаций, работавших по плану, и часть промышленных товаров крестьяне покупали у частников, особенно у надомников.

Цены, которые платили государственные скупщики, были ниже общепринятых, как можно видеть из следующего сопоставления*:

	Индекс цен (1913 г. = 1)		
	1924/25	1925/26	1926/27
Общепринятый индекс при покупке сельскохозяйственной продукции	1,407	1,479	1,448
Индекс при плановой закупке	1,255	1,279	1,232

Итак, цены при плановой закупке примерно на 10—15% ниже средних. Возьмем теперь случай, когда крестьянин продает свой продукт государственной торговой организации и покупает продукт государственной промышленности в кооперативном магазине, так что он мог насладиться всеми благами социалистической хозяйственной организации**.

Таблица показывает, что при обмене пшеницы на промышленные товары крестьянин получает в 1926/27 г. лишь половину того, что получал до войны, когда он имел дело со столь много проклинавшейся капиталистической организацией производства и торговли. Только при покупке керосина обменные эквиваленты лишь ненамного хуже, чем были до войны. В 1926/27 г. они заметно ухудшились по сравнению с 1925/26 г. вследствие разорения частных торговцев зерном. Обменные эквиваленты для свинины сложились для крестьян несколько благоприятнее, но в сравнении с довоенным временем и она обесценилась на 1/5—1/3.

На основании данных советской статистики мы можем попытаться рассчитать убытки всего крестьянского хозяйства вследствие ухудшения обменных эквивалентов.

Чтобы правильно оценить величину этих приблизительно рассчитанных убытков крестьянских хозяйств, достаточно указать, что плата за землю, от которой их освободила революция, составляла примерно

---

* В Германии и США считают, что в течение трех лет 1925—1927 «ножницы» были в среднем 0,88.

** Об организации этой интересной исследовательской работы см. Крестьянские индексы, Финансовое издательство, М., 1927.

---

* Цифры касаются сельскохозяйственного года (с июля). Первая строка согласно Контрольным цифрам на 1927/28 г., стр. 479, вторая согласно «К вопросу социалистического строительства». стр. 444 и бюллетеню Института конъюнктуры, 1927, № 11—12, стр. 54.

** Внутренняя торговля СССР за 10 лет, стр. 108—110.

За один центнер пшеницы по государственной покупной цене приобретают:

Год	Ситец	Сахар	Подсолнух	Махорка	Мыло	Соль	Гвозди	Спички	Керосин
	м	кг	кг	кор.	кг	кг	кг	кор.	кг
1913	32,6	19,9	17,6	8,9	22,0	225,8	33,2	60,8	56,6
1925/26	18,1	12,0	12,2	5,9	16,2	141,9	24,0	51,6	66,7
1926/27	15,6	9,8	8,5	4,4	12,0	129,8	20,4	42,1	53,4
1926/27 в %% к 1913	47,8	49,3	49,8	50,0	54,1	57,5	61,5	69,3	94,3
За один центнер свинины по государственной покупной цене приобретают:									
1913	139,0	96,0		40,0	96,6	11,2	150,0	274	225
1925/26	79,1	61,0		30,3	80,5	5,6	97,5	266	311
1926/27	93,6	65,0		31,8	75,4	6,8	116,0	279	330
1926/27 в %% к 1913	67,3	69,1		79,5	78,1	60,4	77,3	101,8	140,7

	1924/25	1925/26	1926/27
Эквивалентная цена купленных крестьянами промтоваров, млн. руб.*	2 213	3 085	3 249
Индекс промтоваров в мелкой торговле по данным ЦСУ	2,27	2,29	2,17
Довоенная цена купленных промтоваров, млн. руб.	975	1 347	1 488
Индекс при покупке сельскохозяйственных продуктов	1,43	1,47	1,41
Довоенная цена сельскохозяйственных продуктов обмененных на промтовары, млн. руб.	1 547	2 099	2 304
Убытки крестьян в миллионах довоенных рублей.**	572	652	816

* Контрольные цифры на 1927/28 г. стр. 544.

** Аналогичный расчет сделан в работе „К вопросу социалистической перестройки сельского хозяйства", стр. 437. Составитель приходит к следующим цифрам убытков: 1923/24 — 638 млн. руб., 1924/25 — 519 млн. руб., 1925/26 — 743 млн. руб.

376 млн. руб.*. Так что убытки крестьянства на рынке 1926/27 г. более, чем вдвое, превышали это его важнейшее революционное достижение.

Для развития сельского хозяйства большое значению имеют не только цены на сельскохозяйственные продукты вообще, но цена каждого вида продуктов. От соотношения этих цен в значительной мере зависит направление развития сельского хозяйства. Мы приводим здесь индексы для четырех важнейших групп сельскохозяйственных продуктов для сельскохозяйственного года (с июля)**.

	Индексы цен		
	1924/25	1925/26	1926/27
Зерновые	1,399	1,333	1,045
Технические культуры	1,251	1,216	1,217
Продукты животноводства	1,463	1,647	1,757
Картофель, овощи, плоды и т. д.	1,441	1,703	1,643
Вся сельхозпродукция	1,407	1,477	1,448

Таблица показывает, что индексы зерновых и технических культур заметно ниже, чем продуктов животноводства и других отраслей сельского хозяйства, причем эти различия растут. Это связано с различиями успехов планирования торговли — чем больше роль плановых закупок, тем ниже индекс. В движении цен зерновых и технических культур тоже видно важное различие. Многие виды растительного сырья, как сахарная свекла, хлопок, лен, табак, полностью или в подавляющей массе перерабатываются крупной промышленностью. Это дает возможность социалистическому государству регулировать цены во всей массе. Так как многие технические культуры годятся только для продажи и почти неприменимы в домашнем хозяйстве, крестьянское хозяйство очень резко реагировало на рыночные цены. Крестьянин сеет лен или подсолнухи только если он уверен, что, продав их, сможет обеспечить себя на рынке достаточным количеством хлеба. Если это невозможно, он сокращает посевные площади льна и подсолнуха и старается обеспечить сам себя зерновыми.

В 1925/26 г. власти силой резко снизили цены на рынке растительного сырья. В результате посевные площади технических культур в 1926 г. на 7% уменьшились. Такое развитие угрожало оставить без сырья многие важные отрасли быстро оживающей промышленности. Поэтому правительство вынуждено было в 1926/27 г. отказаться от дальнейшего давления на цены технических культур. Соотношение цен технических и зерновых культур улучшилось для первых. Но снижение цен зерновых в 1926 г. лишь частично пошло на пользу производителям сырья, так как из-за выключения частных торговцев

* А. Вайнштейн. Налогообложение и платежи крестьянства, стр. 44.

** Контрольные цифры Госплана на 1927/28 г. стр. 479.

зерном создалась большая разница цен в области богатых и бедных зерновыми*.

Рассмотрим несколько точнее последствия победы планового хозяйства на зерновом рынке. Движение цен двух важнейших зерновых за три года 1924/25 — 1926/27 видно из цифр**:

Копейки/пуд

	Рожь			Пшеница		
	1924/25	1925/26	1926/27	1924/25	1925/26	1926/27
Цена плановой закупки	84	93	71	118	125	104
Цена частника	116	113	91	173	148	125
Взвешенные средние цены	97	98	74	142	131	107
Разница плановых и средних цен	13	5	3	24	6	3

Таблица показывает, что в 1924/25 г. взвешенная средняя цена была заметно выше государственной плановой (для ржи на 15%, для пшеницы на 20%); напротив, в 1926/27 г. эта разница минимальна. В 1926/27 г. сила рынка была преодолена, и крестьянин получал за свое зерно ровно столько, сколько хотел ему платить Наркомторг, а он хотел платить номинальную довоенную цену.

Негативные стороны планового хозяйства не только в давлении на цены; не менее вреден для сельского хозяйства неодолимый схематизм планового хозяйства в сравнении с гибким свободным рынком. В далеких степных областях России, которые являются ее житницей, сельскохозяйственная культура экстенсивна и урожай в основном зависит от очень непостоянных погодных условий. Поэтому цены зерновых в России неопределенно меняются от года к году. Россия необъятно велика, а сеть железных дорог недостаточно плотна. Поэтому могут возникать немалые разницы цен не только во времени, но и по месту. Они движутся в направлении, противоположном урожаю, и это некоторым образом смягчало риск рыночного зернового хозяйства. Плановое хозяйство не только не эластично, как рынок, в установлении цен; оно не только грубо схематично по своей внутренней сущности. Оно стремится устранить всякие колебания цен во времени и пространстве, так как ставит своей целью преодоление так называемой анархии рынка. У исследователя русского зернового рынка Пиштрака, цитированного выше, читаем*: «В 1926/27 г. мы видим, что падение дохода на единицу площади было больше, чем падение урожая. Значит, издержки производства вследствие неурожая не были выравнены на рынке...» Благодаря схематически действующему плановому хозяйству риск зависимого сельского хозяйства на рынке значительно возрос.

Планомерное строительство государственного торгового аппарата, исключение конкуренции со стороны как частных торговцев, так и государственных торговых организаций между собой привело к полной его бюрократизации. Цены были натянутыми для далеких областей, чьи условия производства и транспортировки были принципиально различны; качество продукции не принималось во внимание. Чем полнее внедрялись принципы планового хозяйства, тем больше государственные скупщики превращались в чиновников, спокойно сидящих в своих бюро и предоставляющих продавцам себя разыскивать.

В русском сельском хозяйстве, полностью опростившемся после революции, зерновые культуры шли в подавляющей массе на собственные нужды. Напротив, технические культуры должны были в подавляющей массе доставляться на рынок. Особый интерес представляет случай, когда соответствующее сырье может быть использовано только в крупной промышленности, так как тогда крестьянин полностью зависит от государственного скупщика. Тогда принципы планового и крестьянского хозяйства противостоят наиболее последовательно и мы имеем полную возможность заметить, чего мог ждать крестьянин от последовательного осуществления социалистических принципов. Таковы, например, случаи культур сахарной свеклы и хлопка. Мы рассмотрим здесь ближе хлопковый рынок, так как хлопковод не только вынужден сдавать свою продукцию социалистическому государству, но ему еще и чрезвычайно трудно отказаться от хлопководства. Это следствие факта, что в области хлопководства, в русском Туркестане, земледелие возможно лишь на узкой площади искусственно орошаемой земли. Это привело к ненормальной концентрации населения на очень скромной площади орошаемых земель и к сильнейшему раздроблению крестьянских хозяйств. После революции орошаемых земель стало еще меньше: во время свирепствовавшей в Туркестане страшной гражданской войны большая часть гидротехнических сооружений пришла в беспорядок. Правда, советское правительство спешило после победы над врагами привести их в порядок, но это стоило дорого, и в 1925 г. орошенных площадей было еще на 25% меньше, чем до войны. Хозяйства после революции были еще более раздроблены, и при таком положении интенсивная культура, которая требует много работы, необходимо должна приносить большой валовой доход. До войны конкурирующие закупочные организации большой русской текстильной промышленности старались дать

---

* Б. Авитов. Разница в плате и цены реализации в областях. «Плановое хозяйство», 1928, № 7.

** Г. Пиштрак. Зерновое хозяйство и зерновой рынок СССР в восстановительный период. «Социалистическое хозяйство», 1927, № 5—6, стр. 250.

* Там же, стр. 258.

крестьянам большие авансы, чтобы обеспечить себя хлопком. Тем же путем шло и советское правительство — с той разницей, что социалистические авансы скромнее капиталистических и частично натуральные семена, оборудование, машины. Благодаря этим авансам мелкий хлопковод находится целиком и полностью в руках социалистического государства: он должен сеять хлопок, снабжать им государство, выплачивать аванс вместе с высокими налогами и покупать у государства все предметы первой необходимости. Кроме того, государство распоряжается гидротехническими сооружениями, а вода в Туркестане — это жизнь. Государство связывается с хлопководами посредством коммунизированных кооперативов. Так что здесь все отрегулировано по лучшим социалистическим принципам, и правительство очень хотело бы создать такой порядок во всех остальных областях сельского хозяйства.

Что дала эта система социалистическому государству и сельскому населению?

Что касается государства, то оно должно быть довольным. Хлопководство в период так называемого военного коммунизма было полностью разорено. Из-за отсутствия подвоза зерновых из европейской России население вынуждено было сеять пшеницу на находящихся в его распоряжении скудных орошаемых площадях и полностью отказаться от хлопка. Правительству удалось после этой катастрофы в довольно быстром темпе восстановить хлопководство. В 1927 г. урожай хлопка достиг уже 212,9 тысяч тонн волокна, что составляло 90% урожая 1913 г. и 74% урожая 1916 г., когда хлопководство достигло наибольшего расцвета. За 6 лет это можно считать большим успехом.

Итак, туркестанский крестьянин снова впрягся в работу. Посмотрим, что он получил за свою тяжелую работу в сравнении с довоенным временем. Следствие полного господства социалистического государства на хлопковом рынке — это полная стабилизация цен и притом на очень низком уровне: индекс хлопка был в 1924/25 г. 1,25; в 1925/26 г. 1,23; в 1926/27 г. 1,23 (1913 = 1)*. Это исключение всякого колебания цен рассматривается в советской литературе как блестящая победа. Но для хлопководов значение ее никак не было положительным. Для них важнейшим было соотношение цен хлопка и пшеницы — их средства пропитания. До войны крестьянин получал 3 единицы веса пшеницы за единицу веса хлопка. Теперь заботу о регулярном и дешевом снабжении Туркестана хлебом взяло на себя правительство. В результате крестьянин получил в 1925/26 г. лишь 1,8 единицы веса пшеницы за единицу веса хлопка, т. е. 40% довоенного количества. После того, как властям удалось снизить цену зерна, эквивалент хлопка поднялся до 2 единиц пшеницы, т. е. оставался на 1/3 ниже довоенного уровня**. Хотя крестьянину заплатили за его хлопок очень умеренную цену, цена продукции хлопка не уменьшилась,

* Сырьевая проблема индустрии. Сборник статей под общей редакцией А. Л. Соколовского. Госиздат, 1928, стр. 518.

** Там же, стр. 530.

так как социалистическое хозяйство умеет делать большие издержки производства в другом месте; индекс готовых хлопковых изделий был в 1924/25 г. 2,05; в 1925/26 г. 2,00; в 1926/27 г. 1,92*. Средний индекс мелкой торговли промтоварами в Узбекистане был в 1925 г. — 2,51; в 1926 г. — 2,54; в 1927 г. — 2,35. Значит, при обмене хлопка на промтовары крестьянин терял около 50% их довоенной стоимости. Если принять во внимание, что урожай хлопка ниже довоенного, нужно заключить, что успех планового хозяйства происходит от выгоды погружения туркестанского крестьянина в глубокую бедность и полную рабскую зависимость от всемогущего государства.

Рассмотрим теперь другую техническую культуру, коноплю, рыночные возможности которой носят характер, противоположный хлопку. Конопля — исключительный случай среди технических культур — до войны не была ходким товаром: большая часть урожая перерабатывалась в домашнем хозяйстве или кустарной промышленности. Следствием было, что в революцию культура конопли упала лишь незначительно и уже в 1925 г. ее урожай был на 10% выше довоенного. Факт, что власть мало управляла рынком, имел следствием, что она вынуждена была платить за коноплю относительно высокую цену. Закупочный индекс плановой закупки был в 1925/26 г. — 1,80; в 1926/27 г. — 1,70; на частном рынке конопля ценилась еще выше: индекс был 1,96 и 1,94**. Эти индексы относятся к самым высоким при закупке сельскохозяйственной продукции. Но и эти сравнительно высокие цены конопли не обеспечивали крестьянину благоприятного обменного эквивалента: он получал за коноплю немного меньше зерна и примерно на 1/3 меньше промтоваров, чем до войны***. Поэтому он доставлял на рынок меньшую часть своей конопли, чем до войны.

По сравнению с хлопководством положение коноплевода на рынке все же много благоприятнее.

Что касается социалистического государства, то оно имело все причины рассматривать сою на рынке конопли как нечто крайне нежелательное. При сравнительно высоких закупочных ценах и, как всегда, высоких издержках производства государственная промышленность в данном случае должна выдерживать опасную конкуренцию с кустарным производством. Она не может монопольно диктовать цены и потому убыточна. Вывоз конопли минимален и малодоходен. Пресса ставила в порядок дня вопрос об исключении конкурирующей кустарной промышленности путем административных мер.

Чем свободнее, чем благоприятнее положение крестьянина на рынке, тем неблагоприятнее положение социалистического государства.

* Сырьевая проблема индустрии. Сборник статей под общей редакцией А. Л. Соколовского. Госиздат, 1928, стр. 523.

** Там же, стр. 518.

*** Там же, стр. 104, 196, 197 и 533.

*В. Развитие и положение сельского хозяйства**

Мы иллюстрируем здесь развитие сельского хозяйства на основе данных официальной статистики**.

	До революции	1924	1925	1926	1927	1927 в %% к дореволюц.***
Площади зерновых, млн. га	102,7	84,6	89.1	95,4	97,2	94,6
Рост (% к предыдущему году)			+5,5	+7,1	+1,9	
Площади технических культур, млн. га	5,47	5,79	7,15	6,76	7,18	131,2
Рост (% к предыдущему году)			+12,5	-5,5	+5,3	
Прочие интенсивные культуры, млн. га	8,5	9,0	9,7	10,1	10,6	124,7
Рост (% к предыдущему году)			+7,7	+4,1	+5,0	
Рабочий скот, млн.	35,9	25,4	26,4	28,8	30,8	85,8
Рост (% к предыдущему году)			+3,9	+9,1	+6,9	
Домашний скот (в пересчете на лошадей), млн.	49,0	45,7	49,6	52,1	54,1	110,4
Рост (% к предыдущему году)			+8,5	+5,0	+3,8	

Приведенные цифры показывают, что в рассматриваемый период после объявления НЭП и преодоления голодной катастрофы продолжался начавшийся процесс подъема крестьянского хозяйства. При этом замечается большая разница между различными областями сельского хозяйства. Наиболее неудовлетворительно обстоит дело с земледелием. Посевные площади по приближенной оценке Госплана в 1927 г. были на 5,4%, т. е. на 5,5 млн. га меньше, чем до войны. Это связано с фактом, что в 1927 г. было на 14,2% меньше рабочего скота, чем в 1916 г. Напротив, довоенные площади технических и прочих интенсивных культур, несмотря на упомянутое значительное падение в 1926 г., в 1927 г. существенно повысили свой уровень. В противоположность рабочему скоту количество домашнего скота в 1927 г. было значительно выше, чем в 1916.

Большие различия в состоянии различных областей сельского хозяйства связаны с характером разрушений, причиненных революцией и с новыми народнохозяйственными условиями после голодной катастрофы. От гражданской войны сильнее всего пострадали степные, а от голодной катастрофы — юго-восточные области. А это области земледелия. Отсталость конского поголовья связана с частичным опустошением юго-востока в голодной катастрофе. Под впечатлением неурожая в 1921 г. крестьяне значительно развили засухоустойчивые культуры: маис и подсолнух. Это был процесс определенной интенсификации развития земледельческих культур в степях. Рост площадей технических культур произошел главным образом за счет подсолнуха; посевные площади остальных интенсивных культур были в 1927 г. примерно те же, что и до войны.

В противоположность степным областям сельское хозяйство северных промышленных областей России (вокруг Москвы и Петербурга) мало отстало во время революции. Капиталистические и крупные крестьянские хозяйства были мало развиты на севере, и потому аграрная революция не причинила особого разорения. Гражданская война пощадила эти области. В период революции деревни промышленных областей наполнились беженцами из голодающих городов. Поддержка прежних посевных площадей, поголовья скота, интенсивных культур была вопросом жизни для возросшего населения. Так как снабжение дешевым зерном с юга было проблематично, крестьяне очень интенсивно развили здесь картофелеводство. Значительно возросло число коров, служащих большей частью для самоснабжения. Несмотря на рост площадей интенсивных культур, первоначальное разделение труда между различными областями и их специализация не только не возросли, но даже снизились по сравнению с довоенным временем.

После преодоления голодной катастрофы в России стало быстро расти население. Госплан считает, что население на сегодняшней территории СССР до войны было 139,7 млн. В 1926 г. оно оказалось уже 147,0 млн., т. е. на 5,2% больше, чем до войны. Если рассчитать посевные площади и количество скота на душу населения, то придем к следующим цифрам*:

---

* В советской России было положено много сил, чтобы добиться достоверной статистики сельского хозяйства. Если принять во внимание чрезвычайную раздробленность русского сельского хозяйства, низкий культурный уровень сельского населения и его вполне обоснованное недоверие статистическим обследованиям коммунистического правительства, без дальнейшего ясны большие трудности на пути к этой цели. Публикации ЦСУ о состоянии сельского хозяйства в первые годы НЭП давали очень низкие цифры для посевных площадей, урожая и уровня животноводства. Они стояли в явном противоречии с рассчитанным итогом сельскохозяйственного производства. Это было прямым выражением недоверия населения правительственной статистике, а также и неудовлетворительной ее организации. Позднее были предприняты особо тщательные выборочные обследования, на основе которых были внесены процентные коррективы в материал общих обследований. Полученные так числа не могут быть сколько-нибудь точными, но динамику развития они отражают удовлетворительно. Менее надежны сравнения с довоенным временем, так как методы статистического обследования с тех пор существенно изменились.

** Цифры взяты из Контрольных цифр Госплана на 1928/29 г., стр. 408, 409, 412 и за 1924 г. из статьи Вишневского „Сельскохозяйственная продукция в 1928/29 г." — «Экономическое обозрение», 1928, № 12.

*** Посевные площади относятся к 1913 г., уровень животноводства — к 1916 г.

* Контрольные цифры Госплана на 1928/29 г., стр. 411.

	1913	1925	1926	1927
Общая посевная площадь, га	0,84	0,74	0,76	0,76.
Посевная площадь зерновых, га	0,74	0,62	0,65.	065
Общее количество скота, пересчитанное на лошадей	0,62 (1916)	0,53	0,55	0,56
Домашний скот (в пересчете на лошадей)	0,35 (1916)	0,35	0,36	036

Как показывают эти цифры, посевные площади на душу населения заметно уменьшились: общая площадь была 90%, а площадь под зерновые даже 87% от довоенной. Количество скота на душу населения тоже значительно уменьшилось. Это следствие резкого уменьшения количества рабочего скота: количество домашнего возросло, так что на душу населения оно осталось примерно тем же, что и до революции.

Вследствие больших потерь живого и неживого инвентаря урожай на единицу площади не увеличился, но даже уменьшился. Поэтому снижение урожая на душу населения было большим, чем уменьшение площади. Мы приводим результаты расчетов Госпланом количества зерна на душу населения.

Год	кг/на душу	Проценты
1913	584,1	100
1925	518,5	88,8
1926	532,3	91,1
1927	489,6	83,8

Итак, уменьшение урожая зерновых на душу населения по сравнению с довоенным временем в отдельные годы составляло 9—16% при том, что метеорологические условия в эти годы были благоприятными.

Качественная деградация русского сельского хозяйства выступает очень ясно, если рассмотреть урожайность технических культур. При описании состояния русского сельского хозяйства в советской литературе всегда подчеркивается, что процент интенсивных культур на посевных площадях сейчас значительно выше довоенного. В этом хотят видеть прогрессивную тенденцию развития русского сельского хозяйства. Развитие интенсивных культур главным образом следствие факта, что весь прирост населения с довоенного времени выпал на русскую равнину. Чтобы худо ли, хорошо ли прокормиться от сельского хозяйства, возросшее население должно было развивать интенсивные культуры. Впрочем, есть признаки, что с развитием революции крестьянин меньше привержен к рутине и более готов прокладывать новые пути. Революция, по-видимому, создала определенные духовные предпосылки в крестьянском населении для будущего быстрого подъема сельского хозяйства. Этим ни в коей мере не сказано, что этот прогресс осуществлен уже теперь; для его осуществления отсутствуют многие другие условия. Довольно рассмотреть урожайность технических культур, чтобы прямо прийти к выводу о плачевном состоянии русского сельского хозяйства*.

Отношение к 1913 г.	Лен			Сахарная свекла		
	1925	1926	1927	1925	1926	1927
Посевная площадь	91,7	91,0	90,3	85,9	86,5	106,9
Размер урожая	80,9	64,5	64,3	80,7	58,7	93,7
Урожай на 1 га	88,2	76,3	71,2	93,9	67,9	86,7

Отношение к 1913 г.	Масличные растения			Хлопок		
	1925	1926	1927	1925	1926	1927
Посевная площадь	145,4	134,0	138,0	84,5	93,4	107,3
Размер урожая	134,9	106,7	131,1	76,1	75,3	96,6
Урожай на 1 га	92,8	79,6	95,0	90,1	80,6	90,0

Таблица касается четырех важных технических культур: льна — культуры северных промышленных областей, сахарной свеклы — культуры северной Украины, масличных — культуры степных областей и хлопка — культуры Туркестана. Картина всюду та же: посевные площади по сравнению с довоенными возросли, а урожай — общий и на один гектар — уменьшился в среднем на 10—20%. Это прямое следствие раздробления и обеднения крестьянского хозяйства. 115 млн. га посевных площадей в 1927 г. принадлежали 23 миллионам крестьянских хозяйств. Крестьяне пытались развивать технические культуры, но им не удалось достичь даже скромной довоенной урожайности. Значит, работа крестьян оплачивалась скромнее довоенного валового дохода.

Задачей, однако, было не только восстановить сельское хозяйство, но и втянуть его в отношения. Уже значительный рост сельского населения, чрезвычайная раздробленность хозяйств и отсталость продуктивности должны были иметь следствием, что много большая часть продуктов, чем до войны, будет употреблена в собственном домашнем хозяйстве. Это положение обострялось еще неблагоприятными для крестьян условиями на рынке. Мы приводим здесь некоторые цифры, характеризующие ходкость различных сельскохозяйственных продуктов**

Мы видим, что процент сельскохозяйственной продукции, доставленной на рынок, существенно меньше довоенного. Особое опасение внушает положение с важнейшим сельскохозяйственным продуктом — зерновыми: их ходкость чуть не вдвое меньше довоенной. Крестьянин меньше всего хочет продавать зерно, он предпочитает хранить его в амбаре или скармливать скоту: продукция скотоводства

---

* Контрольные цифры Госплана на 1928/29 г., стр. 412.

** Цифры взяты для 1913 г. из книги «К вопросу о социалистической перестройке сельского хозяйства», стр. 352, для 1925/26 г. и 1926/27 г. — из Контрольных цифр Госплана на 1928/29 г., стр. 230.

Год	Процент урожая-брутто, доставленного деревней на рынок				
	Зерновые	Технические культуры	Прочие продукты	Продукция скотоводства	Вся сельхозпродукция
1913	22,8	72,9	6,9	33,3	23,8
1925/26	13,2	68,5	8,6	23,1	17,7
1926/27	13,2	64,2	6,5	23,5	16,8

оплачивается много лучше, так как государство еще не овладело его рынком. В 1926/27 г. прибыль от продажи зерновых составляла лишь 20% всей прибыли крестьян от продукции сельского хозяйства. Среди сырья, производимого в сельском хозяйстве, есть такое, как сахарная свекла, хлопок, табак, которое крестьянин не может использовать в домашнем хозяйстве и вынужден продавать. Есть, однако, другое сырье, которое можно переработать в домашнем хозяйстве. Эту очень большую разницу в ходкости можно видеть из: следующих цифр*.

Сырье	Процент ходкости			
	До войны	1924/25	1925/26	1926/27
Лен	81,1	56,7	65,3	52,9
Конопля	41,8	16,0	15,5	18,4
Шерсть грубая и полугрубая	68,7	27,9	29,3	33,7

Эти цифры показывают, что крестьяне еще не могли вырваться из клещей натурального хозяйства, куда они были ввергнуты «военным коммунизмом». Во многих прогрессировавших областях, где крестьянки и крестьянские девушки до войны не умели прясть и ткать, им пришлось доставать прялки матерей или даже бабушек и снова учиться прядению и ткачеству.

Благодаря тому, что частная торговля к середине 1927 г. еще играла известную роль в торговле сельскохозяйственными продуктами, потребности населения в питании худо-бедно удовлетворялись. Хуже обстояло с обеспечением сельскохозяйственной продукцией государственной промышленности, так как из этой области частная торговля была давно изгнана. Несмотря на растущий ввоз сырья, как хлопок, шерсть, кожа, который был ограничен недостатком иностранной валюты, текстильная, кожевенная и сахарная промышленность страдали еще из-за задерживавшего их развитие товарного голода. Сельское хозяйство также не могло дать достаточного избытка продуктов для вывоза и с этой точки зрения выполнить свою народнохозяйственную задачу. Вывоз сельскохозяйственной продукции (без продукции лесоводства, охоты и рыболовства) в довоенных цифрах выглядит так*.

* Сырьевая проблема индустрии, стр. 45.

Годы	Млн. рублей	Проценты
1909—1913	1180,6	100
1924	186,0	15,8
1925	206,9	17,5
1926	283,3	24,0

Это отставание сельскохозяйственного экспорта касается всех видов сельскохозяйственной продукции, что видно из следующих цифр, также сосчитанных в довоенных ценах.

Годы	Зерновые, млн. руб.	Технические культуры, млн. руб.	Продукты скотоводства, млн. руб.
1909—1913	701,0	112,3	242,6
1924	98,5	18,1	43,3
1925	82,5	13,6	69,6
1926	143,6	26,2	58,1
1926 в % к 1913	20,5	23,4	23,9

Решающее значение имеет факт, что все усилия правительства выжать из крестьянских хозяйств столько зерна, чтобы достичь довоенного уровня вывоза, от которого он составлял едва половину, остались безрезультатными. Так и в 1926/27 г. после второго очень хорошего урожая смогли вывести только 150 млн. пудов (2,5 млн. тонн). Объем вывоза зерновых 1923/24 г. ни разу не был больше достигнут. Вывоз продуктов сельского хозяйства не мог быть заменен вывозом другой продукцией, и это мешало восстановить русскую внешнюю торговлю. В 1926/27 г. он едва превысил 40% довоенного, и это было важным препятствием в развитии русского народного хозяйства. Особые опасения внушал факт, что восстановление сельского хозяйства, казалось, клонилось к застою, хотя его состояние не отвечало потребностям рынка, быстро росшего вследствие индустриализации. В 1927 г. площади зерновых увеличились лишь на 1,9%, тогда как население по данным ЦСУ возросло на 2,3%. Так что рост площадей зерновых отставал от роста населения. Замедлился также рост поголовья домашнего скота. Внушало опасения и падение ходкости сельскохозяйственной продукции в 1926/27 г. Из-за хорошего урожая 1926 г. продукция 1926 г. по сравнению со счастливым 1925 г. возросла на 5%, а количество товаров, поставленных на рынок в 1926/27 г., не увеличилось по сравнению с 1925/26 годом. Низкая ходкость сельскохозяйственной продукции была следствием наступления планового хозяйства — факта, что благодаря разорению частной

* К вопросу о социалистической перестройке, стр. 343—344.

торговли крестьяне должны были продавать свои продукты по фиксированным низким ценам. При этом преследования зажиточных крестьян особенно неблагоприятно сказались на рынке зерновых, так как зерновое хозяйство в степных областях особенно удобно для зажиточных крестьянских хозяйств. Попытка на пути планового хозяйства быстро развить индустрию, поставив при этом промышленных рабочих в существенно лучшее хозяйственное положение, чем было у них до войны, при данной плохой организации социалистического хозяйства должна была раньше или позже столкнуться с замедлением развития сельского хозяйства, которое все же составляет основу русского хозяйства, и с тенденциями крестьянства при данных крайне неблагоприятных условиях рынка поставить свое хозяйство на самоснабжение. Борьба с зажиточными крестьянами могла лишь ускорить эту коллизию.

В обзоре 1926/27-го хозяйственного года Институт конъюнктуры Народного комиссариата финансов предупредил правительство от попытки искать выход из трудностей в принудительных мерах. «Попытка преодолеть нелепости рынка и товарно-денежного обращения внеэкономическими методами,* — читаем мы в обзоре, — приведет в своем логическом развитии к хозяйственным методам военного коммунизма со всеми характерными последствиями». Институт конъюнктуры уже сейчас указал определенные признаки в хозяйственной жизни СССР, характерные для периода «военного коммунизма». Годичный обзор Института конъюнктуры вызвал бурю в коммунистической партии. К концу 1927 года правительство было еще далеко от мысли ликвидировать систему НЭП, при которой так быстро восстановилось хозяйство, и вернуться к методам «военного коммунизма». Институт конъюнктуры был за такое предупреждение закрыт и его выдающиеся хозяйственные политики принуждены к молчанию. Прошло, однако, немного месяцев, и правительство собственными руками уничтожило последние остатки основ системы НЭП.

5. РАЗРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ НЭП И ВОЗВРАТ К ПРИНУДИТЕЛЬНОМУ ХОЗЯЙСТВУ (1928—1929)

Результаты кампаний заготовок первой половины 1927/28 хозяйственного года были неблагоприятными, как можно видеть из следующих чисел:

июль—декабрь	урожай (декатоны)	изменение, %
1925	468220	—
1926	702243	+50
1927	510496	—27

---

* Т. е. административными принудительными мерами. Бюллетень Института конъюнктуры. 1927, № 11—12, стр. 15.

Правда, в полугодие 1927 г. было доставлено несколько больше зерна, чем в полугодие 1925, но на 27% меньше, чем в 1926. Такое положение было непрочно, во-первых, потому, что потребность в урожае возросла вследствие быстрого процесса индустриализации, и во-вторых, после полного исключения межрайонной частной торговли эту потребность должно было почти полностью покрывать государство.

Урожай 1927 г. был, правда, несколько меньше (на 6%), чем в 1926 г., но еще удовлетворителен. После двух хороших урожаев 1926 и 1927 гг. не могло быть речи о нехватке зерна в стране. Провал хлебозаготовительной кампании был, очевидно, не следствием недостатка зерна, а выражением факта, что крестьяне не хотят его продавать. Еще большей, чем неблагоприятный эквивалент, решающей причиной этого воздержания крестьян от рынка был товарный голод на русской равнине. Успехи планового хозяйства, которыми теперь так гордилась правящая партия, привели к дальнейшему обострению товарного голода. В 1925/26 и 1926/27 гг. правительству удалось сделать важный шаг на пути индустриализации страны. Инвестиции капитала в тяжелую промышленность и в электрификацию составляли (исключая погашения) 565,1 млн. руб. в первом и 982,0 млн. руб. во втором году. Не удовлетворяясь ремонтом старых изношенных фабрик, перешли к строительству великолепных новых. Капитальные стройки в советской России в подавляющем большинстве финансировались из государственного бюджета. Налоговое бремя было поэтому очень тяжким. Этим, однако, не удовлетворились, и капиталовложения в 1926/27 году были осуществлены в значительной мере путем эмиссии. Денежная масса с 1291 млн. руб. на 1 октября 1926 г. возросла к 1 октября 1927 г. до 1628 млн. руб. — на 337 млн. руб. или на 26,1%. Этот рост денежной массы обогнал изрядно быстрый рост товарообращения. Новые капиталовложения были истрачены главным образом на строительство тяжелой промышленности, так что могли вновь появиться в товарной форме лишь в далеком будущем. Кроме того, что стройки стоили дорого, они продолжались долго и вследствие отсутствия специалистов никоим образом не выполнялись рационально. Благодаря большим капиталовложениям в больших городах и промышленных областях создалась покупательная способность, не соответствовавшая наличной массе товаров. Будь рынок свободным, такая сверхкапитализация, сопровождаемая инфляцией, привела бы к росту цен и таким путем пришла бы к равновесию спроса и предложения. Это означало, однако, повышение эквивалента, получаемого сельским хозяйством на рынке, падение реального заработка рабочих, повышение издержек в промышленности. Это бы полностью противоречило задаче планового хозяйства строить промышленность и улучшать положение рабочих за счет крестьян. Двукратное разорение частной торговли и строгое регулирование государственной кооперативной торговли в 1927 г. завели правительство так далеко, что, несмотря на инфляцию, продажные цены не только не поднялись, но несколько снизились. Вся пресса чрезвычайно гордилась этой победой планового хозяйства. «Анархистский элемент» рынка был побежден этим ударом планового хозяйства. Но законы рынка могли быть побеждены лишь одним способом — путем его разорения. И это

произошло: вместо повышения цен образовался острый товарный голод, при котором деньги теряют свое значение, потому что, имея деньги, невозможно приобрести товары.

Вопреки попыткам правительства ко времени закупочной кампании доставить товары в соответствующие закупающие области основной массой товаров завладели элементы населения, стоявшие ближе к товарам, т. е. население больших городов и промышленных областей. При этом вследствие инфляции запасались товарами не только для текущих нужд, но и для будущего. Так возник в стране острый товарный голод, особенно в удаленных областях, где был избыток сельскохозяйственных продуктов. Это положение чрезвычайно обострилось из-за уничтожения частной торговли. Именно русская равнина была большей частью зависима от частной торговли. Торговая сеть не могла быть восстановлена в довоенном объеме, когда власти уже снова пришли к ее разорению. Правда, сеть кооперативных лавок расширилась, но частные закрывались быстрее*. Поэтому возникли так называемые «торговые пустыни», в которых сельское население вообще не могло снабжать себя промышленными товарами. После быстро прогрессировавшего разорения частной торговли и планомерного расширения государственного и кооперативного аппарата можно было вообще сомневаться в существовании торговли в обычном смысле этого слова. Торговля заменена плановым распределением в снабжении товаром, оно наслаивалось в планах, красиво выработанных в московских канцеляриях согласно определенным предпосылкам и политическим директивам. Это централизованное распределение товаров нисколько не соответствовало разнообразным потребностям большой страны с ее пестрым населением. И это означало обесценение массы товаров, так как цена определяется не историей возникновения и не количеством труда, затраченного на их изготовление, как верят марксисты, а значением для удовлетворения потребностей населения в настоящий момент. К началу 1928 г. советское правительство стало на распутьи. Свободная связь крестьянства с социалистическим сектором (так называемая «смычка») снова, как в конце 1923 г., грозила порваться. Нужно было либо рассчитывать элементарной силой законов добиться признания на рынке, либо вернуться к принудительным мерам. Но программа быстрой индустриализации страны не должна была меняться. И тогда советское правительство решилось... В январе 1928 г. торговля хлебом на рынках была прекращена. В районах, имеющих избытки, ходили из дома в дом и изымали хлеб и частично другие сельскохозяйственные продукты. За них платили крестьянам фиксированную и очень низкую цену. Что касается зажиточных крестьян, то у них просто конфисковали хлеб, обвиняя в утайке жизненно важных продуктов. Одновременно были приняты меры,

* В 1926/27 г. число частных лавок в РСФСР уменьшилось на 17%, в следующем триместре еще на 28%. Было закрыто 70000 частных лавок и при этом открыто 10000 новых кооперативов. Хотя они больше частных лавок, но заменить их не могли. Во многих областях были закрыты 3/4 частных лавок. См. Основные вопросы торговли. Стенографический отчет и материалы всероссийского торгового дня, т. 25—28, апрель 1928. Изд. Наркомторга, М., 1928, стр. 13, 14, 37.

чтобы большими налогами вынудить крестьян продавать продукты. Крестьян принудили подписываться на крестьянский заем, было введено так называемое «самообложение» для местных нужд. Таким путем в первом триместре 1928 г. удалось получить от крестьян 341 млн. руб. вместо 122 млн. в прошедшем году. Но не было уверенности, что путем тяжелого налогообложения удастся прямо получить от крестьян урожай. Решением было все же принудительное изъятие. Это было событием чрезвычайного значения в хозяйственной жизни СССР. Правда, правительство в 1927 г. вытеснением частной торговли практически уничтожило свободный рынок, исходный пункт системы НЭП — принцип, что крестьянин свободно распоряжается своими продуктами, что он может их продавать или держать у себя — до сих пор оставался нетронутым. Теперь правительство глубоко потрясло и этот принцип и тем сломало хребет системы НЭП. Борьба против свободного рыночного обращения, которую предприняли уже давно, пришла к концу — к двукратному разорению рыночного и денежного хозяйства. Трагизм происшедшего, однако, не был ясен еще самому советскому правительству. Оно рассматривало принудительные меры лишь как эпизод в своей хозяйственной политике, к которым его вынудила чрезвычайная ситуация. Пресса была очень довольна результатами конфискаций: после трех хороших урожаев можно было что-то найти в амбарах у беднейших крестьян. Но скоро обнаружилась оборотная сторона этих больших атак коммунизма. Когда весной правительство ослабило принудительные меры, заготовки резко упали. В целом в 1928/29 сельскохозяйственном году (июль — июнь) удалось заготовить 10,2 млн. тонн вместо 10,6 в прошедшем году, т. е. на 4% меньше. И все же условия снабжения принципиально отличались от прошедшего года. В 1926/27 г. страна не испытывала продовольственных трудностей и 2,5 млн. тонн хлеба можно было вывезти без ущерба для населения. В 1927/28 г. вывоз остался прежним, но города и примыкавшие области оказались перед такими трудностями, что весной 1928 г. правительство было вынуждено, несмотря на недостаток иностранных кредитов, даже ввезти кое-что из урожая. Это различие было обусловлено тем, что из-за разрушения частного хлебного рынка на правительство легла новая обязанность: оно должно было теперь прокармливать городское население районов, имеющих излишки, а для этого собранного урожая не хватало. Чтобы заменить вывоз хлеба, правительству пришлось выбросить на внешний рынок большую долю масла и яиц и так на внутреннем рынке создался недостаток животных продуктов. Социализация торговли сельскохозяйственными продуктами все же прогрессировала, и следствием было дальнейшее ухудшение продовольственного положения населения*.

* «В массе новых сельскохозяйственных продуктов (например, овощи, фрукты и другие второстепенные продукты сельского хозяйства), торговлю которыми взял на себя обобществленный сектор, заготовки централизованно прорежены, республиканские центры определяют твердые заготовительные цены и т. д. Это ослабляет торговые связи крестьянина, он повышает потребительские цены и затрудняет заготовки» — читаем в Контрольных цифрах 1928/29 г., стр. 296—297.

Другим особенно угрожающим следствием принудительных мер было уменьшение в 1928 г. площадей зерновых, имевшее место несмотря на усилия правительства помогать семенами бедным элементам деревни. После пяти лет расширения площадей зерновых они с 97,2 млн. га в 1927 г. уменьшились до 94,7 млн. га в 1928 г. — на 2,5 млн. га — и составляли лишь 92,2% посевных площадей 1913 г. Особенно сократили площади зажиточные крестьяне в степях, и это нельзя было исправить расширением посевных площадей бедняков*. Уменьшение посевных площадей и продовольственные трудности усилили правые группировки в партии, возражавшие против острой политики по отношению к крестьянству. Партийный съезд в июле 1928 г., собранный перед началом заготовительной кампании, объяснил, что политика НЭП еще существует и что местные власти слишком далеко зашли с принудительными мерами. Было обещано их за это наказать, а некоторых даже расстрелять (на этот раз несерьезно). Партия объявила, что правительство не берет на себя снабжения всего населения, особенно в городах районов, имеющих излишки. В связи с этим вновь была разрешена рыночная торговля хлебом. Цена семян была повышена на 15%.

При всем том для восстановления обмена в советском хозяйстве было сделано еще прискорбно мало. Для этого требовались радикальные средства, а советское правительство не намеревалось изменять принципы своей хозяйственной политики. Инвестиции в промышленность и в электрификацию (исключая погашения) достигли в 1927/28 хозяйственном году 1434,8 млн. руб., т. е. они были на 450 млн. руб. выше, чем в 1926/27 г. Вместо ограничения эмиссии в 1927/28 г. было выпущено еще 337 млн. руб. На 1928/29 г. инвестиции в промышленность и электрификацию должны были превысить 2 миллиарда рублей. Что до борьбы с зажиточными [Рукопись обрывается].

Перевод с немецкого В. Кагана

---

* Пресса пыталась успокоить общественное мнение, указывая, что уменьшение посевных площадей вызвано уничтожением 7,5 млн. га озимых из-за плохих условий зимовки. Но это объяснение недостаточно. Площади озимых были с начала осени 1927 г. меньше, чем осенью 1926 г. Кроме того, обычно плохо перезимовавшие семена пересевались летом. Когда весной 1928 г. несмотря на помощь со стороны правительства это не тронуло достаточную массу — значит, желание крестьян увеличивать свои посевные площади было потеряно.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно согласиться с утверждением, что тот большой интерес, с которым весь мир в течение более чем пятнадцати лет следил за развитием России, был вознагражден количеством информации, соответствующим тому месту, которое этот вопрос занял в общей полемике. Немногие из тех, кто следил за все растущим потоком литературы на эту тему, были удовлетворены тем, что они узнали о происшедшем в этой стране в действительности. Большинство же практически отказалось от попыток составить четкое мнение о достигнутых там результатах. Стало модным рассуждать обо всем этом как о великом эксперименте и подчеркивать его важность для будущего человечества. Но многие ли из тех, кто бросается этими фразами, понимают по-настоящему, что все это означает в действительности?

В известной степени такое неудовлетворительное положение дел обусловлено политическим пристрастием спорящих, что неизбежно приводит к потере информации о реальной ситуации. Но это не может быть единственной причиной возникшего положения. В течение последних нескольких лет, разумеется, не было недостатка в бесстрастных попытках серьезного объективного исследования этой проблемы, однако в большинстве случаев результаты оказывались весьма неубедительными. Что касается основного вопроса: преимуществ и недостатков централизованного экономического планирования, затруднений, с которыми столкнулось советское руководство, и степени их преодоления, — наши познания выросли незначительно. Причина этого — исключительно скупая информация, на которой могли бы базироваться такого рода заключения. Трудности, которые здесь необходимо преодолеть, настолько огромны, что лишь исследователь исключительно высокой квалификации может надеяться справиться с ними. Но у большинства тех, кого привлекают подобные исследования, отсутствует самое необходимое средство — безукоризненное знание русского языка. Поскольку большая часть относящейся к делу информации должна тщательно собираться из скупых материалов внутрироссийской полемики и публикаций и поскольку вся информация, доступная на других языках, заведомо вводит в заблуждение, никто из лиц, не владеющих в полной мере русским, не в состоянии сколько-нибудь продвинуться в этой области. Однако не менее важным каче-

ством, но еще более редким, является близкое знание страны, ее истории, ее учреждений, психологии ее народа. Необходимо такое знание этих факторов, которое позволило бы исследователю отделить все специфически российское и не зависящее от системы, реализованное сегодня в стране, от результатов и последствий, обусловленных исключительно этой системой. Действительно, не следует удивляться тому, что большинство оценок современной России являются поверхностными и не проникают в глубинную суть явлений. Несомненно, что впечатления разумных людей представляют интерес. Но они содержат мало ответов на основные вопросы.

Но, кроме того, исследователь должен обладать еще одним качеством. Даже самое тщательное исследование фактических материалов о советской России не может дать многого, если оно не будет отправляться от ясно выраженной концепции, то есть если исследователь, прежде чем примется за изучение специальных проблем России, не придет к четкой идее о фундаментальной (основной) задаче экономического планирования как такового.

Неправдоподобно, чтобы кто-либо иной, кроме российского специалиста по экономике, мог сочетать в себе все качества, необходимые для успешного выполнения такого исследования. Число же российских экономистов, по-настоящему знающих свою страну и в то же время свободных говорить о текущих событиях, стало весьма ограниченным.

В подобной ситуации утверждения автора предлагаемой читателю книги могут считаться наиболее авторитетными. Б. Бруцкус, профессор экономики сельского хозяйства Петербургского университета с 1907 по 1922 г., долгое время считавшийся одним из крупнейших авторитетов по сельскому хозяйству России, безотрывно был в курсе происходивших в ней событий. В своей книге *«Развитие сельского хозяйства и аграрная революция в России»*, опубликованной в Германии в 1926 году с предисловием Макса Зеринга, он дал наиболее яркую и, разумеется, никак не сочувственную оценку тенденциям, приведшим к революции. С самого возникновения нового режима он посвятил себя интенсивному изучению задач, которые последний перед собой поставил. И еще в 1920 году при описанных им в его предисловии обстоятельствах он осуществил знаменательное исследование экономических проблем, поставленных социализмом. В несколько сокращенном переводе на английский язык, оно составляет теперь первую часть настоящей книги. Читая ее сегодня, в свете происшедших с тех пор в России событий и широкой полемики, посвященной проблемам коллективистского планирования, можно, по-прежнему, поражаться той экстраординарной ясности, с которой он уловил действительно центральные моменты. Вместе с трудами проф. Л. Мизеса и Макса Вебера, вышедшими в Германии несколькими месяцами раньше, эта книга, действительно, должна рассматриваться как одно из главнейших исследований, вызвавших нынешние дискуссии об экономических проблемах социализма.

Критический анализ проблем социализма приобретает особое значение в свете того факта, что речь идет не только о социализме вообще, но также о конкретной стране, которая в течение более десяти лет пытается эти проблемы разрешить. Читатель, принимающий во

внимание время, когда это было написано, будет снова и снова поражаться исключительному предвидению ее автора и той мере, в которой это предвидение подтвердилось реальными событиями. Не только трагические перемены в экономической политике, происшедшие за это время, но также многие второстепенные события в истории российского эксперимента были четко предсказаны в этих рассуждениях. Последнее ярко демонстрирует вторая часть книги, где дается анализ развития Советского Союза за последние пятнадцать лет.

В течение некоторого времени после публикации его первого критического труда о проблемах социалистического хозяйства проф. Бруцкус еще мог оставаться в советской России. Какое-то время он даже возглавлял комиссию по планированию сельского хозяйства. Но в конце года он был вынужден покинуть советскую Россию и поселился в Германии, где прожил десять лет, будучи профессором Русского научного института в Берлине (этого места Бруцкус лишился после «национал-социалистической революции»). Такое положение давало ему возможность, однако, сосредоточенно следить за всеми событиями в советской России и детально изучать все аспекты ее дальнейшего экономического развития. Многочисленные его публикации (в основном на немецком языке), появившиеся за это время, свидетельствуют о его неослабном внимании к каждой фазе этого процесса.

Краткое исследование-обзор результатов первого пятилетнего плана, опубликованное в 1932 году, привлекло особенно широкое внимание.

Во второй части настоящей книги он развил его в куда более исчерпывающее обозрение экономического планирования в советской России от революции до настоящего времени. Мне представляется, что Бруцкус преуспел в освещении истории этого эксперимента больше, чем это сделано было в какой-либо известной мне другой работе. Его знание российской обстановки позволило ему извлечь из относительно недоступных (именно из-за неподготовленности зарубежных исследователей к их использованию) источников больше сведений о реальной тамошней ситуации, чем дали бы тома официальной статистики. И, как увидит читатель, фрагменты информации, из которых составил он, пролив яркий свет на происходящее, свою поразительно полную картину, собраны из материалов, содержащихся в наиболее авторитетных источниках. Я не колеблюсь отнести его труды, представленные в настоящей книге, к наилучшим образцам актуальной научной литературы о России сегодняшнего дня. Надо надеяться, что изданная на английском языке эта книга будет иметь такой же успех, как ее предшествующее издание на немецком языке.

Ф. А. Хайек
Лондонская школа экономических и политических наук
Октябрь 1934 г.

Перевод с английского С. А. Тиктина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОКТРИНЫ МАРКСИЗМА В СВЕТЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская социальная революция имеет всемирно-историческое значение со многих точек зрения. Она его имеет и в том отношении, что впервые попыталась перенести социализм с высот радужной мечты на землю суровой действительности; она не говорила о социализме, она его строила.

Этим русская революция заставила, наконец, нас, экономистов, серьезно задуматься над социализмом как положительной системой. Сами социалисты, следуя примеру Маркса, не утруждали себя соответствующими размышлениями. Но мало думали об этом и их противники — задача эта представлялась им недостаточно реальной. Теперь она неожиданно таковой стала.

Изложенные в этой книге мысли сложились у автора в страшные годы строительства социализма в России. Автор не только не считал тогда возможным их изложить на бумаге, но он даже не надеялся, что он будет иметь возможность их устно изложить в более широком кругу. Было слишком много вероятности до наступления этой возможности погибнуть от голода, холода, сыпняка или ЧК. Но автору посчастливилось пережить это страшное время. К концу 1920 года, когда победа на фронтах стала явно клониться в сторону революции, в Петрограде гнет большевистского режима стал чуть-чуть слабеть. Интеллигенция стала вылезать из своих берлог, она получила возможность кое-где собираться и говорить, хотя бы промеж себя.

Был сырой дождливый вечер в конце августа 1920 года, когда я в собрании изможденных и истомленных петроградских ученых выступил с докладом: «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе», — под этим заглавием я скрыл свою теоретическую критику системы научного социализма. Коммунизм был тогда в упоении своих побед. Советская власть заканчивала успешно свою борьбу с Врангелем и обещала теперь, когда у нее руки развязаны, быстро

справиться со всеми затруднениями на экономическом фронте. Так нас, ученых, уверяли ее клевреты... и даже не коммунисты. И вот я в своем докладе в момент величайшего торжества коммунистических настроений позволил себе утверждать, что экономическая проблема марксистского социализма неразрешима, что гибель нашего социализма неизбежна, и даже намечал некоторые переходные шаги для поворота к капиталистическому строю, которые впоследствии были отчасти осуществлены при НЭПе. Два с половиной часа меня слушали с напряженным вниманием петроградские ученые, и из завязавшейся после моего доклада беседы я вынес впечатление, что мне удалось связать в систему те идеи, которые бродили в умах многих как осадок страшного опыта минувших лет. Мой доклад возбудил внимание. Мне пришлось его повторять в закрытых собраниях шесть раз в Петрограде и один раз в Москве. На моих докладах присутствовали и коммунисты. Мои доклады вызвали контрдоклады со стороны меньшевиков, которых моя критика особенно задела; эти контрдоклады не поколебали моих убеждений.

Предусмотренное мною крушение русского социализма скоро наступило. Он пошел в отступление, начался НЭП, а вместе с тем начали расцветать надежды на возрождение некоммунистической литературы.

Коммунизм во время своего полного расцвета в сущности не отрекался принципиально от свободы слова. Уничтожая все проявления свободного творчества, он или ссылался на военную необходимость или на недостаток материальных ресурсов. Бумаги не хватает для агитационных брошюр — как же отдавать ее для печатания произведений буржуазных писателей?!

Теперь, с уничтожением фронтов и торжеством НЭПа, эти возражения отпадали, и частные издательства могли начать функционировать.

И вот летом 1921 года кружок экономистов собрался в стенах Русского Технического Общества, чтобы побеседовать о создании при нем экономического журнала. Я тогда обмолвился, что в первой же книжке нашего Экономиста (так мы окрестили журнал) я начинаю печатание своих критических статей о социализме. Мои слова были коллегами восприняты как шутка, столь невероятным представлялось еще тогда появление критики социализма под эгидой нашей социалистической власти.

Но я решился. Я сказал себе: былое обаяние марксизма после горького опыта у коммунистов уже утеряно, и им будет любопытно хоть раз прочитать современную русскую критику социализма. Конечно, я писал сдержанно, и редакция меня еще сдерживала. Но моя вера в терпимость коммунистов на сей раз оправдалась. Цензура не выбросила ни одного слова из моих статей, печатавшихся в первых двух книжках журнала, и только в последней, третьей книжке она позволила себе вычеркнуть два полемических абзаца, и это несмотря на неистовый вой, поднятый всей советской прессой при появлении первой же книжки нашего журнала.

К лету 1922 года цензурные строгости стали обостряться. ГПУ стало явно интересоваться редакционной коллегией Экономиста, и после появления № 4—5 журнала он был закрыт.

На августовском съезде РКП Зиновьев прокламировал «идейную борьбу» против буржуазной идеологии. Первым актом этой «идейной борьбы» были массовые аресты интеллигенции во всей России. К утру 17 августа 1922 года часть редакционной коллегии Экономиста, в том числе и автор этих строк, уже оказалась водворенной на Гороховую, и в ноябре мы выехали по приказу ГПУ в Германию.

Экономист в Германию не проник, а в России после нашего ареста он был изъят из магазинов; к счастью, журнал уже успел почти целиком разойтись.

Уже будучи за границей, я имел возможность познакомиться с эволюцией социалистической мысли в Германии, с опытом венгерской социальной революции, а также и с некоторыми старыми критическими исследованиями о социализме. Весь этот материал лишь укрепил меня в правильности моих взглядов. Мало того, я убедился, что мы, русские граждане, имели возможность изучить социализм с таких точек зрения, которые остались сокрытыми для тех, кто не наблюдал опыта воплощения социализма в действительности.

Я мог бы значительно расширить свою аргументацию. Но я этого сейчас не делаю. Самое главное в моей статье выяснено. Всякая же попытка развить ее нарушила бы своеобразный тон этой единственной печатной критики социализма, которая могла появиться под эгидой социалистической власти. В этой статье с громадными усилиями закован в научные формулы жгучий протест против эксперимента, произведенного над живым телом многомиллионного народа. И пусть он в этой форме и останется. Только в заключительном абзаце я позволил себе сделать краткий вывод из статьи, который для внимательного читателя ясен, но которого я не решился сделать в России по цензурным соображениям. Я восстановил также небольшие купюры, которые произвела редакция и цензура. Я изменил название очерка в смысле большего соответствия с его содержанием.

Я знаю, мои противники скажут, что русский опыт не дает права делать какие-либо выводы о социализме. На это я отвечу: мои рассуждения в своей основе носят теоретический характер, они общезначимы. Конечно, русский опыт имел для автора решающее значение: он возбуждал его мысль, он давал прекрасные иллюстрации для его выводов. Но совершенно напрасно умеренные социалисты думают, что те роковые вопросы, те роковые затруднения, которые погубили русский коммунизм, что они для них не существуют. Эти вопросы станут пред всеми, кто пожелает не говорить о социализме, а его строить, и притом в любых условиях: они требуют, настоятельно требуют ответов, как загадка сфинкса, и этих ответов и у умеренных социалистов так же нет, как и у коммунистов.

Меня упрекнут, что сейчас социализм и без того на ущербе, и следует ли теперь критиковать движение, которое во всяком случае является важнейшей основой демократии. Но мои слова обращены прежде всего по адресу русской зарубежной интеллигенции. Она составляет очень значительную часть тех интеллигентных сил, которыми Россия еще сумеет располагать после постигших ее катастроф. Надо надеяться, судя по ходу развития русской революции, что зарубежная интеллигенция в недалеком будущем сумеет без компромиссов

со своей совестью вернуться на родину. Чтобы эта интеллигенция могла плодотворно работать в России, она должна в корне пересмотреть свою идеологию. Она должна, наконец, научиться смотреть открытыми глазами на действительность и выбирать те экономические мероприятия, которые отвечают конкретным нуждам народа в данный исторический момент, а не те, которые, по мнению интеллигенции, приближают его к блаженному царству социализма. Те умеренные социалисты, которые думают, что они будут в России продолжать строительство социализма по-хорошему, в котором им будто бы помешали большевики, для страны не только бесполезны, они для нее опасны.

Что касается европейской социал-демократии, то, если бы она сумела глубоко продумать русский опыт, не увлекаясь полемикой с большевизмом, то она поняла бы, что он имеет к ней ближайшее отношение; пользуясь оборотом Маркса, можно сказать: de te fabula narratur. Результаты строительства социализма по рецепту Маркса нигде не были бы лучше. Впрочем, большинство вождей социал-демократии в Западной Европе это уже сознают. «Социализм не есть механизм, который строится по заранее намеченному плану»... «У нас нет утопий, которые можно воплотить всенародным решением». Так осторожно теперь говорит о строительстве социализма Карл Каутский, который во всей своей предшествующей политической и научной деятельности утверждал как раз обратное.

Однако время требует более решительного отказа от догмы марксизма. Воспитанные в мечтах о социальном перевороте, рабочие массы могут немедленно приступить к разрушению существующего общественного строя во имя обетованного царства социализма. Социалистам остается либо благословить эти порывы масс и стать под знамена III Интернационала, или с полною решительностью отречься от марксистских идей Zusammenbruch'а и следующего за ним государства будущего. Они обязаны в последнем случае открыто сказать массам, что строй частной собственности и частной инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация, его нельзя разрушать, ибо среди развалин ничего построить нельзя, его нельзя разрушать, ибо неизвестно, что собственно придется строить, ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти.

Социал-демократия из партии социального переворота должна окончательно превратиться в партию социальных реформ во имя реальных, осязаемых интересов трудящихся масс. Социал-демократия фактически к этому идет, хотя медленными, слишком медленными шагами.

Автор

Берлин, июнь 1923 г.

1. МАРКСИЗМ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Историю развития социалистических учений обычно делят на два периода — утопического и научного социализма. Это подразделение следует признать несколько резким: можно указать на научные элементы в так называемом утопическом социализме и на ненаучные элементы — в так называемом научном социализме. Но в основе это подразделение все же правильно. Грань между обоими периодами положена трудами величайшего политического деятеля и мыслителя социализма — Карла Маркса. Маркс попытался понять социально-экономические процессы исходя из идеи эволюции, и этот принцип оказался в общественных науках столь же плодотворным, как и во всех других областях знания. Во второй половине истекшего века марксизм завоевал безусловную гегемонию в социалистическом движении; и в настоящее время именно он является доктриной революционного пролетариата. Марксизм положен в основу программы и русской коммунистической партии.

Утопические социалисты представляли себе, что социалистический строй возникнет в результате инициативы уверовавших в его блага небольших общественных групп, которые своей вдохновенной деятельностью увлекут за собой все остальное общество. В противоположность такому пониманию эволюции общественных явлений Маркс утверждал, что социально-экономические явления развиваются стихийно. Но объективное исследование эволюции капитализма, по мнению Маркса, приводит к тому непреложному выводу, что этот строй неотвратимо стремится к собственной гибели, что в недрах его развиваются элементы нового строя — социалистического. Очередной задачей своей эпохи Маркс считал не создание небольших общественных ячеек на социалистических основах, а прояснение сознания и организацию пролетариата как класса, призванного в определенный момент социально-экономической эволюции — в момент конечного кризиса капитализма — взять в свои руки перестройку всего общества в целом на социалистических основах.

В связи с этим менялось и самое содержание социалистических учений. В то время как утопические социалисты на первом плане ставили задачу конструирования нового общества, научный социализм концентрировал свое внимание главным образом на критическом исследовании современной системы народного хозяйства и на выяснении ее эволюции. Последняя уже предрешала некоторые основы будущего социалистического общества, но разработкой задачи систематического его конструирования Маркс не занимался.

Последователи Маркса точно так же не уделяли последней задаче своего внимания. Даже такой разносторонний и исключительно плодовитый писатель, как Карл Каутский, так много сделавший для исследования социально-экономических явлений методами марксизма, в интересующем нас вопросе оказался бесплодным.

Совершившийся в России социальный переворот, казалось бы, поставил перед русскими ортодоксальными социалистами задачу конструирования социализма как положительного учения. Но и русская социалистическая литература пока не сумела в этом направлении ничего сделать. Выдающийся теоретик большевизма Н. Бухарин в своей „Экономике переходного времени" ограничился утверждениями старого положения социализма, что категории капиталистического строя при социализме теряют свое значение, но он не попытался выяснить, какие же категории будут регулировать производство и потребление при новом строе. Если в русской литературе и сделана попытка конструировать социализм как положительное учение, то она принадлежит покойному М. И. Туган-Барановскому, которого, конечно, нельзя назвать ортодоксальным марксистом. Таким образом приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: *научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал.*

Между тем, от разработки такой теории марксизм не имел достаточных оснований отказываться. Поставив во главу угла принцип эволюции, Маркс тем не менее не перестал быть революционером. В известном споре между К. Каутским и В. И. Лениным о том, предусматривает ли Маркс превращение капиталистического общества в социалистическое в форме медленного процесса, слагающегося из ряда частичных реформ, как полагает первый, или в форме единовременного переворота, как полагает второй, мы решительно должны стать на точку зрения В. И. Ленина. Да и сам Каутский еще не так давно, когда он писал свою брошюру „На другой день после социальной революции", держался той же точки зрения. Признаваемая Марксом диалектическая схема эволюции Гегеля с ее постепенным нарастанием количественных изменений под старыми формами как раз постулирует революционные взрывы, которые выявляют совершившиеся вследствие накопления количественных изменений качественные изменения социальной материи.

Очень часто Маркс сравнивает рождение нового общества с физиологическим актом родов. Примем эту аналогию и попытаемся сделать из нее надлежащие выводы. Ребенок родится только тогда, когда все органы во чреве матери уже сформировались; тем не менее его рождение не есть только механический акт — он связан с глубокой трансформацией всей физиологии выброшенного на свет Божий существа. Для жизни в новой среде ребенок должен совершать совершенно новые физиологические акты дыхания и сосания, и эти акты возникают инстинктивно. Аналогичные явления должны иметь место и при рождении нового социального строя. Ищущий прибыли предприниматель, который до того приводил в движение весь экономический механизм общества, исчезает. В хозяйственной жизни должны появиться новые стимулирующие двигатели. Но... общество все-таки не организм, и направляющие инстинкты в нем не действуют. Те новые акты, которые возникают в организме инстинктивно, должны быть в обществе предварительно осознаны его руководящими кругами.

Если капиталистическое общество, которое предоставляет личной инициативе граждан удовлетворение важнейших его нужд и ограничивает функции государства некоторым регулированием хозяйствен-

ной деятельности своих граждан, создало науку экономической политики, то во сколько же раз такая наука более необходима социалистическому обществу, в котором деятельность государства и бесконечно ответственна, и бесконечно более многообразна, и бесконечно более сложна!..

Тот факт, что социализм как положительное учение остался в марксизме неразработанным, мы не можем объяснить только тем, что у марксистов не было смелости браться за решение такой проблемы, которая осталась неразрешенной самим Марксом. Для практической задачи, которую Маркс ставил себе в первую очередь, — для организации единого интернационального рабочего движения, — углубленная разработка теории социалистического хозяйства не была безусловно необходимой. Для того чтобы организовать пролетариат на борьбу против капитализма, достаточно было критически выявить отрицательные стороны капитализма и противопоставить ему социализм лишь в самых общих заманчивых контурах. Но ведь социально-экономическая эволюция после Маркса шла вперед, и вопрос о социальном перевороте и о творчестве нового строя с течением времени становился все более актуальным. К этому моменту надо было готовиться, и то, что марксисты в этом отношении оказались неподготовленными, не может не иметь отрицательных последствий для социалистического движения. В настоящий момент, когда в связи с последствиями небывалой по своей разрушительной силе мировой войны вся экономическая жизнь передовых стран оказывается глубоко дезорганизованной и капитализм переживает такой кризис, какого он еще никогда не переживал, отрицательные результаты подобного состояния социалистической доктрины не могли не выявиться. Вожди западного социализма совершенно неожиданно оказались призванными от перманентной оппозиции к власти. И вот, не имея разработанного плана нового общества, старые вожди западно-европейского социализма, в полном сознании тяжелой ответственности перед руководимым ими рабочим классом, уже не решаются призывать его к социальной революции. У них ослабела вера в то, что социализм окажется в силах в данных трудных условиях уврачевать тяжелые недуги экономической действительности. Даже в своих реформистских проектах они не проявляют большой решительности в постоянном опасении окончательной дезорганизации и без того расстроенной экономической жизни. Наоборот, держащие в руках власть русские социалисты, будучи более строгими последователями марксистской доктрины и будучи по своей психологии более смелыми и решительными, после социального переворота вынуждены переходить от эксперимента к эксперименту в такой момент, когда ввиду совершенно критического положения народного хозяйства следовало бы действовать наверняка.

Принимая во внимание столь важные отрицательные последствия отсутствия разработанной теории народного хозяйства применительно к условиям социалистического строя, приходится, конечно, признать, что этот факт не есть какая-то случайность. Очевидно, должны быть глубокие причины этого замечательного явления. Они выяснятся в дальнейшем нашем изложении...

Марксизм не разработал теории социалистического хозяйства, но он определил его основные принципы как вытекающие частью из того, что социализм должен возникнуть путем трансформации капитализма, частью из того, что они являются постулатами класса, организующего социализм, — промышленного пролетариата.

Марксистский социализм прежде всего не является социализмом мелких общин, это социализм в крупном масштабе — государственный, национальный. Он отрицает рынок и рыночные цены как регуляторы производства, как регуляторы распределения производительных сил. Этот способ регулирования капиталистического хозяйства с точки зрения марксизма является несостоятельным; марксизм постоянно подчеркивает «анархию капиталистического производства», неизбежно приводящую к периодическим кризисам. С точки зрения марксизма, эта анархия и есть одна из важнейших отрицательных сторон капитализма, которую социализм призван преодолеть. В сравнении с капитализмом социализм является высшей формой хозяйственной организации. Социализм ведет хозяйство по единому государственному плану, построенному на основах статистики. Подобно рыночным ценам и другие категории капиталистического хозяйства теряют при социализме свое значение; в социалистическом обществе нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, ибо в нем все работают и получают полный продукт своего труда без вычета нетрудовых элементов дохода. Социалистическое общество признает издержки производства лишь в одной форме — в форме затраты труда; количество же этой затраты измеряется временем. Труд и только труд обладает ценностеобразующей силой даже в капиталистическом обществе — так утверждает Маркс в 1-м томе „Капитала“; тем более это положение справедливо для социалистического строя. Распределение хозяйственных благ должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом, ибо если свобода есть руководящий лозунг буржуазии, то равенство есть руководящий лозунг промышленного пролетариата. Во имя этого лозунга им совершается великий переворот.

Таковы руководящие идеи марксистского социализма в деле построения нового народного хозяйства. Удастся ли нам решить задачу теоретического конструирования социалистического хозяйства — покажет наше дальнейшее изложение, но во всяком случае соответствующая работа имеет большое значение и для более отчетливого исследования природы капиталистического хозяйства. Исследование проблем социалистического хозяйства дает нам надежду осветить с новых точек зрения проблемы капиталистического хозяйства.

2. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП И СОЦИАЛИЗМ

Едва ли какой-либо экономист решится оспорить то положение, что всякая хозяйственная деятельность, протекает ли она в рамках натурального, капиталистического или же социалистического хозяйства, должна быть подчинена принципу о соответствии между затра-

тами и результатами. Недаром этот принцип считают конституирующим хозяйственную деятельность, отличающим ее от всякой иной деятельности человека. Надо только полагать, что принцип этот в социализме должен проявиться в своеобразных для него формах.

В натуральном хозяйстве механизм проявления хозяйственного принципа ясен. В хозяйстве трудится небольшой комплекс лиц, тесно спаянных между собой узами кровного родства и совместной жизни, они же и потребляют все произведенные ценности; естественно, что в этих условиях устанавливается известное, субъективно определяемое, соответствие между затратами, преимущественно трудовыми, и ценностью продуктов труда, потребляемых самими же трудящимися и их близкими. Небольшие размеры и полная обозримость всего процесса производства и потребления являются известной гарантией этого соответствия.

В капиталистическом хозяйстве предприниматель пользуется трудом посторонних людей, к благополучию коих он может быть вполне равнодушен, он пользуется в изобилии материалами и орудиями, являющимися продуктами предшествовавших производственных процессов, пользуется естественными силами, к которым приходится устанавливать совсем не то отношение, какое устанавливается в натуральном хозяйстве. Тем не менее и здесь, при несравненно более сложном хозяйственном процессе, устанавливается соответствие между затратами и результатами производства, выражаемое даже отчетливее и последовательнее, чем в натуральном хозяйстве. Все элементы производства: труд, материалы, машины, процент на капитал, рента — оценены обществом на рынке, равно как на рынке оцениваются и все продукты производства. Эти оценки происходят в стихийном процессе, результаты коего для отдельного предпринимателя являются данными. Если цены произведенных продуктов производства не покрывают затрат, то предприниматель лишается возможности распоряжаться орудиями производства; он получает свою отставку безжалостно и безоговорочно, ибо и она дается в стихийном процессе. Он не исполнил тех заданий, которые ему, как предпринимателю, предъявляет общество, он не сумел так скомбинировать элементы производства, чтобы они оплатились в рыночной цене произведенного с их помощью продукта. Зато никого капиталистическое общество не осыпает своими щедротами так обильно — ни гения науки, ни гения искусства, — как умелого и искусного предпринимателя, который, удачно комбинируя элементы производства продукта, удовлетворяет хотя бы самым обыденным потребностям общества. Благодаря этому предприниматель капиталистического общества находится постоянно в напряженном состоянии, и это напряжение он стремится передать всем участникам производства. Одних он заинтересовывает непосредственно в результатах производства, других он поощряет повышенным вознаграждением, третьих он дисциплинирует страхом увольнения. Так осуществляется хозяйственный принцип в расчлененном на классы и имущественные группы капиталистическом обществе.

Какими же путями хозяйственный принцип может быть осуществлен в социалистическом обществе? Социалистическое общество, в отличие от капиталистического, не обладает армией предпринимателей, которые всем своим имущественным положением заинтересованы в успехе производства. Лица, возглавляющие социалистические предприятия, материально не выигрывают от их успешной работы и не проигрывают от их неуспешной работы. Не они платят за использованные в производстве труд, капитал, естественные силы, и они ничего не получают за отданные обществу продукты производства. Риск каждого данного производства всеми участниками его перекладывается на все общество в целом.

Не будем далее останавливаться на тех трудностях субъективного порядка, которые в связи с этим встречает строительство социализма, ибо исследование субъективных элементов хозяйственной деятельности есть задача самая трудная, и результаты такого исследования будут всегда вызывать споры. Мы сделаем лишь объективный вывод, который из сказанного становится очевидным: *хозяйственный учет имеет в социалистическом обществе гораздо большее значение, чем в капиталистическом.* Капиталистический предприниматель, если ему угодно, может совсем не вести никакого счетоводства. Тем хуже для него — он будет работать вслепую. Но перед народным хозяйством его ответственность этим нисколько не ослабляется, ибо все ему дается обществом по оценке и все у него принимается обществом по оценке. «И не уйдет он от суда мирского...» За растрату производительных сил он ответит своим достоянием и своим собственным положением. Иначе обстоит дело в социалистическом хозяйстве. Если глава крупнейшего предприятия в социалистическом хозяйстве ведет его без надлежащего учета и расчета, то он может лично жить совершенно спокойно, как бы руководимое им предприятие вследствие нерациональной организации производства ни расточало производительных сил общества. Всякое такое предприятие является своего рода больным членом хозяйственного организма, его истощающим, и из-за того, что болезнь не обнаружена, от этого она не становится менее опасной; ведь и на теле опаснее всего рана, которая не болит. Итак, ничто не может быть для социалистического общества опаснее, как атрофия хозяйственного учета, ибо в этих условиях конечная дезорганизация его хозяйства неизбежна.

Именно такое явление атрофии хозяйственного расчета мы наблюдали в России параллельно со стремительным разрастанием социалистического хозяйства за счет частного, параллельно отмиранию рынка и денежной системы. Уже в упомянутом труде Н. Бухарина „Экономика переходного времени" на примере железнодорожного транспорта убедительно доказывается, что ценностный учет, проводимый старыми методами, потерял всякий смысл. Однако это обстоятельство, по-видимому, не вызвало никакой тревоги в душе теоретика социализма. Н. Бухарин сознает необходимость какой-то другой системы учета, но не останавливается на выяснении ее принципов. А между тем именно в этом заключается самое больное место нашего социалистического хозяйства. Мы получаем молоко, выпекаем хлеб, чиним вагоны, перевозим уголь, но никто не может сказать, во что обходится молоко, выпечка хлеба, починка вагона, перевозка угля. Такое положение неминуемо должно привести народное хозяйство к катастрофе, и оно его к ней и привело.

Государство, лишенное прежнего ценностного учета, не могло, конечно, отказаться от контроля за своими предприятиями. Но ему представлялась возможность контролировать лишь отдельные элементы производства. И в этом отношении оно вынуждено было пойти очень далеко, гораздо дальше, чем это делали капиталисты. Организовался мелочный контроль за формальной аккуратностью служащих, за использованием материала, машин, инвентаря. Нагромождались ревизии на ревизии и устанавливалось уродливое несоответствие между рабочим и контролирующим аппаратом. А между тем этот контроль за элементами производства нисколько не гарантирует хозяйственной рациональности предприятия и совершенно не имеет того решающего значения, которое имеет ценностный учет. К огорчению моралистов приходится даже сказать, что честность руководителей предприятия, которую такой учет в лучшем случае может обеспечить, еще не гарантирует народного хозяйства от убытков, а бесчестность их может сочетаться с народнохозяйственной пользой. Все зависит от удачной или неудачной организации производства, о чем указанный контроль ничего не может сказать.

В настоящее время мы видим, как государство пришло к убеждению, что так дальше вести хозяйство нельзя. Оно нашло выход в восстановлении свободного рынка и в ценностном учете отдельных предприятий государства, построенном на директивах, исходящих от рынка. Этот выход из создавшегося тяжелого положения, очевидно, лежит уже не в плоскости социалистического хозяйства, как таковое понимается в марксизме. Нас интересует разрешение проблемы хозяйственного учета именно в пределах марксистского социализма.

Н. Бухарин, констатировав атрофию старых форм учета, полагает, что они должны быть заменены натуральным учетом. Эту мысль подробнее разработал А. В. Чаянов*. Он полагает, что таким путем получится возможность сравнивать степень рациональности постановки отдельных предприятий социалистического хозяйства. Применяя свой метод к сельскохозяйственным предприятиям, он приходит к расчетам такого типа: на 1000 единиц зерновых продуктов использовано 30 единиц труда, 90,0 единиц продовольствия, 8,6 единиц земли, 0,2 единицы тяги, 25,6 единицы построек, 0,4 единицы инвентаря, 1,5 единицы материалов, 0,03 единицы топлива. Для того, чтобы получить эту достаточно сложную формулу, А. В. Чаянову пришлось искать общую единицу для всех продуктов продовольствия, общую единицу для всех построек, общую единицу для инвентаря — от бороны до паровой молотилки, общую единицу для всех материалов — от смазочного масла до веревки. Нечего говорить, что все эти единицы совершенно условны, если не сказать произвольны. Если же они имеют какое-нибудь реальное значение, то лишь постольку, поскольку они произведены путем какого-то общего принципа оценки, которого автору не удалось сформулировать. Далее, если глава совхозов получит результаты лишь в указанной форме, то ему с этими сводками нечего будет делать. Если все единицы построек, продовольствия, земли, инвентаря свести к одной единице, то таковую следует, наконец, назвать.

* Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. Труды Высшего семинария с.-х. экономии и политики при Петровской с.-х. Академии. Выпуск 2, М., 1921.

Неудивительно, что опыт А. В. Чаянова не имел успеха. С. Струмилин и Е. Варга, которые на страницах „Экономической жизни" подходили к проблеме учета, оба отвергли метод А. Чаянова и оба пришли к заключению, что подобно тому, как капиталистическое хозяйство имеет в рубле единицу для измерения всех ценностей, вращающихся в нем, так и социалистическое хозяйство должно обладать подобной единицей ценностного учета. С этим нельзя не согласиться: *без ценностного учета никакое рациональное хозяйствование ни при каком социально-экономическом строе невозможно.* И в полном согласии с принципами марксизма Е. Варга и С. Струмилин признали, что труд должен являться мерилом ценности. Если и в капиталистическом обществе, по Марксу, труд является, хотя и в скрытой форме, основой общественной оценки хозяйственных благ, основой их меновой ценности, то в социалистическом обществе труд должен быть сознательно положен как мерило ценности.

Посмотрим же, что может дать социалистическому хозяйству трудовой учет ценности продуктов. Вопрос этот представляет громадный теоретический интерес, ибо он стоит в теснейшей связи с теоретическим значением основных в марксизме концепций экономической действительности.

3. ПРОБЛЕМА ТРУДОВОГО УЧЕТА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Попытаемся себе представить учет трудовой стоимости продуктов. Мерилом количества труда является в нашем социалистическом обществе время. Однако и в социалистическом обществе невозможно отвлечься от такого основного свойства труда, как его производительность. Нельзя же измерять труд по количеству времени, которое рабочий провел на заводе, в мастерской или хотя бы даже за станком! Даже наше социалистическое государство, глубоко проникнутое эгалитарными настроениями, вынуждено было от этого отступить, введя премиальную оплату труда. Таким образом учетной единицей становится не просто рабочее время, например, рабочий день, а рабочий день определенной производительности, принятой в качестве нормальной. Эта производительность выразится в определенном количестве выделанных продуктов — распиленных бревен, обструганных досок, выточенных подшипников и т. д. Так как даже в отдельном предприятии, производящем определенные продукты, применяется труд различных специалистов, и каждый из них может производить различные работы, то придется, конечно, весьма условно, приравнять между собою нормальные рабочие дни для всех многоразличных форм труда.

Но в пределах каждого данного производства применяется и труд разной квалификации — низшей и высшей. Наряду с трудом, не требующим большой выучки и имеющимся у общества в изобилии, приходится пользоваться трудом, требующим долговременной выучки, а иногда даже и некоторого дарования или хотя бы естественного предрасположения. Неужели этот труд высшей квалификации, которым общество располагает в самом ограниченном количестве и которым оно не может не дорожить, мы засчитаем в расходы день за день — по такой же норме, как труд неквалифицированный?! Как бы сильны ни были наши эгалитарные тенденции в оплате труда, при учете труда мы так поступать не можем. У Маркса мы также найдем указание, что единицу времени такого труда высшей квалификации надо приравнять к единице времени труда низшей квалификации, умноженной на известный коэффициент. Но как определить эти коэффициенты? Напрасно мы стали бы искать способа определения этих коэффициентов у Маркса. Обычно для этого предлагают сравнить стоимость воспитания простого и квалифицированного рабочего. Нельзя сказать, чтобы это была легкая задача. Если же высшая квалификация обусловлена природными дарованиями хотя бы и не какого-либо исключительного свойства, то указанный метод и совсем неприменим. Очевидно, что коэффициенты наши будут весьма условны, если не произвольны.

Так как каждое производство пользуется материалами и орудиями, полученными извне, то очевидно, что ни одно производство не может быть учтено, если одновременно не будет произведен учет трудовых затрат на всем протяжении народного хозяйства, если не будет сделано приведение к единице труда всевозможной формы и квалификации. Мы видим, что тот учет трудовой стоимости, который многим представляется чем-то чрезвычайно простым и очень объективным, в действительности является очень сложным и совсем не таким объективным. Хотя он, судя по газетным сообщениям, уже сделан обязательным, мы сомневаемся, чтобы его удалось провести, настолько он темен и неясен. И невольно у нас всплывает вопрос, каким образом согласно исходному положению марксизма, формулированному на первых же страницах 1-го тома „Капитала", удается потребителям, которые ничего не знают и ничего не хотят знать об условиях производства продукта, каким образом им удается оценивать товары в соответствии с количеством затраченного на них труда, когда для нас, желающих проникнуть в самый процесс производства, это измерение количества труда вырисовывается так расплывчато, так условно? Но оставим эти сомнения. Предположим, что этот учет труда на всем громадном объеме народного хозяйства в бесчисленных его предприятиях так или иначе осуществлен. Даст ли он нам что-нибудь подобное по своему значению ценностному учету в капиталистическом хозяйстве, получающему свои директивы от свободного рынка?

Учет трудовых затрат в данном предприятии составит нечто вроде дебета капиталистического счета. Что же составит его кредит? Если мы будем следовать Марксу, то результаты производства определяются трудовой ценностью, которую имеют произведенные продукты не в условиях данного производства, а с точки зрения условий, которые,

вообще, следует признать нормальными; ценность продукта определяется общественно необходимым временем для их производства. Но спрашивается: как нам найти это общественно необходимое время производства продукта? Здесь мы от Маркса опять-таки не получим определенных указаний. Мы думаем, что здесь была бы неуместна какая-либо отвлеченная конструкция нормального производства. Нам придется признать общественно необходимой ту стоимость производства, которая является средней из стоимости производства отдельных предприятий, и из полученных таким образом вычисленных стоимостей взять среднюю арифметическую или, что еще лучше, взять среднюю стоимость в соотношении с учетом размера производства.

Если мы так попытаемся подойти к решению занимающего нас вопроса (а этот путь нам представляется наиболее согласованным с учением Маркса), то, поскольку народное хозяйство обслуживается одним предприятием, наш трудовой учет нам все-таки ничего не может дать. Он также мало плодотворен при ограниченном числе предприятий, обслуживающих народное хозяйство. Но предположим, что таких предприятий много. Что же в таком случае нам даст этот учет?

В этом случае наши предприятия разделятся на две группы. Из них одна группа покажет превышение кредита над дебетом, другая группа покажет превышение дебета над кредитом. Казалось бы, что в этом случае, при наличии большого числа предприятий, мы, наконец, получим ценные указания на то, какие именно из наших предприятий ведутся рационально и какие — нерационально.

Однако эти указания могли бы претендовать на объективное значение лишь в тех случаях, которые не часто имеют место, — в случаях, когда все предприятия построены по более или менее сходному плану, т. е. с более или схожей комбинацией труда различной формы и различной квалификации. Только в этом случае условности приведения к единице труда различной формы и различной квалификации не подрывали бы значения нашего учета. Но эти случаи и редки да и не представляются особенно поучительными. Больший интерес представляют те более многочисленные случаи, когда имеются существенные различия в организации производства того же самого продукта и когда, следовательно, *в различных предприятиях имеется своя особая комбинация труда различной формы и различной квалификации. Но именно в этих случаях условности приведения к единице труда разной формы и разной квалификации подрывают значение всего учета.* Если в одном производстве усиленно используется труд такой формы, который в обществе слабо представлен и в котором оно остро нуждается для отправления своих наиболее существенных функций, если труд этот в соответствии с господствующими в социалистическом обществе эгалитарными тенденциями будет засчитан в расходы производства по оценке, лишь немногим превышающей труд низшей квалификации, который имеется у общества в избытке, если при этом трудовая стоимость производства продуктов окажется низкой, то все же было бы весьма сомнительно, чтобы именно в этом направлении следовало в дальнейшем развивать производство. Последнее, быть может, как раз следовало развивать в направлении максимального использования форм труда, которыми общество располагает в изобилии, что бы нам учет трудовых затрат ни говорил.

Но *трудовой учет теряет какое бы то ни было значение, когда отдельные предприятия поставлены в различные естественные условия или они в различных соотношениях используют капитал.* Представим себе ряд сельскохозяйственных предприятий, которые поставляют однородные продукты на один и тот же рынок, но которые расположены на почвах различного плодородия и для которых транспортные затраты различны. Какое значение имеет для таких хозяйств сравнение трудовых затрат с точки зрения контроля правильности их организации? Да решительно никакого, ибо в данном случае не введено в расчет значение выгод естественных условий и положения по отношению к рынку.

Представим себе дальше, что какой-нибудь промышленный продукт, например, пеньковые канаты, производится, с одной стороны, на хорошо оборудованных канатных фабриках и, с другой стороны, в кустарных мастерских. Трудовой учет в нормальных условиях покажет, что фабричные канаты обходятся дешевле, чем канаты, произведенные кустарным способом. Следует ли из этого, что производство надо развивать путем расширения канатных фабрик, а не расширения кустарных мастерских? Этот вывод был бы совершенно правилен, если бы социалистическое общество обладало неограниченными возможностями в творчестве капитала. К сожалению, такими возможностями не располагает ни капиталистическое общество, ни социалистическое, хотя об этом многие готовы забыть. А из-за ограниченного количества наличного капитала конкурируют все отрасли народного хозяйства, и выгодно ли его направить именно на канатные фабрики, а не на заводы сельскохозяйственных орудий, — это еще подлежит рассмотрению. Таким образом из того обстоятельства, что фабричные канаты согласно трудовому учету обходятся дешевле кустарных, нельзя сделать вывода, что надо расширять канатные фабрики: при сильном обеднении народного хозяйства капиталом возможно и так, что канатные фабрики, использовав по возможности различные машины, надо постепенно ликвидировать, а все канаты производить в кустарных мастерских. И наше разоренное социалистическое государство именно так поступало сплошь и рядом — и поступало правильно.

Итак, *тот факт, что производство представляет собой всегда взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы, — имеет свое значение и при социалистическом строе* и игнорировать себя не позволяет. Правда, создатель научного социализма в 1-м томе „Капитала" пытался этот факт игнорировать и исходил из положения, что труд есть единственная основа меновой ценности. Но в 3-м томе „Капитала" он дал другую теорию меновой ценности, учитывающую участие в производстве двух других факторов, едва ли совместимую с теорией ценности 1-го тома. Хотя и вторую теорию с точки зрения современной политической экономии следует признать устаревшей, но все же она стоит не в столь резком противоречии с действительностью, как теория, развитая в 1-м томе „Капитала".

4. ТРУДОВАЯ СТОИМОСТЬ И РЫНОЧНАЯ ЦЕНА

Итак, *трудовой учет не мог нам дать даже сколько-нибудь ценных указаний о сравнительной выгодности наших предприятий.* Но, кроме того, мы усматриваем что он и в лучшем случае не может нам дать тех решающих указаний, без которых регулирование общественного производства вообще является неосуществимым — указаний, которые ценностный учет в капиталистическом хозяйстве дает. Капиталист в бухгалтерские книги своего конкурента заглянуть не может, они для него — коммерческая тайна. Да ему это и не необходимо, ибо он от народного хозяйства получает непосредственную директиву, может ли он при данной организации вести свое предприятие или не может. Дело в том, что расчету себестоимости продукта у него противостоит цена продукта, которая родится на рынке как-то независимо от того, что делается в мастерской. У нас же себестоимости продукта противостоит величина, которая является производной от себестоимости же продукта, но не в данном предприятии, а во всех предприятиях, обслуживающих рынок, ибо согласно учению Маркса эта средняя себестоимость и соответствует ценности продукта. Когда анализируется стихийно сложившееся явление, то при анализе его можно легко впасть в ошибку, но последнюю нетрудно вскрыть при попытке сознательно воссоздать этот процесс.

Представим себе, что наше социалистическое хозяйство унаследовало от капиталистического все его кружевные фабрики и кружевные мастерские. Представим себе, что мы имеем дело с фабрикой, которая производит кружева с затратой труда, значительно низшей общественно необходимого рабочего времени. Следует ли поддерживать и даже, может быть, расширять эту кружевную фабрику или нет? В обществе, члены которого не могут утолить голода, членам которого не во что одеться, нечем согреть своего угла, — такого вопроса ставить не приходится. В этом обществе кружева потеряли... потеряли «ценность». Должен извиниться перед читателем: развивая теорию марксистского социализма, я считал долгом пользоваться и его терминологией. Но на этот раз я применил термин «ценность» не в марксистском смысле, ибо другого слова не придумаешь.

Возьмем другой пример. Предположим, что социалистическое общество, находящееся в блокаде, унаследовало от капиталистического общества много фабрик кос. Предположим, что некоторые из них малопродуктивны, и косы в них производятся с трудовыми затратами, далеко превышающими среднюю норму. Что же, мы их закроем? И этого вопроса не приходится ставить, ибо несомненно, что при наличии таких условий мы были бы готовы воспользоваться малейшей возможностью сооружать даже и менее продуктивные фабрики кос.

Эти два примера с полной определенностью нам показывают, что существуют какие-то явления ценности, которых марксизм не знает или не желает знать; эта ценность не находится в какой-либо прямой зависимости от трудовой стоимости, она является функцией общественных потребностей. Что она может изменяться независимо от трудовой стоимости — это ясно из приведенных примеров: ничего не изменилось в хозяйстве кружевной фабрики, а кружева обесценились;

ничего не изменилось в хозяйстве фабрики кос, а ценность их поднялась. Вот этот феномен, и только этот, современная политическая экономия, стоящая на почве великих достижений Менгера, Джевонса, Вальраса, и подводит под термин ценность (Wert, value, valeur); то же, что Маркс назвал трудовой ценностью, современная политическая экономия признает одной из форм стоимости (Kosten, cost, frais de production). Оба эти понятия в современной политической экономии, в противоположность политической экономии марксизма, очень определенно разграничены — и не без пользы для науки. В основе явлений ценности лежат субъективные оценки, они суммируются и объективируются в рыночной цене, которая и выявляет напряженность социальной потребности в товаре. В процессе установления рыночной цены не только рантье (как это готов допустить Н. Бухарин) исходит из своих потребностей, но так поступает и пролетарий. И он, придя на рынок и найдя там теплое пальто и тончайшие брюссельские кружева, не будет интересоваться тем, много ли труда затрачено на шитье пальто и на плетение этих тончайших кружев. Он будет считаться только со степенью настоятельности своих потребностей; если подоспела холодная осень, то он даст надлежащую цену за пальто, а за кружева он дал бы очень мало, если бы установление цен на них зависело от него. Но на рынок заглядывает еще рантье, и он уже наверное не интересуется тем, много или мало трудятся брюссельские кружевницы; зато он хорошо знает прихоти дамы его сердца, и его толстый кошелек позволяет ему удовлетворять их, и он дает цену, которой и вознаградится в большей или меньшей степени труд брюссельских кружевниц.

Вот эти-то, выражающие напряженность спроса на товары имущественно дифференцированного капиталистического общества рыночные цены фабрикант и регистрирует при продаже своего товара и заносит в кредит счета производства. И определив свой кредит, он уже может судить, велик его дебет или нет. Так капиталистическое общество в рыночных ценах дает повелительные директивы всем организаторам производства и приказывает им регулировать сообразно этим ценам свои затраты. Вот почему под длительным давлением этих директив устанавливается известная пропорциональность между рыночными ценами и издержками производства (но не между ценами и трудовыми затратами, ибо труд — только один из факторов производства, и, следовательно, он составляет лишь один из элементов затрат), и вот почему до тех пор, пока наука не исследовала законов субъективных оценок и способов их сложения и объективирования в рыночные цены, даже весьма проницательные умы, как Давид Рикардо, а за ним и Карл Маркс, могли приходить к ошибочному выводу, что издержки производства могут определять рыночные цены.

Впрочем, и творец теории затрат Давид Рикардо не мог ее выдержать в весьма широкой области образования цен на продукты сельского хозяйства. Относительно них Рикардо вынужден был признать, что их цена соответствует не средней стоимости, а предельной стоимости производства. Предельная же затрата в сельском хозяйстве определяется напряженностью спроса. Следовательно, здесь он признал приоритет спроса в фиксации цены. Ту же теорию образования цен на сельскохозяйственные продукты признал и Карл Маркс. Современная политическая экономия признает этот последний способ определения цен продуктов, который был в теории Рикардо слишком широким исключением, чтобы не подрывать теории, — его она признает единственным.

Соотношения рыночных цен в каждый данный момент определяются только общественными потребностями. Вследствие постоянного изменения в условиях потребления полной пропорциональности между рыночными ценами и издержками производства никогда не может быть, она мыслима лишь в фингированном «стационарном государстве» с его «нормальными» ценами. На рынках нашей социалистической республики товары продаются, как и на всяком другом рынке, по ценам, строго соответствующим потребительским нуждам общества, но зато без малейшего соответствия со стоимостью их производства, ибо последнее у нас настолько дезорганизовано, что оно не может реагировать на указания рынка. Мало того, у нас на рынках реализуется множество хозяйственных благ, не имеющих никакой стоимости производства, ибо их воспроизвести невозможно, но их цены вполне рационально выводятся из данного состояния общественных потребностей.

Откуда же наше социалистическое хозяйство получит свои директивы для организации производства, каким образом его руководители измерят степень напряженности общественных потребностей? Как мы видели, наш *трудовой учет* в лучшем случае мог бы только указать сравнительную выгодность производства продуктов в том или ином предприятии, но он *совершенно бессилен дать какие-либо абсолютные указания о том, выгодно ли вообще данное предприятие или нет.* Правда, в вышеприведенном случае государство могло бы решительно заявить, что кружев ему производить не приходится. Но ведь это случай исключительный. Мы взяли государство, находящееся в исключительно тягостном положении, и выбрали предмет, удовлетворяющий исключительно изысканным потребностям. В подавляющем большинстве случаев товар имеет смысл произвести при одних затратах и не имеет смысла производить при других затратах. Где же в социалистическом хозяйстве найти мерило выгодности производства?

Вопрос этот столь же остро ставится и для внешней торговли. Что покупать на иностранном рынке: муку, фасоль, селедки или, может быть, ботинки и медикаменты? Где тот механизм, с помощью коего наш Внешторг приходит в связь с потребителями страны? Откуда он знает, что такая-то цена на товар является приемлемой, а другая цена является неприемлемой? Эти вопросы остаются без ответа.

Марксист С. Струмилин, который попытался вникнуть в проблему учета в социалистическом хозяйстве и который, в противоположность нам, настаивает на объективном значении трудового учета, все же вынужден был признать последний, в согласии с нашим мнением, совершенно недостаточным для регулирования социалистического производства*. Он считает необходимым ввести понятие полезности

* С. Струмилин. Проблема трудового учета. «Экономическая жизнь» № 237, 284.

хозяйственных благ. Трудовые затраты должны распределяться в производстве в соответствии с полезностью произведенных с их помощью благ. Мы видим таким образом, что С. Струмилин пытается воспроизвести в социалистическом обществе как раз тот механизм, который, согласно воззрениям современной политической экономии, действует в капиталистическом хозяйстве. Задача им поставлена правильно. Терминология у него при этом остается марксистской. То, что он именует ценностью, в современной политической экономии именуется стоимостью, а то, что он именует полезностью, — именуется ценностью. Но это, конечно, не существенно.

Анализируя явления полезности хозяйственных благ, С. Струмилин обнаруживает в них черту, которая довольно хорошо знакома экономической науке. Оказывается, что с увеличением каждого хозяйственного блага его полезность понижается. С. Струмилин вспоминает психофизический закон Фехнера об уменьшении интенсивности реакции с повторением раздражений. Признаться, читая соответствующие рассуждения С. Струмилина, мы были удивлены, как это почтенный экономист не вспомнит про учение предельной полезности, которое и является перенесением упомянутого закона в область экономики. Или и С. Струмилин принадлежит к тем весьма обширным кругам русской интеллигенции, которые приняли „Капитал" Маркса как святой Коран и, согласно формуле, приписываемой Омару, полагают, что если последующая политическая экономия повторяла „Капитал", то она не нужна, ежели же она утверждала то, чего нет в „Капитале", то она вредна.

Но как бы странно ни звучали рассуждения С. Струмилина, как бы впервые открывающего истины, которые в политической экономии давно открыты, он верно поставил задачу регулирования социалистического хозяйства.

В противоположность нам, он уверен в том, что регулирование хозяйства вне контакта с рынком вполне возможно. Он берется априорно вычислить полезность хозяйственных благ, пользуясь известной из теории вероятностей формулой Даниила Бернулли о моральном ожидании. Он упускает из виду, что формула Бернулли относится к деньгам, т. е. абстрактному представителю всех хозяйственных благ. Но Даниилу Бернулли не могло прийти в голову, что кто-нибудь применит его формулу для вычисления падения ценности конкретных хозяйственных благ в зависимости от их количества, например, хлеба, молока, дров, пальто и галош. Проблема изучения законов, регулирующих их потребление, поставлена недавно, и материалов по этому вопросу накоплено мало. Во всяком случае мы знаем, что у каждого хозяйственного блага проявляется своя закономерность, что имеются хозяйственные блага с эластичным спросом и с неэластичным спросом, и, следовательно, известно лишь то, что единой формулой нельзя обнять зависимости между полезностью хозяйственных благ и их количеством. А затем С. Струмилин упустил показать, как он сведет к одной единице полезность различных хозяйственных благ; здесь придется ввести коэффициенты, которые, подобно коэффициентам при сравнении квалифицированных и неквалифицированных форм труда, останется назвать известными именно потому, что они неизвестны.

Нас поэтому нисколько не удивляет, что наша государственная власть, которая только что по проекту С. Струмилина признала трудовой учет обязательным, не стала дожидаться его результатов и не воспользовалась даже формулой Бернулли для априорного вычисления полезности хозяйственных благ, а желая упорядочить государственные предприятия, предложила им ориентироваться на рынок. Правда, наш рынок организован сейчас крайне несовершенно, гораздо менее совершенно, чем при капиталистическом строе. Но все же ориентироваться на него — лучше, чем блуждать во тьме. Правда, этим наше государственное хозяйство выходит из рамок социализма, как он понимается в марксизме.

Однако, если социалистическое хозяйство не удается наладить снизу путем рациональной организации его учета, то его налаживают сверху созданием статистически обоснованного единого хозяйственного плана. Помимо руководящих центров в возможность решения этой задачи верит значительная часть нашей интеллигенции, и в связи с этим она жестоко нападает на власть, которая этой задачи до сих пор решить не сумела. Вот и А. В. Чаянов уверен, что придет время и Главки вычислят, сколько социалистическому государству нужно и пшеницы, и молока, и свинины, и сколько можно сделать затрат на производство каждого из этих продуктов, и тогда он, базируясь на этих данных, будет иметь прочную базу для организации совхозов.

Нам необходимо, таким образом, рассмотреть возможность создания единого государственного плана хозяйства и его значение для регулирования социалистического хозяйства.

5. ЕДИНЫЙ ПЛАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Единый план социалистического хозяйства есть центральная идея марксизма. Благодаря наличию такого плана социализм не только обещает унаследовать высокую технику капиталистического хозяйства, он надеется дальнейшей концентрацией производства и подбором наиболее совершенных типов предприятий поднять ее на высшую ступень и установить такую гармонию между производственной организацией и общественными потребностями, которая в капиталистическом хозяйстве недостижима. Марксизм, как мы указали, говорит об «анархии капиталистического производства», и он берется ее преодолеть.

Капиталистическое хозяйство развилось в результате стихийного процесса, оно не имеет субъекта, творящего его план. Государственная власть в капиталистических странах ведет, конечно, свою экономическую политику. Но последняя, отвлекаясь от совершенно исключительных моментов, представляет собой систему частичных мер воздействия на народное хозяйство, которые не задаются целью устранить в нем решающую роль частного интереса и частной инициативы. Постольку можно говорить об анархии капиталистического производства.

Но анархия в буквальном смысле этого слова, т. е. отсутствие власти, регулирующей определенные социальные отношения, еще не предопределяет того, что эти отношения находятся в хаотическом

состоянии. В действительности капиталистическое хозяйство имеет свои, хотя и безличные, регулирующие силы, и последние действуют и весьма отчетливо, и весьма повелительно. Капиталистическое производство регулируется рыночными ценами.

Капиталистический строй есть строй свободной конкуренции, находящий свое проявление и на рынке предметов потребления, и на рынке средств производства. В результате свободной конкуренции между собой потребителей, стремящихся к наилучшему удовлетворению своих потребностей, и в результате свободной конкуренции производителей, нуждающихся в реализации на рынке определенного количества товаров, цена на отдельные потребительские блага устанавливается на совершенно определенном уровне, уравновешивающем спрос и предложение. Эта цена соответствует предельной полезности предметов для данного общества как целого; ее высота устанавливается в зависимости от субъективных оценок и покупательных сил всех его членов.

Цены чутко реагируют на всякое изменение спроса и предложения подобно тому, как стрелка точных весов реагирует на каждое изменение нагрузки их чашек. Эти изменения могут исходить из спроса. Неожиданно подскочили ранние холода — покупатели выше оценивают свою потребность в теплой одежде; при количестве ее, заготовленном сообразно с обычными условиями, конкуренция потребителей гонит цену теплых вещей вверх. Случился неурожай в какой-либо стране, поставляющей значительную часть продуктов питания на международный рынок, — цены на них растут; а так как потребность в них удовлетворяется в первую очередь, то удовлетворение менее важных потребностей откладывается, и цены на соответствующие продукты падают. Изменения в ценах могут исходить и из сферы предложения. Мы только что указали на зависимость цен сельскохозяйственных продуктов от колебаний урожаев. Обычным капиталистическом хозяйстве является прогресс производства, позволяющий с теми же затратами производить большее количество продуктов. Последние могут быть реализованы на рынке лишь по пониженным ценам. Рыночные цены на предметы потребления определяют объем средств, которые могут быть привлечены для производства каждого из них.

Рядом с рынком предметов потребления существует рынок средств производства, на котором конкурируют предприниматели. При совершенной конкуренции цена на каждое из средств производства устанавливается в соответствии с предельной производительностью, т. е. в соответствии с тем, насколько повышает его включение в данную производственную организацию продуктивность производства.

Таким образом устанавливается известное подвижное равновесие между потребительскими запросами и производственной организацией общества. Оно устанавливается то на тех, то на других ценах, то на тех, то на других размерах производства. Точка равновесия постоянно передвигается в зависимости от толчков, получаемых то из сферы спроса, то из сферы предложения-производства. Процесс образования цен протекает стихийно, люди, участвующие в их образовании, не исходят ни из какой теории и редко пользуются какой-либо статистикой. Ни в том, ни в другом предприниматели не чувствуют особой нужды для решения своих текущих практических задач.

И в общем должно признать, что этот механизм действует весьма совершенно. Несмотря на отсутствие субъекта народного хозяйства и плана его, потребности капиталистического общества удовлетворяются с величайшей регулярностью; мало того, рынок спешит удовлетворить даже самым изысканным потребностям, самым капризным пожеланиям потребителей.

Тем не менее стихийный процесс приспособления производства к потреблению в капиталистическом обществе имеет свои дефекты, выражающиеся в возникновении время от времени перепроизводства товаров, — в невозможности реализовать на рынке товары по цене, покрывающей расходы производства. При общей тесной взаимной зависимости всех элементов народного хозяйства в странах развитого промышленного капитализма через кредитную организацию кризисы, возникающие в какой-либо важной отрасли, чаще всего в производствах, изготовляющих основной капитал, в так называемой «тяжелой индустрии», имеют тенденцию превращаться в общие промышленные кризисы; эти кризисы переносятся из страны в страну и получают мировой характер. Они разоряют капиталистов и вызывают среди рабочего класса бедствия массовой безработицы.

Маркс основную причину кризисов усматривал в неправильном распределении — в том, что положение трудящихся ухудшается и благодаря этому устанавливается несоответствие между быстро растущими производительными силами общества и понижающейся покупательной силой народных масс. В связи с этим Маркс ожидал, что с поступательным развитием капитализма кризисы будут все время обостряться, пока эта «анархия капиталистического хозяйства» не приведет его к окончательному крушению.

Действительность не оправдала грозного прогноза Маркса. Кризисы не препятствуют капиталистическому производству по их миновании периодически вступать в полосы расцвета, во время коих производство подымается на высшую ступень против той, которой оно достигло накануне кризиса. А затем как раз в стране передового капитализма, в Англии, кризисы имеют тенденцию смягчаться — периоды промышленного подъема имеют тенденцию без катаклизмов переходить в периоды промышленной депрессии. Промышленный капитализм на высших стадиях развивается в пульсирующем темпе. Переживаемых послевоенных кризисов мы здесь, конечно, не имеем в виду. Явление промышленных кризисов, видимо, и привело Карла Маркса к решительному отрицанию рынка как регулятора производства.

Система регулирования производства, предлагаемая научным социализмом, не имеет ничего общего с системой, действующей в пределах капиталистического хозяйства. Единый план социалистического хозяйства не представляет собою суммы планов отдельных предприятий, как последние разрабатываются в пределах капиталистического хозяйства, — он строится на принципиально отличных основаниях. В социалистическом обществе нет рынка. Все распределительные функции централизованы в специальных органах, действующих согласно Госплану. Все предприятия социалистического государства работают для «общего котла» и снабжаются из «общего котла».

Продукты, в особенности поскольку речь идет о средствах производства, передвигаются в социалистическом государстве вне порядка купли-продажи — без эквивалентов. Недаром русские исследователи социалистического хозяйства, Н. Бухарин, А. В. Чаянов, Ю. Ларин, находят в нем черты натурального хозяйства. И действительно, это уподобление следует считать правильным. Мы уподобили бы социалистическое хозяйство натуральному крестьянскому хозяйству. И в последнем имеются различные угодия, на пашне производятся различные посевы, имеются разнообразные отрасли животноводства, и все эти части хозяйства находятся между собой в самом тесном взаимодействии. Продукты сенокосов, пастбищ и полей поступают скоту; работа лошадей, навоз используются на полях, огородах и сенокосах; и все эти передачи ценностей из одной отрасли хозяйства в другую совершаются без актов купли-продажи. В крестьянском хозяистве нет также резкой грани, отделяющей производство от домашнего хозяйства, от потребления, что характерно и для социалистического общества.

Это сравнение, на котором наши исследователи социализма как будто успокаиваются, решало бы проблему регулирования социалистического хозяйства, если бы... если бы только обе хозяйственные организации были схожи по своим размерам. Крестьянское хозяйство можно охватить здравым крестьянским умом. Но можно ли путем соответственной интуиции охватить социалистическое хозяйство не только великой России, но и какого-нибудь маленького государства?! Именно в таких случаях количественные различия переходят в качественные.

Центральный орган социалистического хозяйства, скажем, ВСНХ, чтобы привести производство в соответствие с общественными потребностями, не имея перед собой чуткого барометра рыночных цен, очевидно, вынужден будет собрать какие-то данные, чтобы на их основании определить характер и количество предметов, нужных для удовлетворения общественных потребностей; затем ему придется учесть наличные средства, среди которых наибольшее значение имеет такой своеобразный и изменчивый элемент, как рабочие силы населения. После этого ВСНХ должен будет распределять наличные средства производства между основными отраслями народного хозяйства и через Главки — между отдельными предприятиями, предполагая, что самое комбинирование средств производства в предприятиях будет производиться местными органами.

У нас вошла в обиход фраза: «Социализм есть учет». И действительно, не располагая механизмом рыночных цен, социалистическое государство должно обладать громадным и необыкновенно совершенным статистическим аппаратом, охватывающим все стороны общественной жизни, — аппаратом очень гибким и действующим непрерывно, чтобы улавливать все изменения, происходящие в этой жизни. Конечно, таким громоздким и дорогим статистическим аппаратом не обладают и самые культурные государства Запада, и, конечно, таким аппаратом не обладает и Россия. Но не будем останавливаться на этих технических трудностях и обратимся к принципиальной стороне рассматриваемого вопроса.

Априорно определить потребности общества в хозяйственных благах? Мы думаем, что у Карла Маркса эта идея возникла под впечатлением безотрадной картины положения английского рабочего класса в первой половине истекшего века, которая нарисована в знаменитой книге его друга Энгельса. Если капиталистическое хозяйство может дать рабочим только минимум средств существования, да и этот минимум благодаря периодически наступающей безработице не обеспечен, то рабочий класс сильно выиграет даже и в том случае, если социализм твердо обеспечит ему хотя бы только этот минимум.

Более полустолетия прошло с той поры, когда Фердинанд Лассаль говорил столь драматически о «железном» законе заработной платы. По целому ряду причин, среди которых сыграла роль и собственная активность рабочего класса, закон заработной платы оказался скованным из какого-то гораздо более мягкого вещества, чем железо. Трудящиеся в Западной Европе, не говоря уже про Новый Свет, давно отвыкли от того, чтобы удовлетворяться тем минимумом хозяйственных благ, который безусловно необходим для удовлетворения их элементарных потребностей. Их потребности... их не измерить, как вообще невозможно измерить потребностей культурных людей. Границы им, конечно, положены, но не изнутри, а объективным фактом ограниченности покупательных средств трудящихся.

Поэтому, поскольку социализм задается целью не понизить, а повысить standard of life трудящихся, его задача совсем не сводится к тому, чтобы определить минимум хозяйственных благ, необходимых трудящимся. Надо создать громадную скалу хозяйственных благ, в которой они распределены в соответствии с тем, как потребители эти блага оценивают. Одни и те же блага будут фигурировать на различных ступенях этой скалы, ибо в известных количествах они безусловно необходимы, а в дополнительных количествах их значение понижается. Английский квалифицированный рабочий, член тред-юниона, привык есть бифштекс и запивать его кружкой эля, он привык жить за городом в небольшом коттедже, сообщаясь с городом по подземной железной дороге (тюб' у), он в воскресенье выходит на улицу в черном сюртуке и шелковом цилиндре. Вероятно, что уже и в Англии рабочий, подобно его американскому собрату, теперь привыкает пользоваться «фордом». Конечно, докеры и другие чернорабочие вынуждены жить гораздо скромнее, но ведь социализм создается не для того, чтобы понизить уровень жизни рабочего класса.

Сам рабочий, конечно, знает сравнительное значение для него различных хозяйственных благ. Вероятно, от бифштекса он ни в коем случае не откажется, ни от первой кружки эля в день; вместо третьей и четвертой кружки эля он, пожалуй, предпочтет иметь третью комнату в коттедже, если он семейный; дальнейшему расширению коттеджа он предпочтет черный сюртук, праздничное платье для жены и т. д. Каждый рабочий имеет свои вкусы — культурные люди не из одного теста сделаны. И все они дают соответствующие директивы капиталистическому рынку, где бесконечно разнообразные запросы суммируются без всякой статистики.

Но как мы, служащие социалистического ВСНХ, разрешим априорно эти вопросы, какие мы имеем для этого объективные данные,

коль скоро нет рынка, на котором степень напряженности соответствующих потребностей могла бы получить выражение со стороны самих потребителей. Но и априорное вычисление хозяйственных благ, необходимых для удовлетворения самых минимальных потребностей, при отсутствии рынка не представляет из себя такой легкой задачи, как многие это себе представляют.

Начнем с пищи. Пусть статистика даст нам достаточно свежие и точные данные о численности населения, о его половом и возрастном составе, о характере его занятий. Далее физиология даст нам указания о количестве пищевых калорий, необходимых людям разного пола и возраста при различной напряженности труда. Наука указывает нам, какой в пище должен быть минимум белка; остальные калории могут быть покрыты углеводами и жирами. Зная теперь состав пищевых веществ, мы можем, следовательно, составить рацион, в котором имелось бы достаточное количество калорий, в том числе и в форме белков. Необходимо все же заметить, что все эти подсчеты весьма приблизительны, ибо количество калорий, необходимых взрослому рабочему, колеблется в очень широком масштабе в зависимости от напряженности работы, в пределах от 2,5 до 8 тыс. в день; пищевые средства имеют весьма непостоянный состав, а анализировать каждую порцию их не представляется возможности. Но главная трудность не в этом.

В 90-х годах прошлого столетия основатель современной энергетической теории питания германский физиолог Рубнер выставил такое положение: если доставлять животному с пищей минимальное количество энергии, необходимое для поддержания его функций, то организм в некоторой степени относится безразлично к тому, доставляется ли эта энергия в той или другой форме. Четверть столетия прошло с той поры. Энергетическая теория питания сохраняет, конечно, свое значение, но в нее внесено множество дополнений. Организму, как это давно известно, необходим известный минимум белков, но оказывается, что белки белкам рознь, — есть белки полноценные и есть белки неполноценные, но и без первых обойтись нельзя. В пище обязательно должны заключаться и лецитины, и нуклеины, и малоисследованные витамины. Далее оказалось, что и жиры жирам рознь. Поэтому и при достаточном количестве пищевых калорий и даже при достаточном количестве белков можно все-таки довести население до массовых заболеваний цингой.

Нам, может быть, возразят, что если ВСНХ во всеоружии науки не может подобрать соответствующего рациона и не может дать надлежащих директив производству, то как же сумеет сделать это обыватель? Но последнему никакая наука не нужна, он чувствует состояние своего желудка и своего организма и, следуя своему инстинкту, говорит, что ему что-то очень хочется мяса, или яиц, или творога, или морковки. А инстинкт его не обманывает. И при наличии рынка эти запросы на нем суммируются, и получаются надлежащие директивы производству гораздо более правильные, чем может дать физиология со статистикой вкупе.

Но задача определения потребности в пищевых продуктах не самая трудная. Кто возьмется вычислить, сколько нужно населению Петрограда дров для избавления его от страданий, от холода? Если мы воспользуемся старыми нормами, то они явно неприменимы теперь,

когда приходится согревать отдельные квартиры и даже отдельные комнаты в опустевших домах или в домах, которые по всей своей конструкции приспособлены к центральному отоплению. Новых же норм нет. Да и как социалистическое общество может выверить свои априорные нормы, когда нет механизма, выражающего напряженность потребности обывателей в дровах?

С определением норм для одежды обстоит еще хуже, ибо, сколько бы мы ни настаивали ввиду тяжелого положения республики на том, что граждане вправе от нее требовать удовлетворения лишь своих минимальных потребностей, в этой области невозможно отделить необходимых потребностей от условных, конвенциональных. Пусть уж мы, мужчины, помирились бы на самой элементарной одинаковой одежде, но могучий инстинкт не позволит женщинам помириться с таким положением. В условиях свободного менового хозяйства женщина урежет себя в пище, чтобы придать известный эстетический оттенок своей одежде. Вправе ли наша республика даже в том тяжелом положении, в каком она сейчас находится, подавить этот инстинкт? Мы думаем, что нет. Но производством какого количества необходимых предметов республика должна пожертвовать для удовлетворения минимальных потребностей женщин в украшениях: в лентах, в кружевах, в перьях?!

Нам скажут: разве государство в капиталистическом строе не берется по определенным нормам удовлетворять потребностям известных групп населения и разве оно с этой задачей не справляется вполне удовлетворительно? Перед нами самый разительный пример — содержание громадных армий. Но в данном случае задача до чрезвычайности упрощена. Мы имеем здесь комплекс людей одинакового пола и возраста, исполняющих однородную работу и размещаемых вместе. Вся эта масса обозрима, с ней поддерживается тесный контакт, и последствия того или другого способа ее содержания — на виду. И, в конце концов, даже прекрасно содержимый солдат считает себя несчастным, если он не имеет денег. Это значит, что он исключен из менового общества, это значит, что он лишен минимальной свободы в удовлетворении своих потребностей.

В момент, когда коммунизм находился у нас в апогее своего развития, у нашей государственной власти мелькала мысль, что в столь же однородные условия могут быть поставлены ее граждане. Отсюда опыты создания домов для рабочих, практика механических вселений и уплотнений, коммунальные столовые. Однако проделанные опыты были мало удачны. Этой программы провести до конца не удалось, ибо ее предпосылкой должна была быть отмена моногамного брака, чего последовательно и требовала гр. Коллонтай, но на это наша власть не пошла. Но если бы даже наша власть в этих экспериментах дошла до логического конца, она в лучшем случае создала бы счастье... «сытой казармы».

Итак, *даже во всеоружии теоретической науки и громадного статистического аппарата социалистическое государство не в силах измерить, не в силах взвесить потребностей своих граждан, а в связи с этим оно не может дать надлежащих директив производству*. Но все же не в этом заключается самая слабая сторона социалистического

хозяйства — *она заключается в его стремлении централизировать в руках своей бюрократии все распределительные функции.*

В условиях свободного менового хозяйства каждое предприятие непрерывно отстаивает себя в борьбе за существование. Ему постоянно нужны новые материалы, ему надо обновлять свой основной капитал, его рабочие должны есть каждый день, и используемый в нем капитал должен отбрасывать прибыль. Средства для этого оно добывает себе само от народного хозяйства, вынося свои продукты на рынок. Если эти продукты имеют ценность в народном хозяйстве, если производительность предприятия высока, то рынок даст предпринимателю достаточно средств в форме всеобщего эквивалента. На вырученные деньги он сам приобретет материалы, обновит машины, оплатит рабочих и служащих; а их остаток составит его прибыль, и при достаточных размерах он часть ее может употребить на расширение производства. Если его предприятие доказало свою жизнеспособность, народное хозяйство открывает предпринимателю кредит, позволяющий ему расширить производство за пределы того, что ему позволил бы его собственный капитал. Наоборот, если производительность предприятия низка, средств, вырученных на рынке от реализации продуктов его, будет недостаточно для продолжения производства; это для него memento mori, — народное хозяйство не позволяет растрачивать несовершенной производственной организации своих средств. Словом, развитие каждого капиталистического предприятия стоит в точном соответствии с его производительностью.

В социалистическом хозяйстве мы имеем принципиально отличное положение: между производительностью предприятия и его питанием прямой связи здесь нет. Мы имеем здесь два акта: первый — продукт предприятия поступает в «общий котел», второй — из «общего котла» предприятие получает необходимые ему средства для дальнейшего производства. Круговорот хозяйственных благ не совершается в социалистическом обществе на основании совершенно регулярных закономерных актов купли-продажи, независимых от взглядов отдельных участвующих в них лиц, а определяемых рыночными конъюнктурами. В головах некоторых служащих ВСНХ акт поступления продуктов в «общий котел» и акт поступления оттуда средств производства для продолжения предприятия могут быть приведены в связь. Но связь эта весьма неопределенная.

Если бы даже социалистическое государство и предложило служащим ВСНХ руководиться соответствием этих двух актов, то они не в состоянии его констатировать по указанной уже причине — за отсутствием в социалистическом хозяйстве ценностного учета. Данный совхоз представил в общий котел столько-то ведер молока, столько-то пудов мяса, столько-то пудов зерна. Сколько же он за это вправе получить пудов улучшенных семян, минеральных удобрений, концентрированных кормов, голов улучшенного скота, прозодежды, топлива и т. п.? Попытка решить эту задачу, сделанная нашим авторитетным специалистом в области экономики сельского хозяйства А. В. Чаяновым, несостоятельна, ибо, как мы показали, в пределах безрыночного хозяйства эта задача неразрешима.

Итак, если бы даже служащие ВСНХ стояли твердо на принципе, что питание предприятия должно соответствовать его производительности, если бы даже они имели возможность взять на себя гигантский труд изучения каждого из бесчисленных предприятий, с которыми они имеют дело, то в конце концов мы не могли бы им дать объективного критерия для оценки этих предприятий. Все будет зависеть и не может не зависеть от их усмотрения. А вместе с тем большой простор открывается для различных политических влияний на экономическую жизнь, которые в социалистическом государстве, где политическая власть окончательно слита с экономической, должны и без того проявляться сильнее, чем в каком бы то ни было другом обществе. Поэтому даже в социалистическом государстве, находящемся в очень трудном экономическом положении, остатки средств могут растрачиваться на такие предприятия, которые совсем не являются целесообразными, а вызываются иными соображениями власти.

А между тем и положительная оценка ВСНХ того или другого экономически здорового предприятия далеко не обеспечивает его нормального развития. Заведывание распределением отдельных продуктов и средств производства в порядке разделения труда необходимо поручить отдельным учреждением — Главкам. Перед каждым из них конкурирует целый ряд предприятий, и все они конкурируют бумагами и словами, которые ведь дешево стоят в противоположность тому, что происходит в капиталистическом хозяйстве, где конкурируют деньгами. Все средства производства комплементарны, только вкупе они делают продолжение производства возможным, и надо, чтобы во всех Главках по данному предприятию состоялись одинаковые заключения и с соответственным численным их выражением. Задача эта бесконечно более сложна, чем она была в капиталистическом хозяйстве, где в худшем случае приходилось делать ту или иную надбавку при приобретении того или другого средства производства. Неудивительно поэтому, что стройное функционирование предприятия в социалистическом государстве есть не правило, а исключение. У семи нянек дитя без глазу... Единогласно признано, что Грозненский нефтяной район функционирует лучше других, и наличие такого убеждения не помешало району остаться без продовольствия. Кто сомневается в том, что астраханские рыбные промыслы в России — важнейшие? Тем не менее они остались без сетей, а миллионы пудов рыбы пропали, так как нижегородским кустарям, искони изготовляющим сети, не был предоставлен материал для их плетения. Скажут, что это неналаженность. Но может ли что-нибудь подобное случиться в совершенно неналаженном, анархическом капиталистическом обществе? Конечно, нет. Имея такой драгоценный продукт, как нефть, предприниматель, конечно, всегда найдет хлеб для тех, кто ее добывает. Точно также скупщик сетей всегда найдет для своих кустарей материал; в худшем случае он заплатит лишний золотой рубль за пуд пеньки, который астраханский промышленник ему, конечно, возместит.

Разница эта обусловлена, конечно, не тем, что в капиталистическом обществе хозяйством руководят более интеллигентные и более добросовестные люди, чем служащие ВСНХ, а тем, что формы экономической организации здесь принципиально различные. Оказывается, что *у социалистического хозяйства* в действительности *нет никакого механизма для координирования каждого отдельного производства народным хозяйством.*

Отсюда и получилось то обстоятельство, что только те предприятия сохранили в РСФСР свою жизнеспособность, которые, несмотря на громы и молнии Главков и Центров, а они были далеко не картонные, не утрачивали своих связей с вольным рынком и заботились о самоснабжении, не полагаясь на милость Главков и Центров. Мало того, в конце концов эти предприятия, не питавшиеся государством из «общего котла», давали и государству больше, чем состоящие у него на полном содержании.

Нам могут сказать: а разве в самом капитализме не замечается тенденция к централизации? Ведь социализм в сущности делает дальнейшие шаги в том же направлении, в каком развивался капитализм? Действительно, Standard Oil Company распоряжается всей североамериканской нефтяной промышленностью, а стальной трест всей металлургией. Недаром в подражание американцам слово «трест» стало теперь излюбленным в нашей социалистической практике. Однако между капиталистическим трестом и социалистическим остается принципиальное различие в организации. Капиталистический трест все-таки ориентируется на рынок, социалистический же его отрицает. Капиталистический трест реализует свой товар на рынке и в порядке свободной конкуренции с другими предприятиями привлекает рабочих, закупает двигатели, орудия, металлы и т. п. Он отличается от других капиталистических предприятий лишь иным способом формирования цен на свои продукты. Но и эти цены не определяются односторонне, по произволению треста. За всяким повышением цены продукта следует сокращение спроса и, следовательно, повышение расходов, падающих на единицу продукта. Поэтому образование треста не предрешает еще фиксации цен на высоком уровне. При более дальновидной политике тресты часто понижают цены ниже нормы, наиболее выгодной для них в данный момент, чтобы приучить более широкие слои населения к пользованию данным продуктом, чтобы предупредить распространение конкурирующего продукта. Итак, тресты не только по своим целям, но и по своей экономической организации имеют мало общего с социализмом...

Мы могли бы на этом месте закончить наше исследование. Совершенно очевидно, что экономическая система, которая не располагает механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, несостоятельна. Стремясь преодолеть «анархию капиталистического производства», социализм может повергнуть народное хозяйство в «суперанархию», по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии. Но мы могли бы на этом остановиться лишь в том случае, если бы марксизм представлял из себя научную теорию и больше ничего. В действительности же марксизм в качестве экономической программы стал преобладающим лозунгом величайшего общественного движения современности... Это обязывает нас рассмотреть марксизм и с других существенных точек зрения.

6. ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛИЗМ

Прочтя настоящее заглавие, каждый социалист скажет, что проблема распределения имеет интерес только в обществе, в котором владеющие классы под видом ренты и прибыли присваивают себе продукт чужого труда, но такой проблемы нет и не может быть в пределах социалистического общества, ибо рабочий получает в нем полный продукт своего труда.

Однако действительно ли социалистическое общество может выплачивать рабочему полноценный продукт производства без всяких отчислений в счет используемых им в процессе труда природных сил, поскольку они даны в ограниченном количестве, и капитала? Не приведет ли такой порядок к нелепостям и даже... к несправедливостям? Исследуем.

Социалистическое общество посылает две группы рабочих на два рудника. Обе они трудятся одинаково усердно и наламывают одинаковое количество руды. Но из одной руды добывают железо, а из другой платину. И в социалистическом обществе платину будут ценить выше, чем железо. Будет ли социалистическое общество платить каждой группе в соответствии с произведенными ею ценностями?

Возьмем другой случай. Социалистическое общество предоставляет двум равночисленным группам сельскохозяйственных рабочих два участка. Они проработали год с одинаковым усердием и искусством, а в результате вследствие разнокачественности участков на одном из них получилось в 1,5 раза больше продуктов, чем на другом. И в социалистическом обществе 1,5 пуда зерна ценятся выше, чем 1 пуд. Будет ли социалистическое общество платить обеим группам рабочих в соответствии с произведенными ими ценностями?

Нам возразят, что платиновый рудник следует использовать интенсивнее, чем железный, и плодородный участок — интенсивнее, чем мало плодородный, и тогда предельной затрате труда будет соответствовать продукт одинаковой ценности. Но ведь это не меняет элементарного факта, что группа рабочих на платиновым руднике в целом вырабатывает больше ценностей, чем группа рабочих на железном руднике, и что группа рабочих на плодородном участке в целом вырабатывает больше ценностей, чем на мало плодородном. В связи с этим в пределах капиталистического общества при одинаковой оплате труда и капитала на платиновом руднике осаждается большая рента, чем на железном, а на плодородном участке большая, чем на малоплодородном.

Вернемся теперь к уже использованному для другой цели примеру производства канатов на фабрике и в кустарных мастерских. На фабрике группа рабочих произведет больше канатов и, может быть, лучшего качества, чем такая же группа рабочих, трудящихся столь же усердно и искусно в кустарных мастерских. И в социалистическом обществе канаты ценятся пропорционально их количеству и в соответствии с их качеством. Будет ли в данном случае социалистическое общество платить обеим группам рабочих в соответствии с ценностью продукта производства?

Ответы на поставленные вопросы не возбуждают сомнений. Очень последовательные социалисты могут, пожалуй, отмахнуться от поставленных нами вопросов заявлением, что они вообще не считают нужным ставить вознаграждение рабочего в зависимость от результатов того производства, в котором он работает. Однако последовательное проведение этого принципа невозможно. И русский коммунизм первоначально сильно тяготел к принципу «работать по способностям и получать по потребностям». Но наша власть скоро признала губительное влияние этого принципа на интенсивность труда и вынуждена была перейти к системе премиальной оплаты труда, а затем и к системе коллективного снабжения, имеющей целью привести оплату труда в еще более строгое соответствие с его результатами. Но если социалистическое общество, подобно капиталистическому, вынуждено дифференцировать вознаграждение трудящихся, то очевидно, что оно будет это делать в соответствии с продуктивностью труда лишь постольку, поскольку последняя определяется его интенсивностью и проявленным искусством, а не поскольку на нее влияют природная обстановка и большее или меньшее обилие оплодотворяющего труд капитала. Но тогда и в пределах социалистического общества в продукте производства приходится различать долю, которая должна быть вменена (нельзя не согласится с П. Б. Струве, что соответствующий термин австрийской школы, «zurechnen», чрезвычайно удачен) труду, и доли, которые должны быть вменены природной обстановке и капиталу. В капиталистическом обществе последние две доли именуются рентой и прибылью; если эти два термина неприятно звучат для социалистического уха, то можно было бы придумать какие-нибудь новые термины, но ведь существо дела от этого не изменилось бы. Нам приходится вспомнить тот вывод, к которому мы уже пришли при изучении проблемы трудового учета: «тот факт, что производство представляет собою всегда взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы, — имеет свое значение и при социалистическом строе и не позволяет себя игнорировать». Итак, *прибыль и рента являются не историческими, а логическими категориями хозяйства.*

Мы чувствуем, что в этом пункте наши экономические воззрения коренным образом разошлись с воззрениями не только коммунистов и социалистов, но всей мыслящей русской интеллигенции, которая вся воспитана на традициях научного социализма. Ведь и покойный Туган-Барановский, который первый на столбцах марксистского органа „Современный мир" позволил себе развить теорию предельной полезности, в этом отношении остался верен научному социализму — прибыль и ренту он признал историческими категориями капиталистического хозяйства. Ввиду этого мы опасаемся, что наши читатели нелегко помирятся с нашими выводами и будут чутко прислушиваться к возражениям против них. Это обязывает нас войти в их рассмотрение. Попытаемся проследить возможные зигзаги экономической мысли, направленные к тому, чтобы порвать цепь наших умозаключений.

Для защиты концепции научного социализма, вероятно, выдвинуто будет такое его толкование. Маркс, будто бы, совсем не утверждал того, что ценность данного продукта определяется трудом именно тех рабочих, которые участвовали в его создании. Маркс утверждал только, что все ценности, произведенные в определенный промежуток времени в народном хозяйстве, должны рассматриваться как продукт труда рабочего класса в целом. В связи с этим и каждого рабочего следует считать производящим при нормальном усердии и умении известную среднюю ценность, независимую от природной обстановки и от степени оплодотворения труда капиталом. Мы могли бы из 1-го тома „Капитала", в котором товары всегда фигурируют как «кристаллизованный труд», привести достаточно цитат в пользу более реалистического истолкования экономической теории Маркса, и мои оппоненты, наверно, сумели бы из 3-го тома „Капитала" привести достаточно цитат в пользу своего более абстрактного истолкования теории Маркса. Нам представляется, что, хотя экономические концепции 1-го тома теперь устарели, но они отличаются большой отчетливостью, последовательностью и потому имели большое значение для развития науки. Наоборот, концепции 3-го тома „Капитала" и менее ясны, и более расплывчаты, а потому имеют меньшую научную ценность. Они являются выражением того, что под конец жизни Маркс поколебался в своей реалистической концепции 1-го тома, пытался ее смягчить, но не был уже в состоянии коренным образом переработать своих воззрений, а потому, надо полагать, не мог закончить разработки своего труда. Но, впрочем, я не начетчик в Марксе и готов положиться на своих оппонентов, что абстрактная концепция более соответствует общему духу марксизма. Однако это нисколько еще не колеблет наших выводов.

Рабочие двух социалистических республик трудятся с одинаковым усердием и умением, но труд в одной республике мало оплодотворен капиталом, а в другой им обильно оплодотворен. Результаты труда, конечно, различны. Чему должна быть вменена разница в продуктивности труда?

Рабочие двух социалистических республик трудятся одинаково усердно и умело, и труд их одинаково оплодотворен капиталом. Но одна республика располагает только залежами посредственного бурого угля, бедными металлом железными рудами, малоплодородными супесчаными почвами и совсем не располагает хорошими естественными гаванями; а другая республика располагает прекрасными антрацитами, богатыми металлом железными рудами, плодородными суглинистыми почвами и прекрасными естественными гаванями. Результаты труда будут в обеих республиках, конечно, различны. Чему должна быть вменена разница в продуктивности народных хозяйств обеих республик?

Наши теоретические конструкции могут воплотиться в жизни в очень конкретных фактах, и мы можем быть поставлены перед задачами весьма актуального порядка.

Представим себе, что всемирное торжество социализма совершилось. Но и после этого, конечно, останутся народы бедные капиталом и богатые капиталом. Представим себе, что разоренный русский рабочий обратится к английскому с просьбой дать ему паровозы, машины, орудия, удобрения с обещанием через 25 лет вернуть весь этот капитал или соответствующий эквивалент. Процент на капитал есть результат эксплуатации. И, может быть, русские рабочие, горячие

марксисты, убедят не любящих теорий англичан, что пролетариям брать проценты, да еще с пролетариев, — нехорошо. Однако такая победа русской точки зрения могла бы иметь для русского рабочего класса весьма печальные последствия. Мы опасаемся, что тогда английские рабочие скажут своим русским товарищам: «Конечно, капитал вам нужнее, чем нам. Но и мы лишним капиталом не располагаем. Вот американские товарищи имеют каждый по автомобилю, а у нас автомобильные фабрики не оборудованы. Мы начали расселяться в городах-садах, и это дело еще очень далеко до своего завершения, и приходится жить в старых мрачных городах, напоминающих горькие времена капитализма. Неужели нам отложить на целое поколение удовлетворение этих наших нужд? Ведь не забудьте, товарищи, что это ведь капиталы не буржуазии, а наши пот и кровь». Мы предоставляем марксистам найти возражения против этих слов английского рабочего народа, ибо мы ничего возразить против них не умеем. Очевидно, что после всемирной социальной революции будет одно из двух: или международная циркуляция капитала прекратится — к громадному ущербу не только для производительных сил человечества, но и для успеха его культуры, — или в международных отношениях категорию процента на капитал пришлось бы признать правомерной, что бы о ней ни говорил Маркс.

Теперь мы можем себе представить и другую картину. Будет день — и английский рабочий народ обратится к русскому с такими словами: «Вот у вас, товарищи, есть сибирские леса. Использовать их как следует вы не можете — у вас нет ни капиталов, ни квалифицированных рабочих, ни организаторов. Разрешите нам эти леса использовать!» И с большим правом, чем в предшествующем случае русские рабочие, англичане могли бы прибавить и даже не ссылаясь на слова великого учителя: «Не вы, русские товарищи, эти леса растили, сами выросли, и, пожалуй, не пристало вам требовать вознаграждение за их использование». Но вероятнее всего, что практичным англичанам, еще не изжившим глубоко в них вкоренившихся традиций капиталистического строя, такие мысли в голову не придут, и они попросту предложат своим русским товарищам определенное рентное вознаграждение за использование лесов, от которого последние, по всей вероятности,.. не откажутся.

Итак, тот метод исследования, на который мы вступили ввиду возможных возражений наших оппонентов, оказался особенно плодотворным, ибо он дает возможность отвлечься от классовых отношений, которые своим влиянием на нашу эмоциональную сторону обычно затемняют вопрос. Логический характер ренты и прибыли, как категорий всякой хозяйственной деятельности, в интернациональных отношениях выступает с особой отчетливостью.

Если бы мои предполагаемые оппоненты из лагеря научных социалистов не нашли достаточных доводов против выдвинутых нами здесь положений, то применительно к прибыли они наверняка сказали бы, что если она есть логическая категория хозяйства, то в конце концов она должна быть отчислена труду, ибо ведь капитал есть продукт труда. Однако мы не можем согласиться и с этим утверждением научного социализма.

Отвлечемся опять от затемняющих вопрос социальных отношений. Две социалистические республики — в одинаковых природных условиях, с одинаковыми запасами капитала, с одинаково усердным и умелым рабочим классом. Между ними только одно отличие. Рабочий класс одной республики сохранил в качестве наследия от капиталистического строя столь распространенное в последнем качество — предусмотрительность. Благодаря этому оказывается, что в каждый новый год он вступает, не только сохранив старый капитал, но и приумножив его. Рабочий класс другой республики, наоборот, страдает некоторой непредусмотрительностью. В связи с этим к концу года его капитал оказывается не только не приумноженным, но даже сократившимся. Если так будет продолжаться несколько лет, то рабочий класс первой республики будет богатеть: он будет и лучше удовлетворять своим потребностям, и ему все легче будет приумножать свой капитал. Наоборот, рабочий класс другой республики, трудясь столь же усердно и умело, будет беднеть; и даже если нужда его обучит благоразумию, то вследствие низкой производительности обедневшего капиталом народного хозяйства поправить его состояние будет очень трудно. Конечно, богатая, но мирная социалистическая республика не придет с дредноутами, цеппелинами и дальнобойными пушками, чтобы империалистически подчинить свою бедную соседку, как это нередко случалось при капиталистическом строе. Надо полагать, что, насытив капиталом свое собственное хозяйство, она его избытки предложит за известный процент своей обнищавшей соседке и... пущенным на проценты капиталом она выручит из беды дружественный народ, впавший в бедность по собственному легкомыслию.

Приведенный пример, который мы намеренно поставили так, чтобы отвлечься от социальных отношений, нам с отчетливостью показывает, что хотя труд, конечно, является необходимым фактором всякого производства, а следовательно и производства капитала, все же *само по себе производство, а следовательно и труд, капитала не творит*. Для создания и даже сохранения капитала необходимо еще что-то... может быть воздержание? Но термин этот остроумно высмеян Лассалем с помощью толпы капиталистических аскетов с Ротшильдом во главе, которые своим «воздержанием» творят главные массы капитала. Для тех, кто накопляет капитал из скромного дохода, этот акт действительно требует воздержания, но чем доход обширнее, тем термин этот становится менее подходящим, ибо в этих случаях для накопления капитала требуется только благоразумие, расчетливость. Английские экономисты пустили в обращение более объективный термин — «ожидание» (waiting). Но дело не в термине. Нам важно было показать, что капитал есть особая категория хозяйственной жизни, происхождение коей не сводится просто к труду — к производству.

Очевидно, что в своем протесте против индивидуального присвоения ренты и прибыли научные социалисты зашли слишком далеко, отрицая ренту и прибыль как логические категории хозяйства, а вместе с тем отрицая особое от труда и производства происхождение капитала. Между тем, никакая рациональная организация хозяйства невозможна без распределения производственных ценностей на три категории: заработную плату, прибыль и ренту.

Мы сделали длинный теоретический экскурс. Но мы вернулись из него с ценными выводами, конечно, не для марксистской доктрины, но для практического социализма. Уже опыт русской революции доказывает, что попытка коммунизма сделать вознаграждение за труд независимым от его результатов приводит неминуемо к параличу энергии трудящихся. В настоящее время наша республика стремится привести вознаграждение за труд в возможно строгое соответствие с результатами труда. В этих условиях совершенно невозможно держаться той точки зрения, что трудящиеся в данном производстве могут претендовать на весь его продукт. В особенности же с того момента, когда наша республика, прорывая марксистскую концепцию социализма, разрешает отдельным фабрикам реализовать свои продукты на рынке («разбазаривать» их, как ворчат твердокаменные марксисты), вопрос приобретает актуальное значение. Вправе ли рабочие национализированной табачной фабрики реализовать на рынке весь продукт за вычетом, конечно, той его части, ценность коей должна покрыть амортизацию капитала, или нет? С марксистской точки зрения ответ должен быть утвердительный, с развиваемой нами точки зрения ответ должен быть отрицательный. Если капитал принадлежит республике как совокупности трудящихся, если производительность труда зависит от капитала, то она вправе требовать от рабочих вознаграждения за то, что она предоставила им возможность использовать свой труд на фабрике, она вправе требовать процента на капитал. А если бы республика предоставила рабочим землю, то она вправе за нее требовать ренту.

Еще явственнее выступает практическая несостоятельность марксистской доктрины в условиях нашей новой экономической политики — при сдаче в аренду национализированных фабрик. Если рабочим по праву должен принадлежать весь продукт производства, то достаточно того, что им посадили на шею эксплуатирующего их предпринимателя. На каком же основании республика требует еще от предпринимателя арендный платеж, который, конечно, ограничивает возможный заработок рабочих? Для рабочих является еще недостаточным утешением тот факт, что наша республика рабочая, ибо фонд рабочего класса не есть все-таки доход данной группы рабочих.

С нашей точки зрения, взимая арендный платеж с предпринимателя, республика рабочих нисколько не обижает. Но чтобы ближе разобраться в размерах этого платежа, нам необходимо расчленить капиталистическую прибыль. С точки зрения современной политической экономии она не представляет из себя склада «прибавочной ценности», она делится на следующие довольно определенные элементы: вознаграждение за капитал, вознаграждение за риск субъективный и объективный и предпринимательский доход. Очевидно, что республика имеет право на вознаграждение за капитал и за субъективный риск, а частью и за объективный риск; предпринимательский доход и отчасти вознаграждение за объективный риск должны быть предоставлены предпринимателю. Марксизма в такой организации, конечно, нет ни крупицы, но элементы социализма в более широком смысле имеются, ибо общество сохраняет за собой нетрудовые доходы, к которым предпринимательский доход не может быть целиком причислен.

А надо признать, что и рента, и проценты на капитал очень и очень пригодятся социалистической республике. Прежде всего социалистическое государство ведь фактически несет на себе главный риск производства, и при малейшей непредусмотрительности оно свой капитал может загубить. И еще важнее то, что вся конструкция социалистического общества такова, что она убивает у его членов всякий интерес к сбережениям; этим она подрывает в корне столь могучий при индивидуалистическом строе процесс капиталообразования. Таким образом, социалистическое общество должно взять на себя тяжелое, может быть непосильное, бремя расширенного воспроизводства. И само собою разумеется, что социалистическое общество обязано удовлетворять коллективным потребностям своих граждан, в особенности их культурным нуждам, во всяком случае в более широком масштабе, чем они удовлетворяются в капиталистическом обществе, где культурные нужды в значительной части удовлетворяются за частный счет и по частной инициативе. Не из одних налогов же собирать нужные для всего этого средства. Налоги легче собирать в капиталистическом обществе, где значительная часть доходов концентрируется у небольшой группы населения, и их труднее собирать в обществе, где они уравнительно распылены.

На эту необходимость делать из заработной платы отчисления для целей расширенного воспроизводства и для культурных нужд государства указал в одном из своих писем и Маркс. Но он не дал указаний на тот принцип, на основании коего эти отчисления в совершенно определенном количестве могли бы быть правомерно произведены.

Наши выводы о природе прибыли и ренты имеют значение также и для родственного социализму кооперативного движения. Кооперация пока еще живет теориями научного социализма, и это при соприкосновении с рабочим вопросом ставит ее в весьма двусмысленное положение.

Одной из важнейших очередных задач для потребительской кооперации, а отчасти и для других ее видов, является широкое развитие собственного производства. Эта задача имеет большое значение не только для кооператоров, но и для рабочего класса, ибо кооперативное движение, конечно, будет предпочтительно строиться на экономии высокой заработной платы и будет оказывать благоприятное влияние и на положение рабочих в капиталистическом производстве. Но идеология современного социализма до крайности запутывает отношение кооперации к работающим в ее предприятиях служащим и рабочим.

В этом отношении очень характерны рассуждения покойного М. И. Туган-Барановского, кооператора и социалиста...* «Весь продукт, производимый на фабрике потребительного общества, — говорит он в полном согласии с учением Маркса, — создан рабочими, прямо или косвенно принимавшими участие в производстве. Потребительное общество, давшее фабрике капитал, ни малейшим образом не созда-

* М. И. Туган-Барановский. Социальные основы кооперации, стр. 170—181.

вало прибавочного продукта и, значит, может претендовать на возвращение из полученного продукта лишь той его части, которая соответствует по своей ценности затраченному капиталу. Но если так, то для чего потребительному обществу устраивать фабрику? Если оно вернет себе только затраченный капитал, то устройство фабрики будет для общества бесполезно». Вывод Туган-Барановского из сделанной марксистской предпосылки не только в основе правилен, он даже смягчен. Эта фабрика, несомненно, вредна для потребительного общества, ибо отвлекает его средства и подвергает их риску. Противоречие здесь получается неизбывное, и в конце концов Туган-Барановский приходит к довольно грустному для кооператора и научного социалиста выводу: «Кооператив не может вознаграждать занимаемых им рабочих согласно принципу возвращения им полного трудового продукта». После этого довольно жалким является самоутешение автора, что кооператив будет применять высшие из норм вознаграждения труда, практикуемых в капиталистических предприятиях, т. е. что он будет лишь умеренно эксплуатировать трудящихся у него рабочих и служащих. Согласно взглядам современной политической экономии потребительное общество имеет уже во всяком случае полное право оставить за собой и процент на капитал, и вознаграждение за риск, и предпринимательский доход, и, прибавим, на доходы потребительного общества, полученные от капитала, действительно сколоченного воздержанием скромных тружеников, меньше всего вправе претендовать не только рабочие, но и общество в целом.

Если, таким образом, и в социалистическом обществе продукт производства должен быть распределен на заработную плату, на которую могут претендовать рабочие, и на прибыль и ренту, которые должны быть отчислены в пользу заменившего капиталиста государства, то практическое разрешение этой задачи при отсутствии рынка на предметы потребления и на средства производства в пределах марксизма невозможно. В капиталистическом хозяйстве эта задача решается в стихийном процессе конкуренции предпринимателей на рынке средств производства. Притом дело не идет ни для земли, ни для капитала, ни для труда о выработке каких-то средних. Для каждого участка назначается своя рента, для каждой вещной формы капитала — своя quasi-рента и для каждой формы труда соответствующая данным условиям заработная плата. Каждое средство производства при совершенной конкуренции оценивается в соответствии со своей предельной производительностью. В социалистическом обществе, если бы мы даже опирались на действующий рынок потребительных благ, чего в данном случае нет, мы все же не сумели бы выполнить этой задачи вменения с тем же совершенством, как она выполняется в стихийном процессе.

Другое дело — условия, создаваемые новой экономической политикой. Раз воссоздается рынок продуктов потребления и государство воссоздает и рынок на средства производства, то хотя и в малосовершенной форме, но все же стихийный процесс вменения опять восстанавливается.

Защищая положение о ренте и прибыли как логических категориях всякого хозяйства и о специфическом происхождении капитала,

мы не хотели бы взять на себя ответственности за вывод, который делают из них многие экономисты, — о полной и безусловной правомерности индивидуального присвоения земли и капитала, бесконтрольного ими распоряжения и индивидуального присвоения ренты и прибыли. И после признания выдвинутых положений этот вопрос еще подлежит особому рассмотрению. Против приведенных выводов могут быть выдвинуты и после принятия наших положений серьезные возражения. Пусть теперешнее распределение дохода является следствием указанных нами объективных фактов, определяющих производительность труда, но самое это распределение исходит из данного крайне неравномерного распределения собственности, которое имеет свои исторические корни не столько в экономической жизни, сколько в политическом преобладании высших классов, а в глубине веков — прямо в насилии и грабеже. А затем производительность земли и капитала есть результат политического и культурного развития общества, а не заслуга земледельцев и капиталистов. Ведь совсем недалеко от нас то время, когда земля без прикрепленного к ней населения не имела никакой цены, а капитал не только не давал дохода, а требовал расхода для своего сохранения. Вот почему в известной мере общество как целое может смотреть на землю и на капитал как на свое достояние и может претендовать на известное участие в отбрасываемых этими факторами доходах. Эта правовая идея выношена 19-м столетием, на ней строится современная социальная политика, которая не может основываться только на целесообразности, а должна иметь под собой и известное правосознание. Наша критика, конечно, не направлена против этой идеи, выстраданной 19-м веком, мы не защищаем принцип «laissez faire, laissez passer», мы боремся только против системы, которая стремится с корнем уничтожить основную движущую силу европейской цивилизации — принцип хозяйственной свободы. К рассмотрению вопроса об отношении социализма к этому принципу нам предстоит теперь перейти.

7. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СВОБОДА И СОЦИАЛИЗМ

«Социализм есть скачок из царства необходимости в царство свободы», — так утверждают Энгельс и Маркс.

Для того, чтобы попасть в капиталистический рай, приходится пройти через чистилище; для того, чтобы вступить в социалистическое царство свободы, надо пройти через диктатуру пролетариата. Таким образом, скачок социального переворота приводит нас пока что только к диктатуре.

В каком отношении стоит диктатура пролетариата к принципу личной свободы, явствует из самого понятия диктатуры и иллюстрировано русским опытом. Совершенно безнадежны попытки Каутского и русских меньшевиков затемнить этот простой и ясный вопрос сближением марксистской диктатуры пролетариата с демократией. Маркс, конечно, умел различать эти два понятия, и если он применил термин «диктатура» для характеристики политического режима эпохи,

переходной от капитализма к социализму, то он сделал это не «pour epater le bourgeois»: он для этого слишком серьезен.

Но режим диктатуры, по марксистской концепции, только временный. Правда, Н. Бухарин в своей „Экономике переходного времени" нас убеждает, что дело перестройки общества на новый лад потребует не отдельных лет, а десятки лет, и русский опыт как будто говорит за то, что этой перестройки не следует делать слишком стремительно.

Но как бы там ни было, рано или поздно, когда диктатура пролетариата окончательно уничтожит классовое расчленение общества, она себя самое упразднит. Мало того, согласно учению Маркса тогда начнется и отмирание самого государства. Научный социализм утверждает, что государство есть организация классового господства, — и только. В демократии через государство осуществляется власть буржуазии над пролетариатом, подавление первым классом второго; при диктатуре пролетариата осуществляется обратная задача. Но раз классов больше нет, то становится излишним и государство. В социалистическом обществе нет больше власти людей над людьми, остается только организация производства — власть людей над вещами, над природой. Социализм, хотя совершенно иными путями, ведет общество к тому же блаженному безгосударственному состоянию, к которому призывает его и анархизм.

Вся эта конструкция безгосударственного состояния, однако, при ближайшем рассмотрении возбуждает глубокое недоумение. Действительно ли в социалистическом обществе осуществляется только власть человека над вещами, над природой?.. Скажем, что в пределах буржуазного общества мне принадлежит дом. Не ясно ли, что речь здесь идет не об отношении моем к физическому телу, к дому? Речь здесь, очевидно, идет о юридических отношениях меня и моих сограждан по поводу дома. «Мне принадлежит дом», — это значит, что никто из моих сограждан без моего разрешения им пользоваться не может. Но ведь совершенно такой же правовой характер сохранят аналогичные отношения и в пределах социалистического общества. Вместо домовладельца здесь выступает общество как целое, которое через свои правомочные органы распоряжается домом, и отдельные граждане помимо этих органов распоряжаться им будут не вправе.

Точно также и организация производства не обнимает только отношений людей к природе. Если нечто подобное можно сказать об изолированном крестьянском хозяйстве, то такое утверждение является чрезвычайно странным по отношению к социалистическому хозяйству. Последнее строится на крупном производстве, оно предполагает сильнейшую дифференциацию и обширную интеграцию труда граждан, оно предполагает строжайшее координирование всех отраслей народного хозяйства. Очевидно, социалистическое общество требует от своих сограждан во всяком случае не меньшей дисциплины, чем капиталистическое. И в нем устанавливаются весьма сложные отношения между гражданами на почве неизбежной между ними иерархии в процессе производства. Затем нет оснований рассчитывать, что в сознании каждого гражданина его интерес отождествится с интересом общества. А раз общество связано сложными правовыми отношениями, раз возможны антагонизмы если не между классами, то между гражданами и между ними и обществом в целом, то должна существовать и принудительная организация — государство, которое бы своим авторитетом поддерживало данный строй правовых отношений. Если только люди после утверждения социализма не превратятся в ангелов, то наш вывод едва ли можно оспаривать. Таким образом, для социалистического общества идея безгосударственного существования является мечтой. Конечно, формы принуждения могут стать весьма мягкими, но ведь к этому стремится, и не совсем безуспешно, и современное демократическое государство.

Мы не бросим социализму упрека за то, что он не в состоянии осуществить обетований Маркса о безгосударственном бытии. Но зато мы не можем просто положиться и на обещание научного социализма осуществить царство свободы; мы должны рассмотреть, имеются ли для этого в социализме соответствующие экономические предпосылки.

Рассмотрим, насколько социализм совместим с принципом хозяйственной свободы, и остановимся на трех ее элементах: на свободе хозяйственной инициативы, на свободе организации потребления и на свободе труда.

Свобода хозяйственной инициативы имеет цену для личности, но едва ли не большую цену она имеет для общества. Исключительно широкое развитие производительных сил капиталистического общества стоит в теснейшей связи с принципом свободной конкуренции. В условиях свободного менового хозяйства никакая производственная организация не имеет монополии на исполнение в пользу общества тех или других хозяйственных функций. Каждая организация может быть вытеснена другой, исполняющей соответствующие функции совершеннее, дешевле. И на этом строится прогресс народного хозяйства.

Нетрудно видеть, что условия для проявления свободной инициативы в социалистическом обществе гораздо менее благоприятны. Прежде всего, при более или менее уравнительном вознаграждении за труд отпадает значительная часть тех стимулов, которые возбуждают в капиталистическом мире дух предприимчивости. Конечно, научные открытия делаются не из корыстных мотивов, а из неугасимого устремления человеческого духа к истине. В изобретениях научный интерес уже отодвигается на задний план и практические мотивы имеют большее значение. Но непосредственно хозяйственную жизнь двигают не ученые, ни даже изобретатели, — ее двигают организаторы-практики. Их задача состоит не в научных открытиях, не в изобретениях и обычно даже не в практическом использовании последних. Их задача состоит в том, чтобы найти самую удачную комбинацию факторов производства для создания того или другого продукта с наименьшими затратами; она состоит в том, чтобы отыскать новые, более дешевые или совершенные средства для удовлетворения потребностей или чтобы наметить вновь назревающую общественную потребность, найти дешевые способы ее удовлетворения. Имея дело в большинстве случаев с материальными потребностями людей, предприниматели не могут сами руководиться идеальными устремлениями — их влечет к деятельности жажда обогащения.

Этот интерес в социалистическом обществе отпадает — он противоречит его эгалитарному духу. Но если бы даже предприимчивость в социалистическом обществе все-таки не заглохла, ей все же трудно было бы добиться каких-нибудь результатов ввиду полной бюрократизации хозяйственной жизни. Скажут, что социалистическое общество постарается поставить во главе своих предприятий возможно более талантливых организаторов, которые будут с величайшим вниманием относиться ко всем предлагаемым новшествам. Однако ведь и социализм не может гарантировать от непотизма, а отсутствие ценностного учета до крайности затруднит оценку делаемых предложений высшими должностными лицами. Но даже при самом удачном замещении высших постов большую опасность представляет то, что каждое новшество должно быть оценено только в определенном месте. И во сколько раз капиталистическое хозяйство является в этом отношении более сильным благодаря тому, что капиталисты конкурируют друг с другом, и их взаимная конкуренция заставляет их с жадностью хвататься за каждую удачную новинку. Да и новатор может сам обладать капиталом или может достать кредит для осуществления своей идеи.

Социалистическая организация хозяйства, если бы ей наконец удалось отлиться в устойчивые формы, отличалась бы громадным консерватизмом и инерцией. Ничего, подобного вечно изменчивой хозяйственной жизни капиталистического общества, социалистическое общество не представляло бы.

Если социализм не дает простора для проявления инициативы в сфере производства, то в еще меньшей степени он в состоянии обеспечить свободу в сфере потребления. Уже из того, что социализм организует производство, не руководясь проявлением воли потребителей на рынке, вытекает его тенденция к авторитарному распределению хозяйственных благ. Правда, значительная часть марксистов противопоставляет себя — как социалистов в специальном смысле — сторонникам авторитарного распределения хозяйственных благ — как коммунистам. Однако можно показать, что между социализмом и коммунизмом в рассматриваемом смысле имеется глубокая внутренняя связь. Маркс и Энгельс недаром назвали свой знаменитый манифест коммунистическим и действенная русская социал-демократическая партия недаром к моменту социального переворота переименовалась в коммунистическую.

Марксисты, не приемлющие коммунизма, представляют себе, что социалистическое государство будет платить своим гражданам за труд бонами, в обмен на которые они могли бы себе свободно выбирать хозяйственные блага. Однако, раз цены устанавливаются независимо от рыночных запросов, то между спросом и предложением не может быть равновесия. На одни хозяйственные блага цены будут слишком низки, и спрос на них превысит предложение, а на другие хозяйственные блага цены будут слишком высоки, и спрос на них отстанет от предложения. Очевидно, что было бы нелепо первые предоставить тем, кто их случайно раньше захватит, а вторые оставить гнить на складах. И те, и другие остается авторитарно распределить.

Могут сказать, что такое несоответствие между спросом и предложением будет только кратковременным, что в последующих производственных циклах производство приспособится к спросу. Однако в капиталистическом обществе, в котором такое приспособление составляет жгучий интерес предпринимателей, равновесие спроса и предложения достигается только путем постоянного и подчас значительного колебания цен. Как же можно надеяться, что гораздо более тяжеловесное социалистическое хозяйство сумеет устанавливать равновесие спроса и предложения при неизменных ценах? Авторитарное распределение хозяйственных благ является, таким образом, необходимой чертой социализма как системы, отрицающей рыночное регулирование цен. В советской России имелась еще и другая добавочная причина, вынуждавшая скрупулезное распределение хозяйственных благ, — это крайнее истощение страны, в которой средства существования имелись в обрез. Но при сохранении социалистического строя этот порядок распределения пришлось бы сохранить и в том случае, если бы стране удалось выйти из состояния крайнего истощения; только пайки стали бы тогда не столь скудными.

Авторитарное распределение хозяйственных благ отрицает право на свободное удовлетворение потребностей. Авторитарное распределение хозяйственных благ — это значит, что я обязан есть то, пусть прекрасно изготовленное, блюдо, которое предлагает наша коммунальная столовая; это значит, что я не вправе выбрать ту мебель, которая мне по душе; это значит, что молодая барышня обязана надеть не ту шляпку, которая ей к лицу.

Но авторитарное распределение хозяйственных благ отрицает свободное удовлетворение не только наших материальных потребностей, но и наших высших духовных потребностей, ибо и они нуждаются в материальном субстрате. И здесь необходимо подчеркнуть, что тот социализм, который себя от коммунизма отгораживает, будь он даже осуществим, в лучшем случае мог бы обеспечить свободное удовлетворение элементарных потребностей, но никак не высших. Если все печатное дело находится в руках государства, то довольно трудно себе представить, чтобы оно стало печатать интересующие гражданина произведения метафизической философии, когда оно их в лучшем случае считает бесполезными, или чтобы оно стало строить церкви, когда государственная власть относится к религии отрицательно.*

Авторитарное распределение хозяйственных благ точно так же, как и бюрократизация хозяйственной жизни, не только ограничивает

---

* «Лопай, что дают!» — этим лаконическим афоризмом из чеховской „Жалобной книги" С. Струмилин охарактеризовал в конце 1920 года на столбцах „Экономической жизни" действовавшую в России систему распределения; тем же чеховским афоризмом я уже три месяца до того охарактеризовал в своем устном докладе коммунистическую систему распределения. Такое поразительное совпадение не только в оценках, но и в способе их выражения двух столь разномыслящих экономистов свидетельствует о том, что указанное изречение и должно было бы красоваться в качестве мотто на увлекательных статьях г. Ларина в защиту натурализации заработной платы и отмены денежного обращения — двух основ системы распределения.

до крайности свободу граждан, оно понижает также производительность народного хозяйства. Если мы известное количество хозяйственных благ распределим авторитарно среди определенной группы людей, то их потребности будут хуже удовлетворены, чем в том случае, если бы им предоставили возможность свободно распределять эти блага между собою, сообразно своим дифференцированным потребностям. Хозяйственные блага являются таковыми, в конце концов не сами по себе и даже не в меру того, сколько на них затрачено труда, как полагают марксисты, а единственно постольку, поскольку они удовлетворяют наличным потребностям людей. Раз данная организация распределения плохо обеспечивает удовлетворение этих потребностей, то это равнозначительно понижению производительности народного хозяйства.

К этому остается добавить, что наш русский опыт с достаточной ясностью доказал, что авторитарное распределение — это самая громоздкая, самая дорогая система распределения, какую себе только можно представить.

Если русские социалисты-большевики в момент социальной революции правильно уловили связь между социализмом и коммунизмом в указанном смысле слова, то внутренняя связь социализма с принудительной организацией труда осталась для них неясной до конца. Необходимость прибегнуть к принудительной организации труда возникла для господствующей партии совершенно неожиданно в процессе строительства социализма, и она склонна была считать эту организацию временной мерой, связанной с военными условиями. Только один из наиболее решительных и последовательных вождей русского коммунизма интуитивно уловил указанную связь и принял ее. А между тем нетрудно видеть, что связь социализма и коммунизма с принудительной организацией труда необходимая, а не случайная.

В свободном меновом хозяйстве при недостаче товара цена на него повышается, а при избытке — понижается. Движение товарных цен находит себе отражение в уровне заработной платы в различных отраслях народного хозяйства, и это вызывает передвижение труда из одних отраслей в другие в соответствии с общественными потребностями. Но в социалистическом обществе колебания в спросе на товары не отражаются на их ценах, а вознаграждение рабочих подчинено эгалитарному принципу. Таким образом социалистическое хозяйство не располагает механизмом, вызывающим спонтанное распределение труда в соответствии с общественными потребностями, но так как такое распределение все же необходимо, то остается его установить принудительно. Трудармии являются, конечно, идеальной организацией труда в условиях социализма.

Надо ли в XX столетии доказывать, что принудительный труд является менее производительным, чем свободный труд?

Вопрос о политической свободе выводит нас за пределы нашего исследования, но он после сказанного и без того ясен. Научный социализм утверждает, и по нашему мнению с полным основанием, что публично-правовые институты не могут висеть в безвоздушном пространстве, что у них должен быть экономический фундамент. Капиталистическое общество декларировало права человека и гражданина, и эта декларация прочно связана с его экономическими устоями: с свободной конкуренцией, с свободным потреблением, свободой труда и, больше всего, с принципом частной собственности. Пока указанные экономические устои будут стоять прочно, до тех пор будет сохранять свое значение и декларация прав человека и гражданина. За отсутствием экономических предпосылок индивидуальной свободы в социалистическом обществе в нем не может быть речи о политической свободе, и наши коммунисты с полной последовательностью ее отрицают как институт буржуазного общества.

Правда, социализм в утешение утверждает, что и в пределах капиталистического общества под формальной свободой таится фактическое отрицание, насилие экономически сильного над экономически слабым. В социалистической критике капиталистической свободы не все правда, но много правды. Именно на этом основании современные демократии от буржуазного принципа «laissez faire, laissez passer» отреклись; в свободный меновой строй введено много корректив, усиливающих позицию экономически слабых, и еще много корректив предстоит ввести. Но, конечно, дело личной свободы не выиграет от того, если она будет отменена и с формальной стороны, и по существу*.

Нам остается рассмотреть, в чем заключается смысл слов Маркса и Энгельса о социализме, как «царстве свободы». Ведь это не случайно оброненная фраза, это одна из основ их учения об обществе будущего.

Смысл слов Энгельса и Маркса таков. Процесс развития капиталистического общества стихийный. Каждый член общества участвует в формировании отношений капиталистического хозяйства, и тем не менее они выступают и перед обществом, и перед личностью как нечто объективно данное, независимое и от воли личности, и от воли общества. Каждый фабрикант в периоды промышленного оживления участвует в подготовке промышленного кризиса, который в свое время больно ударит его самого, и тем не менее он ничего не может изменить в своем поведении, и капиталистическое общество в целом не в состоянии предупредить грядущего промышленного кризиса. Постольку капиталистическое хозяйство есть царство необходимости.

В социализме общество берет свою судьбу в свои руки. Оно организует свое хозяйство по единому рациональному плану; в нем

---

* Несовместимость социалистического строя с индивидуальной свободой была очевидна для всех, кто пытался серьезно вдуматься в его конструкцию, исходя даже из посылок научного социализма. К этому выводу пришли не только известные противники социализма, Герберт Спенсер и Евгений Рихтер, но к такому же выводу, к огорчению и себя, и своих читателей, пришел и горячий апологет социализма, пропевший ему свою лебединую песню, М. И. Туган-Барановский. «Централизация социалистического государства, — говорит он, — предполагающая строгое подчинение личности велениям центральной власти, передачу этой последней всей хозяйственной инициативы и всей ответственности за правильный ход процесса общественного хозяйства, не соответствует идеалу наибольшей свободы личности». („Социализм как положительное учение", стр. 83). Конечно, апологет социализма выражается мягко.

действуют не стихийные силы, а воля общества. В нем нет неожиданностей, ибо процесс хозяйственного развития регулируется волей общества. Постольку социализм есть царство свободы.

К сожалению, Маркс и Энгельс не занимались более углубленно исследованием того строя, к революционному осуществлению коего они призывали. Таким образом и идея «царства свободы» осталась ими не разработанной. Попытаемся ее проанализировать.

Очевидно, что социалистическое общество не есть царство свободной личности. Наоборот, эта личность лишается всякой свободы во имя того, чтобы общество за то свободно располагало своей судьбой. Но через какой же орган общество осуществляет свое свободное самоопределение? Очевидно, через государство. Мысль Маркса о безгосударственном бытии социалистического общества должна быть решительно отброшена. Именно в социализме государство является во всемогуществе и политической, и экономической власти. Не прежнее монархическое государство Запада, не современное демократическое государство, а социалистическое есть тот Левиафан Гоббса, который без остатка поглощает личность.

Но если социалистическое государство настолько всемогуще, то проблема организации власти, которой научный социализм совсем почти не занимался, имеет первенствующее значение для социализма. В настоящее время коммунизм полагает, что он в согласии с некоторыми идеями французского синдикализма нашел новые принципы организации власти, которые дадут возможность правильнее выявлять народную волю, чем она выявляется в западных демократиях. Пишущий эти строки не специалист в государственном праве и не решается высказывать по этому вопросу каких-либо суждений. Но одно ему известно: вожди революций от 1789 по 1848 год относились к задаче создания государственной власти, точно отображающей народную волю, с величайшим пафосом, которого коммунисты в проблему организации власти не вкладывают. От этой власти они ждали тех «miracles de la re'pablique», о которых любил говорить Робеспьер. И в процессе творчества этой власти оказалось, что проблема выявления народной воли оказывается гораздо сложнее, чем ее себе сначала представляли. На этом поприще человечество уже постигло много разочарований. Давно ли социалист Фердинанд Лассаль возлагал самые пылкие надежды на всеобщее избирательное право? А теперь государственное устройство, основанное на этом принципе, подвергается со стороны коммунистов самым жестоким нападкам; власть, основанная на всеобщем избирательном праве, по их мнению, оказывается не властью народной, а властью финансового капитала.

Лишив личность всех ее прав и отдав ее в полное распоряжение государства, питают ли социалисты со своей стороны уверенность, полную уверенность в том что проблема народной власти ими решена? Ведь они поставили ставку гораздо более серьезную, чем современная демократия. Последняя, организуя по-своему государственную власть, не приносила ей в жертву личности, наоборот, она стремилась возможно вернее обеспечить ее права. Будем помнить, что история знает много разбитых иллюзий, и настоящий проект организации коммунистической власти через испытания истории еще не прошел.

Уверенность коммунистов основывается, впрочем, не на механизме конструкции власти, а на характере социальной среды, на которой она строится. Раз классы уничтожены, то нет опасности, что привилегированное меньшинство захватит власть над большинством. Наоборот, если классовое расчленение общества налицо, то никакой механизм вплоть до всеобщего тайного голосования не предупредит вырождения демократии в олигархию.

Но существует ли у коммунистов уверенность в том, что в социалистическом обществе, в верхах коего экономическая власть над производительными силами народа достигает максимальной концентрации, существует ли у них уверенность, что в таком обществе возникновение классовых противоречий невозможно? История ведь знает столько случаев, когда в среде экономически не дифференцированного общества, возникшего на развалинах прежней иерархии, эта дифференциация все-таки наступала. И если олигархия завладеет подобной всемогущей властью, то какова же будет судьба социалистического общества? И эта ставка ставится во имя осуществления единого плана социалистического хозяйства, принципы коего, как мы показали, в сущности неизвестны.

Но мы чувствуем, что мы подошли со своей аргументацией к глухой стене. Есть два миросозерцания, между которыми не может быть никакого соглашения, никакого компромисса. Согласно одному из них, человечество стремится к конечному блаженному состоянию, строение этого блаженного состояния известно, и соответствующий механизм остается только осуществить идеалистическим подвигом. В новом обществе, в котором идеал уже осуществлен, свобода личности уже не нужна, ибо ей нечего творить в совершенном обществе. Зачем нужна свободная личность блаженному Августину в его «civitas Dei» и зачем она нужна Карлу Марксу в его социалистическом обществе?

Но есть и другое миросозерцание. Нет никакого конечного блаженного состояния. Механизм осуществления рая на земле неизвестен. Надо в каждую эпоху решать конкретно те задачи, которые ставит жизнь. Человечеству можно указать лишь самые общие директивы для его устремлений, и ему можно заранее сказать, что каждое его достижение будет сопровождаться возникновением новых противоречий, постановкой новых задач.

Счастье человечества заключается именно в вековечном устремлении. Источником вековечного движения вперед человечества является творческая человеческая личность. И великим преимуществом современной европейской цивилизации перед всеми предшествовавшими цивилизациями является то, что она это познала. Идея свободы человеческой личности родилась еще в бурях Реформации, когда Лютер перед синклитом могущественнейших светских и церковных владык произнес свои великие слова: «So denke ich, und anders kann ich nicht». Для тех, кто стоит на почве такого миросозерцания, принцип свободной человеческой личности есть верховная ценность, это наш последний критерий. Этого нашего первородства мы не продадим за утопию земного рая, ибо в нем святой талисман европейской цивилизации.

Интеллигенция в истории Европы естественно являлась первым борцом за свободную человеческую личность, за нее она всходила на костры, принимала муки и гибла в тюрьмах. Если вдуматься в те психологические силы, которые толкали и русскую интеллигенцию, едва ли не в большей своей части дворянского или буржуазного происхождения, на штурм самодержавия, то мы найдем, что и здесь в основе ее революционных порывов была не всегда осознанная тоска по личной свободе, негодование против рабства. В погоне за свободой она опиралась то на те, то на другие социальные слои, силы которых определяли ее поражения и ее победы. Та часть интеллигенции, которая в пылу борьбы во имя интересов определенного класса отказывается от принципа свободной личности, изменяет своему назначению. Пусть решит история, даст ли она этой жертвой своему народу счастье.

Мы далеко отошли от нашей основной экономической темы. Таков уж вопрос об экономической свободе — он неразрывно связан с общим вопросом о свободе человеческой личности.

8. СУБЪЕКТИВНЫЕ МОМЕНТЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Многие социалисты утверждают, что при оценке социалистического хозяйства необходимо считаться с чрезвычайной повышенной производительностью труда его рабочих, являющейся следствием устранения антагонизма между ними и предпринимателями. Сам Маркс предусматривал влияние нового строя на психологию рабочих, хотя не представлял себе этого влияния моментальным. Но в будущем он предвидел, что гражданин социалистического общества станет настолько социальным существом, что откажется от требования того, чтобы его вознаграждение соответствовало его труду, он примет истинно коммунистический принцип: «каждый (работает) по способностям, каждый (получает) по потребностям». С этой социальной психологией Маркс связывал и идею безгосударственного бытия общества.

Однако нет никаких оснований полагать, чтобы социальный переворот сам по себе мог благоприятно повлиять на интенсивность труда рабочего. Предшествующая социальному перевороту обостренная классовая борьба может иметь свои положительные психологические влияния на рабочий класс, вызывая чувства классовой солидарности и даже самопожертвования, но она не может усилить внимания и любви рабочего к его производственной деятельности. Если социальный переворот устраняет в производстве антагонизм между предпринимателем и рабочим, то с переходом производства в руки общества еще не достигается отождествления в сознании рабочего его интересов с интересами общества. «Рабочий на государственной фабрике, — говорит М. И. Туган-Барановский*, — не имеет никаких мотивов развивать

* «Социализм как положительное учение», стр. 88.

более чем среднюю энергию труда и давать более среднего количества трудового продукта». Социальная революция, сметая прежнюю иерархию, не может не расстроить прежней трудовой дисциплины. Социалистическому государству приходится затрачивать немало усилий на то, чтобы эту дисциплину восстановить, и для этого ему, в общем, придется вернуться к той же иерархической организации крупного производства. Попытка навязать рабочему классу немедленно после революции коммунистический принцип «каждый по способностям, от каждого по потребностям» может лишь самым пагубным образом повлиять на производительность труда; наша республика имеет в этом отношении достаточно горький опыт, и сейчас она всячески стремится к тому, чтобы установить самое строгое соответствие между вознаграждением за труд и его интенсивностью.

Но не только немедленно после социального переворота нельзя ожидать коренных перемен в психологии трудящихся, но и принципиально в процессе экономического строительства необходимо исходить из того, что человек в своей экономической деятельности руководится эгоистическими мотивами. Наша республика немало потерпела от того, что она хотела этот принцип игнорировать. Поддерживая силу этого основного принципа классической политической экономии и в пределах социалистического общества, мы совсем не отрицаем значения альтруистических чувств в социальной жизни. Но бескорыстие и даже самопожертвование люди проявляют в высшей творческой работе, в борьбе за ценности, которые они признают нетленными (хотя бы другие со стороны и считали их фикциями), и, наконец, в своей интимной жизни. Но ошибочно ожидать от людей, чтобы они бескорыстно изо дня в день пекли хлеб, тачали сапоги или шили платье и даже не для ближних, а для дальних, которых они, может быть, не знают и не видят. Русский пролетариат проявил исключительный запас героизма в борьбе за свой общественный идеал, но за станком он работал с напряжением, соответствовавшим получаемому вознаграждению. И титаны человеческого духа не иначе регулировали свою экономическую деятельность. Спиноза писал свои трактаты из глубокой душевной потребности, он написал бы их и в том случае, если бы ему грозила за это тюрьма, но стекла он, конечно, гранил за вознаграждение. И я не задену ничьего религиозного чувства, если скажу, что создатель религии любви за свою проповедь принял крестную смерть, но если он раньше был плотником, то плотничьи работы он выполнял за вознаграждение — это так, если в нем было человеческое естество. Только отрицая основные законы человеческой природы, можно строить экономическую жизнь, не исходя из указанного положения политической экономии. Прогресс культуры выражается в том, что рабочий относится со всей добросовестностью к взятым на себя обязательствам. Это достижимо и в пределах капиталистического общества и достижимо, конечно, и в пределах социалистического общества.

После того, как экспансивные надежды на то, что социалистическая организация производства вызовет громадный подъем производительности народного хозяйства, не только не оправдались, но выяснилось обратное, многие и правые, и левые социалисты с довольно легким сердцем готовы ответственность за неудачу сложить на рабо-

чий класс: не то он оказался неподготовленным, не то его захлестывает окружающая мелкобуржуазная стихия, на которую в социалистической литературе обязательно все собаки вешаются. Однако мы позволяем себе усомниться в том, чтобы неудачи нашего социалистического строительства можно было поставить в счет психологии рабочего класса. Конечно, после социального переворота никаких чудес не случилось, но вольно было их ожидать. Если же производительность труда рабочего класса упала до минимума, то это соответствовало неблагоприятным объективным условиям — полной дезорганизации народного хозяйства и, в частности, тяжелым продовольственным условиям. Но принципиально нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий будет трудиться за станком социалистического государства не менее усердно, чем за станком капиталиста.

Но если строительству социалистического хозяйства грозит опасность в субъективных моментах, то она лежит не в психологии рабочего класса, а в психологии организаторов производства.

Характерной чертой научного социализма является односторонний взгляд на процесс производства как на процесс механического труда. Громадной роли торговца в капиталистическом обществе марксизм совершенно не признает, для марксизма он паразит. Не признает он значения и экономического организатора производства, для него он специалист по откачиванию прибавочной ценности. И даже роли технического организатора производства марксизм недооценивает.

В соответствии с таким взглядом на процесс производства участь многих экономических и даже технических организаторов его была после русской социальной революции весьма печальна. Технических руководителей предполагалось заменить коллегиями сознательных рабочих, а прежних экономических организаторов — интеллигентами, более или менее знакомыми с „Капиталом" Маркса. Только на горьком опыте власть убедилась, что дело не так просто. Изгнанные было экономические и технические организаторы были реабилитированы, объявлены спецами и возвращены на свои места.

Тем не менее мы не можем ждать ни от старых, ни от новых спецов той полезной работы, которую они давали капиталистическому обществу. Успех производства зависит главным образом от его организации не только технической, но и экономической; решающее значение имеет бережное отношение к основному капиталу, экономия на материалах, удачная комбинация капитала и труда, отыскание надлежащих источников сырья и подходящих рынков сбыта — и без этих предпосылок не поможет самый усердный и умелый труд рабочих. Этой высоко ответственной роли организаторов соответствует психология предпринимателя в капиталистическом обществе. На него падает риск предприятия, и он первый выигрывает от его успехов. Отсюда громадное напряжение его воли. Его труд никем не нормируется, он определяется потребностями дела.

Совершенно не такова психология экономического организатора в социалистическом государстве. Здесь он чиновник и не больше. Если он даже и получает несколько лучшее вознаграждение, чем рабочий, на что социалистическое общество по эгалитарным соображениям идет с трудом, то это добавочное вознаграждение не имеет значения

для стимуляции его труда. Риск предприятия лежит не на нем, а на государстве, он мало теряет от неудачи и ничего не выигрывает от удачи. А отсутствие ценностного учета почти изъемлет его из контроля. Он добросовестно отбыл свои 6 или 8 часов в конторе и считает свой долг исполненным. А ведь для экономического творчества нужна не формальная исполнительность.

Многие неудачи нашего социалистического строительства стоят в явственной связи с дефектами в психологии руководителей. Собрали у крестьян миллионы пудов картофеля — и сгноили; привезли дрова — их разворовали. Можно быть уверенным, что если предприниматель в пределах капиталистического общества возьмется поставить картофель или дрова, то картофель у него не сгниет и дров у него не разворуют. Не так-то легко он позволит у себя урвать ту прибыль, из-за которой он хлопочет, и зубами он будет отбивать покушение на свой капитал. На митинге рабочие пожаловались, что купленная Внешторгом обувь оказалась плоха. Представитель Внешторга объяснил, что мы пролетарии, не купцы, американские капиталисты нас и надули. Рабочие отнеслись к этому заявлению с пролетарским добродушием. Капиталистический строй этого пролетарского добродушия не знает: купец, который позволяет себя надуть, недолго проторгует, и нет для него извинения.

Не только для организации производства у советского служащего не хватает энергии и активности; даже для такой, казалось бы, более простой задачи, как охрана капитала, эта психология оказывается столь же несостоятельной. И здесь нужен, очень даже нужен, хозяйский глаз, и когда его нет, то рушатся дома, тонут суда, ломаются станки и разворовываются материалы.

Нет, если для строительства социализма имеются трудности субъективного порядка, то они лежат никак не в психологии рабочего класса, они лежат в психологии его экономических организаторов. Стимулы, которые им может дать эгалитарное социалистическое общество, не соответствуют ответственности лежащих на них задач. А между тем, при громадной концентрации всех экономических функций в руках государства ответственность экономических организаторов в социалистическом обществе воистину колоссальна, она больше, чем в капиталистическом обществе.

9. СОЦИАЛИЗМ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Мы до сих пор исходили из того предположения, что еще до наступления социального переворота в процессе естественного развития капитализма произойдет объединение всего производства в очень крупные предприятия, которые и будут национализированы. В обрабатывающей промышленности действительно проявляется сильная тенденция к концентрации производства, и относительное значение мелкого производства падает. Тем не менее абсолютное значение мелкой промышленности повсюду еще весьма значительно, а национализация мелких предприятий, как показывает наш опыт, ведет к их гибели, к немалому ущербу для народного хозяйства.

Если, таким образом, и в промышленности процесс национализации производства встречает затруднения, то в сельском хозяйстве он сталкивается с непреодолимыми трудностями. Ничего подобного быстрому процессу концентрации производства в сфере сельского хозяйства не наблюдается. Существует только одна страна, Англия, в которой сельское хозяйство организовано капиталистически, и этот результат получился как продукт эволюции аграрных отношений в минувшую эпоху, в условиях, коренным образом отличных от современных. Но и в Англии все же имеется около полумиллиона хозяйств, и там хозяйство в 100 десятин считается очень значительным, и никаких тенденций к дальнейшей концентрации сельскохозяйственного производства там не замечается. На континенте Европы и, в частности в России, почти повсюду первенствующее значение имеет мелкое производство, основанное преимущественно на использовании труда крестьянина и его семьи. Даже в США, где промышленный капитализм достиг такого колоссального развития, даже в этой стране трестов и миллиардеров господствует мелкая форма сельскохозяйственного производства, в которой наемный труд играет лишь второстепенную роль. Правда, площади американских ферм больше площадей крестьянских хозяйств Европы, но это объясняется экстенсивным характером американского сельского хозяйства.

Экономисты спорят о степени дифференциации крестьянства, о том, происходит ли нивелировка его или дальнейшая дифференциация. Спор этот представляет большой интерес для выяснения вопроса о том, имеет ли социальная революция почву в деревне. Марксисты доказывают, что на сторону социальной революции можно привлечь не только сельскохозяйственных рабочих, которые слишком малочисленны и рассеяны, а также и беднейшие слои крестьянства. Действительно, в русской социальной революции массы крестьянства играли самую активную роль, хотя мы думаем, что это результат не его сильной дифференциации, а общинного уклада его жизни, и мы думаем, что в деревне собственников идея социальной революции будет иметь под собой гораздо менее благодатную почву.

Но для нас сейчас важнейшее значение имеет вопрос о результатах социальной революции. А в этом отношении не может быть двух мнений. Обаяние собственного хозяйства у беднейшего крестьянина, а отчасти и у сельскохозяйственных рабочих, настолько велико, что целью этого крестьянства может быть только расширение своего хозяйства за счет крупного. Таким образом, результатом социальной революции в деревне может быть только разрушение капиталистического сельского хозяйства и полное распыление производства.

Что же может сделать социалистическое государство с этими миллионами мельчайших хозяйств? Как оно может эту мелкобуржуазную стихию уложить в рамки планового хозяйства? Подтолкнуть их возможно скорее слиться в крупные коллективные хозяйства? Если бы этот процесс имел шансы на успех, то он во всяком случае потребовал бы громадного промежутка времени. Но на чем основаны в данном случае надежды на успех? Ведь при всем громадном развитии сельскохозяйственной кооперации она нигде на свете еще не привела к возникновению коллективных хозяйств.

Полная производительная кооперация не может похвастать успехами в сфере промышленности, хотя усилий в этом направлении сделано достаточно. Можно даже с известным основанием утверждать, что идея государственного социализма родилась в связи с неудачами производительной кооперации. Потому ли производительная кооперация в сельском хозяйстве должна иметь особенный успех, что самые выгоды крупного производства в сельском хозяйстве сомнительны? Или потому, что кооперирование сельскохозяйственного производства требует кооперирования и домашнего хозяйства, что в свою очередь связано с своеобразными трудностями? Наши опыты искусственного создавания колхозов, конечно, не могли дать ничего положительного.

Остается для вовлечения крестьян в плановое хозяйство рассматривать их как батраков, сидящих на государственной земле, обязанных вести хозяйство под диктовку власти и обязанных сдавать весь продукт государству. Но это значит оставить мелкое хозяйство при всех его слабых чертах и лишить его единственного преимущества: личной заинтересованности трудящегося в результатах его труда.

Мы не убедились в том, что социалистическое государство в состоянии организовать промышленность, но овладеть ею оно может, это предсказывал Маркс и это подтвердила наша революция. Совершенно иначе обстоит с сельским хозяйством. Социальная революция в деревне не содержит в себе ни крупицы социализма, она не только не приближает сельского хозяйства к социалистическому идеалу, наоборот, она отбрасывает его от него неизмеримо далеко.

А между тем, если примириться с этой «мелкобуржуазной стихией», если удовлетворить ее органическому требованию свободного обмена, то, в особенности в аграрной стране, этим вся система социалистического хозяйства — система планового распределения государственных благ в государственном масштабе — взрывается.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы стоим перед удивительным зрелищем: социалисты, убежденные социалисты, у которых слово не расходится с делом, которые ни перед чем не останавливались для торжества своей идеи, — собственными руками уничтожают следы своего творчества и, заменяя строй гармонический, чуждый эксплуатации, строем анархическим, построенным на эксплуатации, ждут именно от последнего увеличения ресурсов республики и улучшения экономического положения трудящихся. Мы видим, как социалисты усердно приглашают в страну иностранный капитал, чтобы он собирал у нас ту прибавочную стоимость, уничтожение которой они считают своим призванием.

Как объяснить это странное явление?

Правое крыло на это отвечает: «Тут нет ничего удивительного. Этот печальный результат мы предвидели. Маркс говорил, что социальная революция может иметь успех только тогда, когда все предпосылки для социалистического строя готовы, а в России, в стране крестьянского хозяйства, этих предпосылок не было».

Такая точка зрения может быть оправдана буквой учения Маркса, может быть подкреплена кое-какими цитатами из него, но едва ли она соответствует его общему духу.

Промышленный капитализм получил в России умеренное развитие, он не привлек к себе на службу значительной части населения страны. Но поскольку русская промышленность существовала, она в смысле учения Маркса созрела для социальной революции. Благодаря тому, что русская промышленность не развилась столь органически, как промышленность на Западе, благодаря тому, что она насаждена в течение двух последних столетий правительством, дворянством, иностранным капиталом, она представляла собой картину поразительной концентрации и вширь, и вглубь в смысле комбинирования последовательных стадий переработки продукта с различными подсобными производствами. Русские заводы — Путиловский, Обуховский, Брянский, Мальцевский, — русские мануфактуры являются колоссами не только на русский масштаб, но и на международный. И трестирование, и синдицирование русской промышленности зашло накануне революции довольно далеко. Русские столицы представляли собой громадные центры скопления промышленного пролетариата, организованного в недрах предприятий-колоссов. Отсутствие демократического режима, невозможность легальной защиты своих экономических интересов поддерживали боевое настроение пролетариата и подготовляли социальный взрыв. Концентрации промышленности соответствовала концентрация богатства в тонком слое крупной буржуазии. По той же причине, вследствие неорганического характера развития русской промышленности, в России не имелись те широкие кадры мелкой городской буржуазии, которые в европейском городе стоят между пролетариатом и крупной буржуазией, смягчая их столкновения. Противоположность между роскошью верхов и бедностью низов была в русском городе разительнее, чем где бы то ни было. Итак, русский город вполне созрел для предусмотренного научным социализмом «Zusammenbruch»а.

Правые социалисты нам, конечно, возразят, что если относительно русского города можно спорить о том, созрел ли он или нет для предусмотренного Марксом социального переворота, то социально-экономический облик русской деревни к схеме Маркса уже во всяком случае не подходит. А Россия страна аграрная и, следовательно, если русская деревня не созрела для социальной революции, то значит, не созрела и вся страна. Но если зрелость России для социализма определять с точки зрения ее деревни, то позволительно спросить правых социалистов: когда же при таком буквальном толковании учения Маркса такая аграрная страна, как Россия, созреет для социализма? Ведь пределы индустриализма ограничены: даже для двух менее многолюдных стран, чем Россия, — для Англии и Германии — мир оказался тесен. Русской промышленности придется в будущем рассчитывать почти исключительно на собственный внутренний рынок, и владея 1/6 частью суши земного шара, Россия останется страной аграрной. А между тем никаких заметных признаков концентрации сельскохозяйственного производства в России не было заметно. Если держаться буквы учения Маркса, то придется признать, что ни Россия, ни какая

бы то ни было аграрная страна для социальной революции в обозримом будущем не созреют, и, следовательно, схема научного социализма к аграрным странам вообще не относится. Общезначимость схемы Маркса этим отрицается.

Да и самая политическая позиция правых социалистов вызывает глубокое недоумение. Если правые социалисты признают страну незрелой для социальной революции и совершенно не в состоянии предусмотреть, когда она даже в отдаленном будущем для нее созреет, то какой же смысл имеет их социалистическая пропаганда в массах? Нельзя же в самых черных красках рисовать правовое демократическое государство, объявлять его ведущим к обнищанию трудящихся, нельзя же в самых розовых красках разрисовывать социалистический строй, чтобы заканчивать свою проповедь предложением трудящимся сидеть смирно и «годить», когда общество созреет для социализма. А когда разагитированные народные массы откажутся пассивно ждать этого лучшего будущего, то нельзя, умывая руки, заявлять, что мы, мол, тут не при чем, мы предлагали «годить». Конечно, и Маркс не благословлял каждого мятежа рабочих, но вся его пропаганда освещена твердой верой в близкое торжество социализма, и никакими случайными цитатами из трудов Маркса нельзя замаскировать этого действенного, глубоко революционного характера его учений.

Если же правые социалисты считают себя призванными бороться за конкретные интересы рабочего класса, то для этой цели нет нужды ослеплять их социалистическим идеалом. О том, что ждет нас в далеком будущем, можно писать в ученых книгах, но об этом пусть не говорят на площадях. В политике «довлеет дневи злоба его». Ведь английские тред-юнионы в истории английского рабочего класса коечто значат, а они даже не ходят под красным флагом.

С духом революционного марксизма, по нашему мнению, согласны не правые, а левые социалисты. Только у них слово с делом не расходится. Если социализм есть великое благо, то о нем следует не мечтать, его следует строить. Творческие силы нового строя проявятся и преобразят мир, даже если действительность и не во всех частях подходит под предусмотренную схему. Даже величайший гений не может предусмотреть всего многообразия эволюции человечества. Самая возможность социальной революции, наличие у пролетариата силы для ее осуществления согласно учению Маркса свидетельствует о том, что «время исполнилось», ибо политическая сила класса строится на экономических предпосылках. Так и только так, по нашему мнению, могут думать истинные последователи учения Маркса. И недаром виднейший представитель научного марксизма на Западе, Меринг, благословил русскую революцию.

Но в таком случае, почему же русская революция, начавшись в городе, сумела вовлечь в свой круговорот деревню, одержала блестящие победы в борьбе с контрреволюцией и во внешней политике и в конце концов оказалась столь несчастливой на фронте экономического строительства?

Официальное объяснение таково: крепость капитализма взята слишком стремительным штурмом.

Порт-Артур надо брать медленной систематической осадой. А теперь приходится крепость оставить, возвести блиндажи в окрестно-

стях и опять начать систематическое наступление. Пишущий эти строки не стратег, но одно и ему известно: что еще никогда ни одна крепость не была сдана потому, что она не была взята lege artis. Победителей не судят, и взятие крепости всегда санкционирует приемы ее осады.

Но, может быть, под крепостью следует разуметь мировой капитализм, который пока что еще стоит? Однако, вопреки обычному представлению, мы не усматриваем того, чтобы необходимой предпосылкой удачного строительства социализма в России была всемирная социальная революция. Если бы речь шла о такой чисто индустриальной стране, как Англия, то действительно трудно было бы себе представить там социальную революцию без того, чтобы подобная революция не произошла если не во всем культурном мире, то по крайней мере в английских колониях. Существование Англии без внешней торговли немыслимо, а она, конечно, будет совершенно дезорганизована, раз в торгующих странах правовые нормы окажутся диаметрально противоположными. С прекращением же своей внешней торговли Англия в первый же год после социальной революции вымерла бы с голоду. Таким образом, вопреки господствующему мнению, опыт строительства социализма должен быть предпринят в первую очередь не в странах одностороннего высокого развития индустриализма, а в странах более или менее самодовлеющего хозяйства. К числу их относятся прежде всего США, а затем и Россия.

Действительно, разве наше народное хозяйство настолько зависимо от Европы, чтобы блокада сама по себе могла нас повергнуть в пучину бедствий, если бы только мы умели наладить свое хозяйство? Продовольствия у нас всегда было в изобилии. Из прядильных материалов мы одни (лен, пеньку) вывозили в громадных количествах, а недостачу в других (хлопке, шерсти) могли бы легко пополнить расширением собственного производства. Лес у нас имеется в громадном избытке, нефть тоже, и мы можем этими видами топлива покрыть недостаток в каменном угле. Руды у нас имеются. Рельсы наши заводы прокатывали, паровозы строили. Если же некоторые сложные машины у нас не производились, то, если социализм действительно способен поднять производство на высшую ступень, эти небольшие дефекты удалось бы собственными средствами пополнить. Когда у нас говорят, что Россия голодает вследствие блокады, то вспоминаются иронические замечания англичан: Ньюкасл (главный город экспорта английского угля) замерз оттого, что блокада отрезала ему подвоз угля. Именно в России, в стране почти самодовлеющей, опыт строительства социализма должен был иметь шансы на успех.

Но мы знаем, что действительность этих чаяний, правильно основанных на марксистской доктрине, совершенно не оправдала. Нельзя указать ни одной отрасли народного хозяйства, которая бы процвела. И полная очевидность результата вынудила убежденных коммунистов ждать улучшения от частичного возврата к свободному обмену и капитализму.

Итак, объяснения, которые нам дают и правые, и левые социалисты, причин неудачи социалистического строительства представляются нам одинаково несостоятельными. Все наше предшествующее изложение, смеем мы думать, дало нам истинное объяснение этой неудачи.

С точки зрения социалистической доктрины различные элементы русского народного хозяйства были в различной мере зрелы для социалистической перестройки. И если последняя, по собственному выражению наших коммунистов, всегда превращалась в серию катастроф и наоборот, отказ от социализма при НЭПе почти всегда приводил к улучшению положения, то очевидно, что неудача социалистического строительства не может быть объяснена только тем, что место и время выбраны для него неподходящие. Русский опыт является яркой иллюстрацией нашего теоретического вывода, что принцип социализма не есть творческий, не к расцвету, а к разложению ведет он экономическую жизнь общества.

Мы не беремся судить об ауспициях всемирной революции на Западе. Жестокий экономический кризис, в который ввергнута Европа в результате мировой войны, еще не изжит, и это положение грозит социальными катаклизмами. Но мы не имеем никаких оснований усматривать в социальной революции средство для преодоления этого кризиса, и русская революция нас в этом не убедила. Подобные сомнения зарождаются в умах весьма авторитетных ученых социалистов. «Социализм не есть механизм, который строится по заранее намеченному плану...», «У нас сейчас нет готовых утопий, которые можно воплотить народным решением». Так осторожно теперь выражается Карл Каутский, который во всей предшествующей научной и политической деятельности утверждал как раз обратное.

В одном, однако, мы можем вполне согласиться с современным коммунизмом: если мы не признаем социальной революции средством для преодоления экономического кризиса, то мы не усматриваем его и в Версальском мире. И если флагом современного коммунизма станет борьба против агрессивного империализма, то он найдет опору не только в классе промышленных рабочих, который пока не оказался в этом вопросе особенно стойким, но и в других классах современного общества. Для того, чтобы быть противником современного агрессивного империализма, социалистическая идеология нам не представляется необходимой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой очерк о «Доктринах марксизма в свете русской революции» основывался на опыте первых лет социалистического строительства в России, которое было прервано введением НЭПа в 1921 г. Но скоро стало очевидным, что задача построения социалистического государства в советской России не была оставлена. После многих лет экспериментов новые схемы социалистических конструкций приняли форму всеохватывающего Пятилетнего плана, державшего весь мир в напряженном ожидании. Важное отличие этой схемы от первоначальной, что она планировалась по линии денежной экономики, а не натурально-хозяйственного социализма.

Главная цель настоящего очерка проследить экономическое развитие России при пятилетке. Этот план возник не внезапно, а в результате 11-летней подготовки, общий очерк которой я здесь предпосылаю.

Мы не предполагаем дать конкретное описание экономических мероприятий в России. Мы рассмотрим их с теоретической точки зрения. И так как основные теоретические проблемы были разъяснены в предыдущем очерке, мы можем здесь ограничиться краткими теоретическими наблюдениями и описанием общего экономического развития. Главным пунктом предыдущего очерка были проблемы натурально-хозяйственного социализма, здесь же мы в первую очередь будем рассматривать развитие экономического планирования на денежной основе.

1. ИСТОКИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ «ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ»

А. Попытка государственного капитализма

Пятилетний план был конечным результатом коммунистического планирования экономики. Он возник не внезапно, а был скорее результатом 11-летнего развития, краткий очерк которого мы и хотим здесь дать.

Ленин, вождь русской революции, был ортодоксальным марксистом и мало думал до захвата власти, как развивать экономическую систему после победы социальной революции. Он хотел уверить своих последователей, что тут никаких особых трудностей не предвидится*.

Но после октябрьской революции он тотчас понял, что задача построения коммунизма не так легка, и искал путей по возможности ее упростить. Его целью было сохранить существовавшую капиталистическую организацию с ее ценным управленческим аппаратом, поместив ее под контроль частью советского государства, а частью самих рабочих (синдикалистские тенденции). В это время его лозунг был:** «При советском государстве государственный капитализм — три четверти социализма». Он не поддерживал усилий своих товарищей национализировать все как можно скорее. Но, согласно идеям, развитым Рудольфом Гильфердингом в его известной книге «Финансовый капитал», Ленин национализировал банки уже 14 декабря 1917 г. ; он надеялся, что таким путем советское государство получит контроль надо всей системой капиталистической экономики, не разрушая ее внутренней организации.

Эта попытка государственного капитализма полностью провалилась. Она была окончательно оставлена спустя всего девять месяцев летом 1918 года, и советское государство ввело совершенно новую экономическую политику. Официально было объяснено, что невозможно оставить в руках капиталистов крупные предприятия, когда началась гражданская война и приходится сражаться на фронте с духовными друзьями этих самых капиталистов.

Это объяснение имеет резон, но оно неполное. Была другая, более глубокая причина провала попытки. Коммунистическая партия победила, возбуждая и разжигая все анархистские страсти масс. Ленинский общеизвестный лозунг был: «Грабь награбленное». Собственность и даже жизнь ее владельца не были защищены. Когда Ленин, образумясь, хотел навести порядок, он столкнулся с чрезвычайно трудной задачей. Правительство потеряло силу; господствовал лозунг «власть на местах!» Октябрьская революция была не менее, чем социальная революция: буржуазное общество было поражено в сердце, оно было мертво. Ленин как последователь исторического материализма был обманут тем, что каркас экономической системы еще стоял и колеса экономической машины по инерции еще вращались, хотя гораздо медленнее. Он не понимал, что само существо буржуазного

---

* В известном труде «Государство и революция», написанном во время бегства из Петрограда после июльских беспорядков — и накануне октябрьской революции, — Ленин высказывает убеждение, что в начале социалистического режима контроль производства и распределения и регистрация труда и товаров должны быть отданы в руки вооруженного пролетариата. «Учет, контроль, — говорит он, — упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок».

** Сочинения, т. 23, стр. 484.

общества основано на определенных принципах, и если они отвергаются массовым движением, либо новым правительством — буржуазное общество перестает существовать. Он думал, что может национализировать банки. На самом деле он лишь захватил их здания, сейфы, счета и книги. Банки как банки, самый цвет буржуазного порядка, перестали существовать через два месяца после коммунистической революции. Государственный капитализм не мог быть завершен потому, что буржуазное общество было разрушено. Оставалось строить новый экономический порядок на развалинах старого.

Б. «Военный коммунизм»

Период, начавшийся летом 1918 г. и кончившийся всего лишь тремя годами позднее в марте 1921 г. , обычно описывают как период «военного коммунизма». Коммунисты последовательно применяли только это описание. Они хотели объяснить, будто эта система была навязана им войной, и они за нее ответственности не несут. Несомненно, экономическое администрирование было в то время подчинено военным запросам. Во время войны требования войны удовлетворяются в первую очередь. Война истощает экономическую систему, и ситуация может сложиться так тяжело, что для удовлетворения минимальных нужд населения придется распределять блага согласно коммунистическим принципам. Во всех странах, участвовавших в мировой войне, проявились определенные коммунистические тенденции. В советской России, где за внешней войной последовала гражданская, которая свирепствовала более двух лет и принесла больше опустошений, чем самый острый конфликт с иноземцами, коммунистические тенденции проявились сильнее.

Но такая интерпретация экономического развития в этот период не говорит всей правды. Меры, принятые в это время, не были задуманы как временные. Действительно, многие экономические институции, возникшие тогда, пережили период и являются даже сегодня основой советской экономической системы. Целью экономической политики советского правительства было не только приспособить экономическую жизнь к нуждам войны, но воздвигнуть на базе этой военной экономики систему «натурального» социализма. Дважды в этот период война утихала: зимой 1920 г. после победы над Колчаком и Деникиным и второй раз после окончательной победы над контрреволюцией в ноябре 1920 г., но в эти сравнительно мирные периоды экономическая система совершенно не менялась. Напротив, коммунизм позволил себе, можно сказать, свои самые большие оргии в месяцы, предшествовавшие объявлению НЭПа. Внезапный отход от методов военного коммунизма не был волюнтаристским; он был абсолютно неизбежен из-за политического положения, угрожавшего существованию советской власти.

Концентрация власти в политбюро во время гражданской войны создала политическую основу для попытки ввести «натуральный» социализм. Синдикалистские тенденции, проявившиеся сразу после

октябрьского переворота в виде «рабочего контроля», впавшего скоро в состояние хаоса, были полностью оставлены. Цели экономической администрации были ясно высказаны в резолюции, принятой конференцией Экономического совета в январе 1920 г. по предложению Ленина*: «Централизация национального экономического управления — главное средство победившего пролетариата для развития производительных сил страны и обеспечения ведущей роли индустрии в экономической жизни». Управление экономической системой сперва было в руках Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ). Эта организация, однако, потом ограничилась управлением промышленностью, и высшее управление экономической системой было возложено на Совет Труда и Обороны (СТО) в 1920 г. «СТО определяет общий экономический план РСФСР, представляет его Всероссийскому Центральному Комитету для утверждения, направляет в соответствии с планом работу народных комиссариатов, контролирует выполнение плана и делает необходимые исключения из него»**. Советское правительство стремилось взять под свой контроль всю без исключения продукцию. Здесь оно встретило неодолимые трудности в сельском хозяйстве. В результате аграрной революции сельское хозяйство было полностью раздроблено на мелкие крестьянские участки, и по экономическим и политическим причинам его было очень трудно взять под контроль советского правительства. Оно довольствовалось главным образом изъятием излишков сельскохозяйственных продуктов. Правда, 8-й съезд советов в декабре 1920 г. решил создать посевные комитеты (посевкомы), которые должны были свободно распоряжаться запасами и семенами крестьян и предписывать им планы посевов. Однако из-за близкого изменения экономической политики для серьезной попытки выполнить этот проект не было времени.

Рыночные операции были полностью приостановлены и не было «горизонтального» перемещения товаров; все товары должны были сдаваться в распоряжение центральных властей и распределяться ими. Такое движение товаров должно было иметь место без денег. В то время Ленин думал, что деньги — «свидетельство права эксплуататора получать социальные блага для спекуляции, выгоды и ограбления рабочих»***. Выпуск денег не был ограничен, так как никто не заботился об их обесценении. Отношения между государственными предприятиями должны были регулироваться без денег. Заработная плата состояла главным образом из разного вида пайков. Налоги не взимались, и городские службы оказывали свои услуги бесплатно.

---

* «Пятнадцать лет советского строительства, 1917—1932». Сборник статей под редакцией Пашуканиса. Госиздат, 1932. Статья Г. Амфитеатрова и Л. Гинзбург: «Принципиальные фазы в развитии организационных форм социалистической экономики и советского закона», стр. 324.

** Резолюции Всероссийского съезда. Стенографический отчет, 1921, стр. 281.

*** Сочинения, 3-е издание, т. 24, стр. 103.

Тем не менее советское правительство чувствовало необходимость ввести общую меру для товаров. В конце 1920 г. государственным предприятиям было предписано вести расчеты в единицах трудовых затрат. Однако этого официального решения никто всерьез не принял.

Система натурального социализма логично развивалась советским правительством, но она не функционировала бы не будучи дополнена очень ограниченным рыночным обменом. Национализированное производство и распределение были почти парализованы. Это было катастрофой прежде всего для буквально опустевших городов и деревни. Когда советское правительство пыталось завершить развитие этой системы, а затем сразу по окончании войны, оно встретило отчаянное сопротивление всех слоев общества. В то время такое сопротивление было еще возможно, так как советская власть еще не была столь стабильной, а массы не были еще так дезорганизованы, деморализованы и обезоружены, как позднее. Возникла ситуация, угрожавшая советской власти, и Ленин решил вопреки своим ближайшим друзьям как можно скорее изменить курс.

Коммунисты предпочитают не обсуждать причин этого провала. Наблюдатели обычно его объясняют незрелостью российской якобы недостаточно сконцентрированной экономики. Это объяснение неприемлемо, ибо противоречит фактам. Если бы успех попытки ввести натуральный социализм зависел только от высокоцентрализованного производства, то русская промышленность была прекрасным материалом для такой попытки, ибо она, хотя и не вся, но в значительной части была сконцентрирована на очень крупных предприятиях. Создание социалистической администрации для предприятий такого типа должно быть сравнительно простой задачей. Их управление принял на себя ВСНХ, в котором были образованы Главки для каждой отрасли промышленности (их было более сорока в конце периода). Можно было думать, что советское правительство преуспеет в развитии тяжелой индустрии, поскольку она наиболее созрела для социализации. Однако на деле именно в этой области крах был самым ужасным. В 1920 г. продукция упала до 13% от довоенного уровня*. Причиной этого упадка была не только война, но в большой степени порочное распределение средств производства при системе натурального социализма.

При капитализме каждое предприятие получает средства производства прямо с рынка; его возможности в этом отношении соответствуют его производительности. При натуральном социализме условия снабжения средствами производства совершенно иные. Продукт каждого предприятия поступает в распоряжение Главка, не проходя оценки на рынке; дирекции предприятия остается просить необходимые средства производства у целой серии Главков. Главки не в состоянии оценить продукцию предприятия, это действительно трудно рассчитать; куда важнее политическое значение управления. Каждый Главк руководится своими собственными соображениями, согласно кото-

* «Пятилетний план экономического строительства в СССР» («Плановое хозяйство», Москва, 1929, т. 1, стр. 15).

рым он распределяет средства производства, и у разных Главков эти соображения не совпадают.

Главки должны были точно знать в отношении всей страны, где найти средства производства, какого количества и качества. Но они этого не знали, и их приказы часто бывали совершенно ошибочными. С другой стороны, у директора предприятия средства производства могли быть рядом, но он оставался пассивным наблюдателем, так как мог применять только те, которые выделены ему Главком.

Почти никогда не случалось, чтобы товары, выделенные предприятию разными Главками, соответствовали друг другу по количеству и качеству. Так как средства производства комплементарны, вся промышленность была таким путем постепенно парализована, хотя в стране были еще большие запасы нереализованных товаров. Время от времени объявлялось, что некоторые предприятия — обычно снабжаемые военными материалами — имеют преимущество, так что остальные страдали еще больше. Эта катастрофическая ситуация была так очевидно связана с деятельностью Главков, что само название их стало ненавистным. Позже, когда возникли аналогичные институты, никто не отваживался называть их таким образом.*

Мы видим, что экономическая система страдала пороками, совсем не связанными с войной; это имманентные пороки натурального социализма, продемонстрированные в первой части книги. Поэтому никакого улучшения положения в промышленности невозможно заметить за четыре месяца после конца войны. Система принесла бедность и запустение в города; сельское хозяйство было разрушено гражданской войной, аграрной революцией и конфискациями излишков. Так пришел страшный голод 1921—1922 гг., сделавший неотложным введение НЭП.**

* Подробности распределения товаров производителя при военном коммунизме см. Л. Крайзман. «Героический период русской революции. Аналитический очерк так называемого военного коммунизма», изд. 2, Госиздат, 1926, стр. 120—125. Переведен на немецкий. См. также статью «15 лет советского строительства», там же, стр. 337—338. Большой поклонник военного коммунизма, как видно из названия книги, Крайзман усматривает аналогию между капиталистической и коммунистической системами в их развитии путем ряда кризисов. «Связанная с анархическими чертами пролетарского натурального социализма, — пишет он (стр. 125), — трудность поддержания снабжения — проблема столь же острая, как проблема рынка в капиталистической торговле. В последней периоды стагнации и кризисов чередуются с периодами процветания; в первой кризис следует за кризисом и время от времени местные затруднения вызывают большие трудности в общем положении». Но автор совсем не заметил разницы двух систем. Капиталистическая экономика пользуется периодами процветания, чтобы обеспечить жизнеспособность системы; натуральный социализм переходит от одной депрессии к другой и потому нежизнеспособен.

** Подробности развития сельского хозяйства при военном коммунизме см. в моем «Развитие сельского хозяйства и аграрная революция в России». Восточноевропейский институт в Бреславле. Исследования, раздел Хозяйство, т. 2, Берлин, 1925, ч. 2, стр. 137—178.

В. Новая экономическая политика (НЭП)

Сущностью НЭП было восстановление рынка, т. е. горизонтальных связей между отдельными предприятиями, запрещенных ранее во имя одного всеохватывающего социалистического предприятия. В то же время была разрешена кооперация частников. Период военного коммунизма доказал от противного преимущество рыночной экономики; период НЭП дал прямое тому доказательство. Несмотря на голод и еще примитивную организацию рынка, признаки оживления можно видеть сразу, как только НЭП был объявлен. Население областей, где потери урожая были не так велики, с обновленными надеждами принялось за работу. Промышленность, приведенная в состояние застоя, начала сначала медленно, но с окончанием голода в конце 1922 г. все быстрее восстанавливаться. Все это произвело впечатление на коммунистов. Советское правительство добивалось восстановления некоторых институтов капиталистического общества. Наблюдателей этот факт привел к ошибочной мысли, будто построение социалистической экономики оставлено. На самом деле это было далеко не так.

Уже в марте 1922 г., через год после введения НЭП, Ленин объявил, что отступление социализма нужно остановить и сохранить за собой командные высоты в экономической жизни, т. е. в централизованном секторе. В руках правительства еще оставались тяжелая промышленность, транспорт, реконструированная кредитная система и внешняя торговля. Оно создало торговые организации для снабжения сельскохозяйственными продуктами. Восстановленные кооперативы под управлением государства образовали специфическую форму государственного предприятия.

Все эти организации усвоили некоторые капиталистические формы, но этому не нужно приписывать решающего значения. Национализированные предприятия выполняли задачи, поставленные перед ними коммунистическим государством, и их работа диктовалась политикой, а не стремлением получить максимум прибыли. Их независимость была весьма ограниченной, и внутри они были скорее бюрократическими, чем капиталистическими. Ленин считал государственные предприятия социалистическими и противопоставлял социалистический сектор общества частному.*

---

* Иностранные наблюдатели обычно называют государственные предприятия «государственно-капиталистическими» и соответственно всю советскую экономику в годы пятилетки государственным капитализмом. Мы считаем эти ярлыки обманчивыми, так как получение прибыли ни в коей мере не движущая сила советской системы. Причина, почему они не хотят применять термина «социалистические» к русским государственным предприятиям, та, что они не имеют горького опыта натурального социализма в своих странах и предпочитают думать о социализме как «естественной» экономической системе. И так как со времени введения НЭП русская система действует на денежной основе, они не решаются назвать ее социалистической.

Но есть другая интересная психологическая причина, почему иностранные наблюдатели, даже допускающие, что в России строят социализм, никогда не признают, что он уже построен. Средний европеец, хороший буржуазный политик у себя дома, еще думает о социализме как о воплощении всего хорошего в социальной системе. А так как очевидно, что русские граждане живут отнюдь не на постели из роз, это может значить только, что социализм еще не завершен и, действительно, в советской России есть еще остатки порочного капитализма.

Оба сектора имели формально свободные связи («смычка» по Ленину) на рынке. Всю систему НЭП Ленин рассматривал как серьезный длительный этап. Он считал, что будущее советской экономической жизни зависит от того, кто кого сможет себе подчинить: социалистический сектор частный или наоборот.

Хотя положение малых предприятий никоим образом не было благоприятным в конкуренции с крупными и привилегированными государственными предприятиями, они показали большую живучесть. За сельскохозяйственные и промышленные товары частник всегда был готов платить много более высокую цену, чем государственные торговые организации; более того, мелкая промышленность успешно конкурировала с крупной на рынке материалов. Слабость частного сектора была не экономическая, а политическая, и это позднее решило его судьбу.

Благодаря быстрому изменению курса в области экономики, Ленин смог не делать уступок в области политической. Возникшее во время гражданской войны всемогущество партийных вождей, для которого советская система была просто маской, осталось невредимым. В этом всемогуществе согласно Ленину была реализована «диктатура пролетариата» — институт, который он обычно определял как «власть, не знающую пределов, не ограниченную никакими законами, абсолютно никакими правилами и опирающуюся только на насилие»*. При такой природе государственной власти способность конкурировать в экономике не могла иметь решающего значения для будущего частного предпринимательства. Даже когда в конце 1922 г. был опубликован Гражданский кодекс (очень растяжимый), частный бизнес оставался беззащитным против всемогущей коммунистической власти. Угроза НЭПу была отсюда, и его крах пришел скорее, чем ожидал Ленин.

В конце 1923 г., через два с половиной года после объявления НЭП, стало ясно, что частный бизнес не защищен законом. В партии возникла оппозиция, во главе которой стоял Троцкий — ведущий ум в партии после болезни Ленина. Троцкий признавал экономический прогресс, достигнутый при НЭП. Но он считал, что это грозит будущему социализма. Он указывал, что влияние крестьянства растет и что возникает класс зажиточных крестьян, угрожающий советской власти. Поэтому нужно усилить давление на крестьян. Эта точка зрения противоречила идее союза рабочих и крестьян, на которой согласно обещаниям Ленина должно было быть основано ближайшее будущее советской страны. Оппозиция была подавлена, и Троцкого принудили к молчанию. Но его агитация повлияла на политику партии. В начале 1924 г. большая часть частного капитала, накопленного за три года после объявления НЭП, была изъята. Частную торговлю отстранили от распределения товаров крупной индустрии. Ее место заняли кооперативные общества —громоздкие, но зато под контролем советского правительства. Были приняты меры и против зажиточных крестьян.

---

* Собрание сочинений, изд. 1, т. 7, стр. 124.

Тем не менее прокрестьянские настроения не были преодолены окончательно. В мае 1925 г. на Всесоюзном съезде советов либеральная политика по отношению к крестьянству праздновала самую большую свою победу. Думали, что крестьяне сдадут государству урожай по самым низким ценам и даже пытались примириться с зажиточными крестьянами. Теоретик коммунизма Бухарин воскликнул: «Обогащайтесь!» Как иронизировала оппозиция позднее, в то время верили в мирное врастание кулаков (зажиточных крестьян) в социализм.

«Командные высоты» экономической жизни должны были сформировать фундамент социалистической структуры. Так как государственные предприятия не были капиталистическими, ими нельзя было управлять без плана. Как монополистические организации они стремились требовать очень высокие цены за свою продукцию. Но так как руководство не было заинтересовано в рентабельности своих предприятий, у них не было особых причин добиваться понижения цен. К чему может привести такая позиция, показал серьезный кризис перепроизводства, происшедший в тяжелой промышленности в начале 1924 г., когда ее продукция составляла примерно треть от довоенной. Одной из причин этого кризиса были большие убытки крестьян от инфляции осенью 1923 г. Окончательно стабилизировав денежное обращение в феврале 1925 г., советское правительство устранило эту причину. Но оставалась другая: ненормально высокие цены промтоваров. Так, в октябре 1923 г. индекс в оптовой торговле для промтоваров был 2,757 (в 1913 г. 1,000), а для сельскохозяйственных продуктов он был лишь 0,888. Отношение двух индексов было от 3 до 10. При таком положении крестьяне стремились иметь дело не с крупной промышленностью, а с мелкими частными фирмами, а если те не могли поставлять нужных товаров, их хозяйство оставалось автаркическим. Нельзя было ожидать, что неуклюжая национализированная индустрия сколько-нибудь значительно снизит цены. Советское правительство должно было вмешаться. И оно преуспело, снизив цены на промтовары на 31,2% с 1 апреля 1924 г. до 1 июля 1925 г.* Правительство надеялось, что с быстрым ростом выпуска продукции цены ее упадут, и эта надежда в значительной мере оправдалась. Похожие случаи ясно доказали, что монополистическим государственным предприятиям необходимо руководство сверху. Правительство должно наблюдать за ними, диктовать продажные цены и заставлять их снижать издержки производства.

В то время, как буржуазные правительства ограничивались планированием бюджета, советское правительство было приучено утверждать массу планов для наиболее важных отраслей хозяйства, т. е. для тяжелой промышленности, транспорта, внешней торговли, закупок сельскохозяйственных продуктов и т. д. Госплан, учрежденный при СТО в феврале 1921 г. накануне введения НЭП, — занимался подготовкой этих планов. Так необходимо возникла идея общего генерального плана, без которого отдельные планы могли прийти в противоречие друг с другом.

---

* «Десять лет внутренней торговли в СССР». Наркомторг, 1928, стр. 79.

НЭП никак не решал проблемы генерального экономического плана. Напротив, он создал условия, при которых задача более чем когда-либо могла быть возложена на агентов партии. В период военного коммунизма много говорили о генеральном плане, но не было серьезной попытки его выработать. Причиной было то, что подготовка хорошо обдуманного плана требует прежде всего подходящего баланса в денежных терминах. Идея генерального плана в безденежной экономической системе внутренне противоречива: невозможно получить ясную оценку такой системы и потому невозможно сделать для нее план. В первые три года после введения НЭП генерального плана не могло быть просто потому, что не было стабильных денег. Проблема генерального экономического плана стала реальной лишь после февраля 1924 г., когда денежное обращение привели в порядок. Летом 1925 г. Госплан опубликовал в первый раз набросок генерального экономического плана: название было «Контрольные цифры Госплана СССР на 1925 — 26 г.» (в то время хозяйственный год считался с 1 октября по 30 сентября). Это событие имело решающее значение дальнейшего развития для советской экономики.

Госплан, в котором главную роль играли беспартийные специалисты, ставил перед собой скромную цель. Контрольные цифры не заменяли планов отдельных отраслей, но те должны были считаться с ними, подготовляя свои планы, чтобы избежать противоречий с основной линией развития. В принципе целью контрольных цифр было предсказать развитие частной торговли — особенно в крестьянском сельском хозяйстве, — прогресс которого Госплан не хотел прерывать. Из этих предсказаний администрация национализированных предприятий получала указания, которым должна была не повиноваться слепо, а приспосабливаться к условиям рынка. Поддерживать на рынке равновесие предложения и спроса и оберегать свободные рыночные связи социалистического сектора с частным — это Госплан считал главной задачей экономической администрации.

Партия ставила целью быстрое восстановление и расширение индустрии и давила на Госплан. Средства должно было дать крестьянство. Крестьяне должны были обильно и дешево снабжать промышленных рабочих едой, а фабрики сырьем. Кроме того, они должны были сдавать излишки продуктов, особенно зерна, для экспорта, так как для восстановления промышленности был необходим большой импорт машин и сырья. Основываясь на опыте 1923—24 г., когда денежное обращение еще не было стабилизировано, плановая комиссия сильно переоценивала возможность добыть зерно по дешевке. В 1923—24 г. советское правительство смогло скупить у крестьян по ценам в 2—3 раза ниже довоенных столько зерна, что с большой выгодой экспортировало 2,7 млн. тонн, полностью удовлетворив скромные еще запросы внутреннего рынка. Правда, в 1924—25 г. правительство не смогло повторить, как надеялось, дешевых закупок и большого экспорта зерна. Это сочли случайностью и приписали плохому урожаю 1924 г. В 1925 г. ожидался большой урожай, и Госплан ожидал, что на рынке повторится ситуация 1923—24 г. Государственные торговые организации были готовы скупать у крестьян зерно по ценам ниже довоенных.

Вследствие большого прогресса свободной торговли эти надежды не оправдались. Торговые организации были вынуждены покупать зерно по ценам выше довоенных (индекс 118,9; 1913 г. = 100).* Вместо 13 млн. тонн, как было запланировано, смогли закупить лишь 9,6 млн. и экспортировать смогли вместо 5—6 млн. тонн лишь 2,1 млн. — меньше, чем в 1923—24 г. Хотя мощные государственные организации давили на зерновой рынок, их монопольный контроль был недостаточен, чтобы диктовать цены крестьянам. Даже при таких ценах они получали примерно на 40% меньше, чем до войны в переводе на промтовары**.

Частичный провал на зерновом рынке создал советскому правительству серьезные трудности. Левая оппозиция в партии снова усилилась. Вся ленинская старая гвардия интеллектуалов пришла к соглашению с Троцким. Оппозиция была сокрушена генеральным секретарем партии Сталиным, все больше бравшим партию под свой единоличный контроль; позднее, в декабре 1927 г., лидер оппозиции был исключен из партии на 15-м партсъезде. Но постепенно Сталин сделал программу оппозиции своей собственной.

Частичный провал плана 1925—26 г. не поколебал веры партии в плановую экономику, даже не привел к выводу, что планы нужно составлять осторожнее и нельзя выставлять таких жестких требований к крестьянству. Контрольные цифры появились через год после лета 1925 г. Они были выработаны более тщательно, так что 1927—28 и 1928—29 гг. (первый год пятилетки) дают самое важное свидетельство о характере советской экономики. Обязывающее значение контрольных цифр для администрации подчеркивалось все больше, и утверждение планов отдельных отраслей было окончательно оставлено. После восстановления старой промышленности целью плановой экономики было объявлено создание новой тяжелой индустрии. Тем не менее авторы контрольных цифр пытались поддерживать формально свободную связь между частным и социалистическим сектором; они еще верили, что самая важная задача экономического планирования — оберегать на рынке равновесие спроса и предложения.

Усилия плановой комиссии были тщетны: требования к крестьянам были много выше, чем можно было удовлетворить, и советское правительство со своей стороны не было заинтересовано оберегать бизнес на свободном рынке. Оно поняло, что пока есть частная торговля, «плановые» цены навязать невозможно, и решило ее устранить. Прежде всего административными мерами устранили частный капитал из межрайонной торговли зерном. Правительство стремилось вытеснить частного торговца из всех областей торговли деспотичными налогами и конфискациями. Затем под тем или иным предлогом было закрыто большинство мелких предприятий, конкурировавших с крупной промышленностью из-за сырья. Эти меры достигли цели, поскольку правительство смогло навязать предопределенные цены. Индекс цен на зерно, закупаемое государственными организациями, упал с 118,9 в 1925—26 г. до 105,8 в 1926—27 г. Но в то же время рынок потерял привлекательность для крестьянина. Хотя восстановление зерновых площадей продолжалось в возрастающем темпе и в 1926 г. и хотя урожай 1926 г. был высоким, доля зерна, доставленного на рынок в 1924—25, 1925—26 и 1926—27 гг., колебалась между 14 и 15%, тогда как до войны она достигала 22,8*, так что никакого прогресса не видно. Крестьяне запасали зерно или скармливали скоту; частная торговля еще играла важную роль на рынке животных продуктов, и государственные организации вынуждены были платить за них высокие цены (индекс 163,1). В 1926—27 г. было вывезено лишь 2,25 млн. тонн зерна — снова меньше, чем в 1923—24 г.

Большие вложения в промышленность — до миллиарда рублей — и рост денежного обращения на 25% (с 1343,3 млн. руб. на 1 октября 1925 г. до 1670,8 млн. руб. на 1 октября 1927 г.; до войны на большей территории обращалось лишь 1,7 млрд. рублей) привели советское государство к инфляции — пока мягкой. Вместе с регулированием цен и относительно высокой зарплатой рабочих (в 1926—27 г. довоенные ставки были превзойдены) инфляция привела к недостатку промтоваров в сельских местностях и возрастающему нежеланию крестьян продавать продукты. Советское правительство, со своей стороны, пыталось изъять эти продукты силой.

В обзоре экономического развития за 1926—27 г. Институт конъюнктуры предупредил об этой опасности. «Попытка преодолеть нелепости рынка и товарно-денежного обращения внеэкономическими методами, — пишет Институт, — приведет в своем логическом развитии к экономическим методам военного коммунизма со всеми характерными последствиями»**.

Институт указал также на возрождение вызванного военным коммунизмом движения «мешочников» на юг в поисках «белой муки»; незаконную торговлю товарами, чьи цены фиксированы; продажу дефицитных товаров в магазинах специальными порциями по карточкам членов кооператива или удостоверениям «ответственных работников» (привилегированных коммунистов), а не обычным порядком всем покупателям; частичную оплату некоторых скупаемых видов сырья товарами и т. д. «Это, — продолжает Институт, — может привести к падению производительности деревни и резкому уменьшению ходкой части сельскохозяйственных продуктов».

В то время память о страшных годах военного коммунизма была еще свежа, и предупреждения Института вызвали в партии бурю

---

* Хозяйственный бюллетень Института конъюнктуры, ноябрь-декабрь 1927, стр. 54.

** Десять лет внутренней торговли, стр. 108—110.

* Хозяйственный бюллетень Института конъюнктуры, 1927, № 11—12, стр. 52. Процент согласно «Исследованию социалистического восстановления сельского хозяйства». Материал для исследования в наркомате рабоче-крестьянской инспекции. Под редакцией Г. А. Яковлева. 1928, стр. 15.

** См. выше, стр. 15.

возмущения. Из-за этого обзора Институт был закрыт, но его предвидения скоро оправдались.

События пошли, как было описано. В 1927 г. ожесточившиеся преследования крестьян привели зерновое земледелие почти к застою, а урожай после двух благоприятных лет был посредственный. Благодаря уничтожению частной торговли в стране появились «торговые пустыни». Крестьяне не хотели продавать зерно по низким ценам, чтобы копить бумажные деньги, которым никто не доверял. Между тем правительство, разрушив частную торговлю зерном, взяло на себя всю ответственность за прокорм населения. Так, в январе 1928 г. оно было принуждено к далеко идущему решению: закрыть рынки и вернуться к насильственному изъятию зерна и некоторых видов сырья. Последний столп системы НЭП был обрушен.

Значение происшедшего еще не было ясно советскому правительству. Оно рассматривало это как изолированный эпизод и попыталось оживить свободную скупку зерна. Но так как во всем остальном принципы экономической политики не изменились, получить большое количество сельскохозяйственных продуктов от крестьян по фиксированным ценам было невозможно. Между свободными и фиксированными ценами открылась неперекрываемая мостом бездна. Система НЭП была мертва. Советское государство не могло повернуть назад: перед ним стояла задача выполнить план пятилетки.

Так еще прежде, чем пятилетка вошла в силу, первые попытки планирования привели к частичному разрушению частных форм экономической жизни и оживлению насильственного изъятия сельскохозяйственных продуктов. Планируемая экономика явно превращалась в принудительную.

2. СУЩНОСТЬ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Развитие планирования необходимо привело к идее составить план более чем на один год.

Таким путем думали достичь больших целей. Первая наметка пятилетки была закончена в марте 1927 г., но рассмотрение его длилось более двух лет, так что его утвердили лишь 28 мая 1929 г. на Всесоюзном съезде советов в середине большого праздника*. Он должен был действовать с 1 октября 1928 г. в течение пяти лет с 1928—29 по 1932—33 гг. включительно, и при выработке контрольных цифр на 1928—1929 гг. план был учтен.

Во время подготовки пятилетнего плана произошли важные изменения настроений в партии. Непосредственная задача построения социализма в стране была поставлена на повестку дня партии, и это необходимо повлияло на характер планирования. До сих пор контрольные цифры основывались на скорости развития разных отраслей промышленности в предыдущие годы, будущие скорости выводились

* Пятилетний план народнохозяйственного строительства, т. 1; т. 2, ч. 1 и 2; т. 3.

из прошлых. Это описывалось как «генетический» метод или метод «экстраполяции». Хотя члены Госплана были убежденными противниками «силовой» экономики, планирование тем не менее разрушило свободное взаимодействие социалистического и частного секторов в экономической жизни. Беспартийные специалисты считали возвращение к силовым методам чрезвычайно опасным, поэтому они считали принятие пятилетки несвоевременным.

Но в противоположность «генетической» в Госплане постепенно возникла «телеологическая» школа. Она считала себя представляющей ортодоксальный коммунизм и потому пользовалась поддержкой правительства. Согласно «телеологам» русский пролетариат своей социальной революцией уже совершил прыжок из рабства необходимости в свободу. Советская экономика может развиваться в темпе, исключенном для капитализма. Не нужно обращать много внимания на прошлое. Нужно поставить себе большую цель и искать путей ее достичь. Настроения коммунистических политэкономистов прекрасно выразил Струмилин, игравший главную роль в окончательном составлении пятилетнего плана: «Искусство планирования не мирится со старым миром. Его цель не познать этот мир, но изменить его. Оно активно создает для себя новый мир».*

Осторожность специалистов была с презрением отвергнута.

«Под влиянием трудностей, — сказано в предисловии к пятилетнему плану**, — многие склонялись к вопросу, подходящий ли сейчас момент для введения долголетнего плана. Наши оппоненты постоянно ссылаются на специфические противоречия между грандиозностью наших задач производства и строительства и характером нынешних экономических трудностей... Но преодоление наших трудностей, которые следует рассматривать как фазы на пути строительства, возможно лишь путем непоколебимого выполнения стоящих перед нами планов, большого труда и социалистического наступления на широком фронте».

Хотя обойтись без содействия беспартийных специалистов было невозможно (работа была слишком сложна), на них было оказано сильное давление, чтобы обеспечить расширение плана***. Более того, Съезд советов утвердил не более взвешенный «вводный план», а более или менее надуманный «оптимальный», основанный на ряде неоправданных допущений — например, отсутствие потерь урожая в течение

* Теория планирования в журнале «Плановое хозяйство», 1928, т. 1, стр. 124.

** Пятилетний план.., т. 1, стр. 6—7.

*** Моральные условия, при которых они работали, ясны из замечания коммуниста Струмилина: «Безусловно, я мог бы, надавив как следует на спецов, заставить их отбросить всякую осторожность. Но едва ли была полезна такая нагрузка на «гражданское» мужество этих спецов, предпочитавших оправдывание в кулуарах увеличения норм строительства без повышения зарплаты сидению в тюрьме из-за того, что их темпы были слишком низкими». (Плановое хозяйство, 1929, т. 1, стр. 109).

пяти лет. Несмотря на это, пятилетку нельзя рассматривать как результат чисто коммунистических усилий: это был результат содействия лучших умов России. Были широко использованы многочисленные исследования, выполненные еще до войны Императорским русским техническим обществом под руководством известных специалистов В. И. Ковалевского и проф. Л. И. Лутугина.

Главные цели пятилетки были выдвинуты уже в «контрольных цифрах». Теперь, однако, развитие пошло с несравненно большей скоростью. Цели определялись не только экономическими, но в значительной степени и политическими соображениями. Количественно, если не качественно, русская тяжелая промышленность была восстановлена в начале пятилетки (хотя были большие изменения в ее структуре). С другой стороны, из-за принудительных методов в сельском хозяйстве была заметная деградация; в начале пятилетки оно не было восстановлено ни количественно, ни качественно. Так как население к началу пятилетки увеличилось примерно на 10% по сравнению с довоенным, создалась опасность, с которой нужно было считаться в первую очередь. Благодаря перенаселению сельских местностей центральной России идея индустриализации не противоречила интересам сельского хозяйства. Эти области не могли пострадать от ухода с земли миллионов людей; напротив, такая эмиграция лучше обеспечивала их нормальное развитие. Но когда сельское хозяйство приходило в упадок, было бы правильно в первую очередь обратить внимание на его восстановление. Такова была точка зрения беспартийных спецов, поддерживаемая некоторыми коммунистическими лидерами. Но такая политика противоречила настроениям, доминировавшим в партии. Центральным пунктом пятилетки было расширение национализированной крупной промышленности. Оно должно было идти быстрыми шагами во всех районах, даже самых удаленных и отсталых, чтобы всюду мог возникнуть рабочий класс — опора диктатуры пролетариата. Пятилетка рассматривалась также как оружие в войне против капиталистического мира. «Исходный пункт пятилетнего плана развития производительных сил СССР — грандиозная задача перегнать и превзойти в ближайший исторический период передовые капиталистические страны и обеспечить победу социалистической экономики в ее историческом состязании с капиталистической»*. Это состязание не думали вести мирными методами, поэтому главной задачей плана было развитие не сельского хозяйства или легкой промышленности, продукция которой могла быть немедленно использована в сельском хозяйстве, а тяжелой промышленности. Из вложений в индустрию 78% шли на производство средств производства. Расширение металлургической и химической промышленности обеспечило вооружение СССР. Особое внимание было уделено развитию машиностроения: чтобы сделать СССР абсолютно независимым от капиталистического мира, даже самые сложные машины должны были производиться в стране.

---

* Пятилетний план.., т. 1, стр. 13.

Расширение индустрии не должно было увеличивать ее зависимости от главного источника угля — Донбасса. Самое большое внимание было уделено водным источникам энергии и эксплуатации новых угольных бассейнов, угля более низкого качества и залежей торфа. Были заложены в широком масштабе основы новой металлургической промышленности, защищенной с военной точки зрения; это должно было быть достигнуто объединением грандиозных залежей руды на Южном Урале (Магнитогорск) с огромным угольным бассейном в Западной Сибири (Кузнецк). Эти районы отстояли на 2400 км один от другого.

Авторам пятилетки была ясна опасность такого одностороннего развития. Они не хотели пренебрегать другими отраслями промышленности. Производство средств производства (группа А) по планам Госплана должно было возрасти за пять лет на 211%, а легкая промышленность (группа Б) — на 132%. В то же время надеялись получить прирост сельхозпродукции на 55%. Новое социалистическое сельское хозяйство должно было развиваться в совхозах и колхозах. Крестьяне должны были быть коллективизированы добровольно, насколько было возможно снабдить их тракторами и машинами; накануне пятилетки должны были быть коллективизированы 13,6% крестьянских хозяйств. Ожидалось, что в последний год пятилетки 25% сельхозпродуктов и 42% товарного зерна будет получено от социалистических хозяйств. Зависимость рынка от крестьянского хозяйства будет сильно уменьшена.

Центральный вопрос был, как достать необходимое для всех экономических преобразований огромное количество капитала. Согласно расчетам Госплана весь капитал русской экономической системы — основной и оборотный — составлял в 1928—29 г. 84,8 млрд. руб. в ценах 1927—28 г., тогда как в 1932—33 г. он должен был составлять 161,4 млрд. руб., так что новые капиталовложения должны были составить 76,4 млрд. руб. в ценах 1927—28 г. — 90% от старого капитала. Пятилетка не была рассчитана на иностранные кредиты, значит, этот огромный капитал надо было сберечь из текущих доходов. Здесь, по мнению Госплана, начинается чудо планирования. Искусное «удобрение» труда капиталом и перенесение самых последних достижений техники западных стран и особенно Америки на русскую почву должно удвоить национальный доход (точнее, он вырастет на 104,1%)*. Во всех областях экономической жизни будет огромный прогресс. Культивированные земли увеличатся на 20%, продукция на единицу земли возрастет: зерна на четверть, шерсти на треть, льна больше, чем наполовину, и т. д. За пять лет стоимость промышленной продукции уменьшится на 35%. Особенное значение имеет уменьшение строительного индекса на 41,3%. Строительство будет стоить много дешевле, чем было в стабильных ценах. Благодаря быстрому увеличению национального дохода будет возможно вкладывать 30,5% его, не требуя никаких жертв от населения**; напротив, доля дохода населе-

---

* Пятилетний план.., т. 1, стр. 145.

** Там же, т. 2, ч. 2, стр. 38.

ния как города, так и деревни, вырастет за пять лет на две трети на душу.

Беспартийным спецам, сотрудничавшим при подготовке пятилетки, было ясно, что план выработан на основе не натуральной, а денежной экономии. Нужно проявлять осторожность в отношении выпуска денег. 1 октября 1928 г. их было около 2 млрд. руб. (1,97). За пять лет выпуск должен был достичь 1,25 млрд. руб. и количество денег увеличиться только на 63%. Ввиду значительного увеличения товарооборота цена денег должна возрастать; через пять лет оптовый индекс должен снизиться на 17,6%, а индекс стоимости жизни — на 22%.

Проблема рыночного равновесия не забыта. «Товарный голод» должен быть полностью преодолен за два года. Благодаря большому росту сельхозпродукции крестьянин будет рад вывезти свои товары на рынок. Чтобы его поощрить, «ножницы» должны быть значительно уменьшены, оптовый индекс для промтоваров снижен на 22,9%, а розничный лишь на 5,4%. Чтобы обеспечить снабжение сельхозпродуктами, они заранее законтрактовываются: крестьянин в своей работе получает от государства определенные льготы, соглашаясь доставить осенью определенное количество продуктов по фиксированной цене. Частный торговец не был полностью устранен из розничной торговли, но его участие было сильно ограничено: в 1927—28 г. его оборот достигал 25% от всей суммы, а в 1932—33 г. только 8,9%.

В итоге авторы пятилетки были убеждены, что так или иначе смогут поддержать на рынках равновесие предложения и спроса. «В наших проектировках, — писали они, — имеются достаточные резервы и в плановой системе достаточные рычаги, чтобы, не меняя основных контуров плана, ввести необходимые частичные поправки, если они будут безусловно необходимы, и чтобы в конце концов обеспечить рыночное равновесие»*.

Так как весь план был построен на экономии денег, то большое внимание было уделено его финансированию. Самым главным было финансирование вложений. Они достигали 74,2 млрд. руб. в ценах текущего года**. Из этой суммы 51,1 млрд. руб. были в социализированном секторе***. Таким образом, 23,1 млрд. руб., или 31% от всей суммы должен был быть обеспечен частным сектором — в основном крестьянскими продуктами. А как решить эту трудную задачу, авторов плана не сильно заботило. Из 51,1 млрд. руб., вкладываемых в социализированный сектор, 31,5 млрд. — 62% — должны прийти от доходов (23,3 млрд. руб.) и амортизационных фондов (8,2 млрд.) самих государственных предприятий (кстати, можно заметить, что значительная часть доходов накоплялась в казне и перераспределялась ею). Итак, успех пятилетки зависел прежде всего от того, сумеют ли государст-

* Пятилетний план.., т. 2, ч. 2, стр. 47.
** Там же, т. 1, стр. 127.
*** Там же, т. 2, ч. 2, стр. 52.

венные предприятия, работая экономично и эффективно, реально принести эти большие доходы. Особенно это верно для промышленности, в которую (исключая строительство домов и электрификацию) должны были быть вложены 16,1 млрд. руб., в том числе 15,7 из доходов и амортизационных фондов. Самым важным для финансирования индустрии было снижение на 35% цен ее продукции. Из них только 24% должны были пойти на снижение цен, а 11% накоплены промышленностью как дополнительный доход. Этот дополнительный доход от снижения цен должен был составить 7,8 млрд. руб. — около двух третей всего дохода промышленности.

Финансовый план выполняется через бюджет. Казна претендует на много большую долю национального дохода, чем в буржуазных странах, потому что берет на себя главную ответственность за финансирование национальной экономики. Год за годом государство забирает все большую долю национального дохода — с 24,4% в 1927—28 г. до 31,1% в 1932—33 г. Согласно пятилетке доходы казны — Союза и других политических организаций — должны были составлять 51 млрд. руб.*, из них 28,7 млрд. от налогов, 13 — от доли доходов государственных предприятий, накопляемой в казне, 6,9 шт. иностранных займов и т. д. Характерная черта социалистического бюджета: 25,6 млрд. руб. — около половины — отводится на финансирование национальной экономики.

Но социалистическое государство не может удовлетвориться разработкой бюджета. Если общий план достигает цели, то правильно управлять бюджетом еще недостаточно; вся жизнь народа должна быть подчинена плану. Полное использование доходов, остающихся от государственных предприятий, деятельность кооперативов, кредитная система, социальное страхование — все должно быть под контролем. Коммунистическое общество предполагает такой контроль, чтобы не позволить никаким частным или групповым интересам прийти в конфликт со всемогущим государством. Это было целью общего финансового плана. Он включал 86 млрд. руб. — около половины национального дохода.

Пятилетка была задумана на базе денежной экономики, так как даже социалистический план невозможно задумать иначе. Натуральное распределение товаров невозможно.

* Пятилетний план, т. 2, ч. 2, стр. 387.

3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ПЯТИЛЕТКИ*

А. Эволюция советской экономики и завершенный социализм

Пятилетка сперва не была принята всерьез за рубежом. Ее считали агитацией, попыткой заставить людей работать. Этот скептицизм заходил слишком далеко, и когда оказалось, что в советской России действительно многое было сделано, чтобы выполнить требования

* В противоположность НЭП, когда было изобилие русской экономической литературы, исследование русской экономики в годы пятилеток затруднено недостатком и ненадежностью самых существенных материалов. Институт конъюнктуры был закрыт, когда план вступил в силу; Госплан полностью «очистили» от беспартийных спецов, и его ежемесячные обзоры прекратились в 1930 г. Последние статистические данные Госплана, появившиеся в виде книги в 1929—30 г., явно менее ценны, чем предыдущие выпуски. Центральное статистическое управление (ЦСУ), ранее самостоятельное, было в январе 1930 г. подчинено Госплану и «очищено» от лучших беспартийных спецов. Статистики теперь должны были по приказу «играть практическую роль в войне коммунизма против капитализма». В результате увольнения беспартийных спецов большинства экономических журналов не стало. Немногие сохранившиеся выходили нерегулярно и содержали главным образом полемические статьи против правого и левого «уклонов» или «вредителей». Даже ортодоксальные коммунисты не могли высказать независимого мнения без риска быть обвиненными в уклонении от «генеральной линии». В единственной книге по статистике всей системы, опубликованной в годы пятилетки, среди прочего нет ни слова о ценах, заработной плате или денежном обращении. Обзор Госплана, изданный в 1933 г. («Результаты завершения пятилетнего плана экономического развития в СССР»), молчит о важнейших фактах и носит характер вульгарного агитационного памфлета (см. мой обзор «Завершение пятилетки», описанное официально в Der deutsche Volkswirt. 12 января 1934 г.). Создается впечатление, что советское правительство препятствует всякой проверке экспертами своей подстрекательской литературы.

Изучающий советскую экономику должен обратиться к докладам партийных вождей на бесчисленных собраниях перед Новым Годом. Однако лучший источник информации — газеты. Там можно найти среди кучи спутанных подстрекательских материалов ценную информацию и обзоры. Понятно, материалы из этих источников нужно использовать с осторожностью.

Трудоемкая задача сбора разрозненных материалов, их сравнения и проверка терпеливо и аккуратно выполнена Экономическим кабинетом проф. С. Н. Прокоповича в Праге. Ежемесячные бюллетени, выпускаемые этим кабинетом на русском языке, весьма полезны каждому, изучающему русскую экономику. Более претенциозную попытку систематического анализа доступных материалов сделал кабинет Исследования русской экономики при Бирмингемском университете. К сожалению, вышли только 8 томов его Записок (май 1931 — декабрь 1932). Очень ценное собрание и компетентный обзор большого количества материалов содержится в очерке Die Bilanz des ersten Fuenfjahrplanes der Sowietwirtschaft проф. д-ра Отто Аухагена, бывшего германского посла в Москве (Институт Восточной Европы в Бреславле, Источники и исследования, раздел Хозяйство, Новая серия, ч. 12, стр. 75). Но исследование экономического развития в годы пятилетки возможно лишь в общих чертах, так как в настоящее время в нужных нам материалах слишком много «белых пятен».

плана, скептицизм уступил место удивлению, а в некоторых кругах и восхищению. Но полный скептицизм, как и неумеренный энтузиазм, не оправдан. Только в одном отношении позиция скептиков обоснована: сразу было ясно, что упомянутые выше огромные расходы средств несовместимы с одновременным повышением жизненного уровня. В то же время не следует забывать, что коммунистическое государство, свободно распоряжающееся всеми ресурсами и покоящееся на абсолютной диктатуре — самое сильное в мире, тогда как его безгласные граждане — самые беспомощные из всех народов. Когда стало ясно, что обеих целей невозможно достичь одновременно, коммунистическое государство смогло не только забыть о повышении уровня жизни, но и снизить его в размерах, недоступных для любого буржуазного государства. Ибо в буржуазном государстве экономическая система живет по своим законам, с которыми правительство должно считаться; более того, даже автократическое буржуазное государство вынуждено считаться с настроениями народа.

Основой пятилетки были огромные капиталовложения и огромный прогресс, которого должны были достичь не только национализированные, но и частные предприятия. Быстрое развитие крестьянского сельского хозяйства имело жизненное значение. Но в этой сфере внезапный рост невозможен даже при самых благоприятных обстоятельствах. Сельское хозяйство, особенно крестьянское, может прогрессировать только сравнительно медленно и в благоприятных условиях. Не может быть речи о прогрессе, когда крестьяне, достигшие минимального успеха, подвергаются преследованиям. В 1928 г. впервые после 1922 г. уменьшились площади посева зерновых. Было засеяно на 2,2 млн. га меньше (97,1 млн. га в 1927 г. против 94,9 млн. га в 1928 г.), а урожай был снят с площади, меньшей на 4,3 млн. га (96,4 млн. га в 1927 г. против 92,1 млн. га в 1928 г.)*. Скорость роста поголовья скота тоже была много ниже. Правительство осознало последствия этого упадка сельского хозяйства в первый год пятилетки. В 1928 г. экспорт зерна не был выполнен, и идея основать очень быстрый рост экономики на базе крестьянского сельского хозяйства стала под открытую угрозу.

Но даже на социализированных предприятиях пятилетка сразу встретила большие трудности. Ее выполнение предполагало высокое качество труда. Планы строительства заводов должны были выполняться качественно и вовремя, рационализация должна была проводиться, не прерывая их работы ни на момент, колоссальное оборудование должно было быть установлено без задержек, должны были быть применены самые новейшие технические достижения. Только при этих условиях можно было достичь экономии, делающей возможными большие инвестиции.

Но были ли оправданы надежды на высокое качество советского труда? За 11 лет до начала пятилетки советская система не доказала преимущества своей организации над русским капитализмом. Даже до

* Согласно Контрольным цифрам за 1929—30 г., стр. 528.

пятилетки, когда новые заводы строились в совсем скромном масштабе, нельзя было сказать, что строительство велось хорошо. Оно было медленным, дорогим, и результаты часто были далеко не удовлетворительными*. В советской России не было достаточного костяка специалистов и высококвалифицированных рабочих, чтобы выполнить строительные задания пятилетки, и это лишь частично могло быть восполнено помощью из-за границы. В результате работы в значительной мере выполнялись без законченных планов. 1 апреля 1930 г. только половина (51%) строительных проектов имели одобренные планы. 1/6 (17%) имела черновые планы и 1/3 (32%) не имела их вовсе**. «Мы тратим огромные суммы, — сказал Орджоникидзе, тогда глава рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), высшей контрольной власти в стране, на съезде директоров заводов в начале 1931 г., — но мы не знаем точно выполненного объема работ... Как правило, оценок нет. Мы строим чохом... В результате растет стоимость строительства, избыток рабочих и т. д.»***. Такого рода строительства уже достаточно, чтобы вызвать серьезный провал в финансовом плане.

Никакого качественного прогресса нельзя было ожидать не только в строительстве, то же было справедливо и для производства. До пятилетки не было заметно никаких выгод социалистического метода производства. «Контрольные цифры 1928—29 г.» (стр. 26) грустно отмечают: «...использование топлива, сырья и машин остается много ниже довоенного почти для всей промышленности (за отдельными исключениями)». Соответственно в 1927—28 г., когда инфляция ощущалась еще слабо, главный индекс цен был 185 (1913 г. = 100)****. А качество продукции социалистической промышленности было ниже, чем прежней капиталистической.

Согласно пятилетке быстрый рост продукции должен был быть достигнут не только вводом новых и расширением старых заводов, но и более интенсивной работой последних. Введением двух- и трехсменной работы и отменой общего свободного дня пытались заставить заводы работать непрерывно. Большие надежды возлагались на применение новейшей техники. Однако абсолютная зависимость от техники оказалась ошибкой. Работать на сложных машинах было труднее, чем их установить. На новых заводах так называемые «болезни роста» тянулись годами. Сложные машины изнашивались и ломались с фантастической скоростью. Новые заводы с ультрасовременным оборудованием часто производили товары хуже, чем старые, а стоимость их была выше. Новую технику нельзя механически перенести на чужую почву. Именно здесь необходим отбор, учитывающий специфические

* См. мою статью «Русская индустрия и специалисты» (Der deutsche Vilkswirt, 29 июня, 1928, стр. 1338—1339).

** А. Мендельсон. Конъюнктура в экономической системе СССР в первом полугодии 1929—30 (Плановое хозяйство, 1930, № 5, стр. 217).

*** Известия от 1 февраля 1931 г.

**** Пятилетний план.., т. 2, ч. 2, стр. 433.

русские условия. Более того, преувеличенные темпы, в которых все делалось, создавали большие трудности. Заводы были заполнены совсем необученными рабочими, не умевшими обращаться со сложными машинами.

Директора заводов, столкнувшись с двойной задачей выпускать больше товаров по более низким ценам, пытались сначала справиться с первой частью проблемы, ибо легче контролировать количество продукции. Согласно советской статистике производительность в первый год пятилетки превзошла предусмотренную планом. Однако цены были высокие; несмотря на все ухищрения отчетность не могла обнаружить их снижения.

Более того, расчет цен базировался на фикции, что качество товаров осталось прежним. В действительности количественный успех был достигнут стандартизацией товаров, удобной для производителя, но никак не удовлетворявший потребителя, а также систематическим снижением качества, выродившегося в массовую продукцию «ширпотреба». Количественный рост совокупности произведенных товаров никак не представлял роста их полезной ценности*.

Так вначале советское государство столкнулось с фактом, что строительство стоит дороже, чем предполагал план, и социалистическое производство неспособно дать средства для инвестиций. Осталось два выхода: урезать либо инвестиции, либо потребление населения. Государство не было одинаково заинтересовано во всех инвестициях. Оно отказалось от многих вложений, запланированных пятилеткой для легкой промышленности, транспорта и т. д. Но в отношении сущности пятилетки — электростанций, металлургии, машиностроения — оно не пошло на уступки, напротив, на 16-м партсъезде в июне-июле 1930 г. планы в этом направлении было решено расширить. Решение было продиктовано отчасти военными соображениями, отчасти стремлением быстро механизировать сельское хозяйство — новая задача партийных функционеров в то время. Согласно плану производство железных болванок должно было вырасти с 3,33 в 1927—28 г. до 10 млн. тонн с соответствующим увеличением производства стали и проката. Уже было ясно, что такой рост невозможен. Тем не менее съезд решил увеличить производство болванок до 17 млн. т. Более того, было подчеркнуто вдвое-втрое большее, чем по плану, расширение Магнитогорско-Кузнецкого комбината, и это было именно развитие металлургии на востоке, наиболее дорогое и трудное. Может быть, эти грандиозные планы были невыполнимы, но их нельзя рассматривать как безобидные мечты: мероприятия советского правительства были с ними согласованы.

Итак, планы вложений были обновлены, но они оставались очень напряженными и стали еще напряженнее вследствие решения съезда завершить пятилетку в четыре года. Позднее время было продлено на

* См. мой очерк «Пятилетний план и его выполнение». Weltwirtschaftliche Vortaege und Abhandlungen. Изд. д-ра Эрнста Шульца, Deutsche Wissenschaftliche Buchhandlung, Leipzig, 1932, стр. 32—35.

3 месяца: был добавлен четвертьгодовой план с октября до декабря 1930 г., и хозяйственный год отложен на 1 января. Обрезанная пятилетка должна была окончиться 1 января 1933 г., а не 1 октября, как намеревались раньше. При таких обстоятельствах фонды для больших вложений можно было получить, только урезая потребление населения. Естественно, такое решение никогда не формулировалось явно, но вся экономическая политика советского правительства к этому неизбежно вела*.

Финансирование вложений должно было идти теперь путем, совсем не предусмотренным в плане. Выход можно было искать в повышении продажных цен промтоваров. Но такой путь только отчасти был открыт для социалистической плановой экономики. Не было смысла повышать цены средств производства, так как за них государственная промышленность в конечном счете сама и должна платить. Лишь до определенного предела можно было удерживать цены потребительских товаров. По плану цены промтоваров должны были уменьшиться на 23%. Однако об этом не могло быть речи. Наоборот, цены потребительских товаров по нескольким причинам значительно выросли. Чтобы скрыть уменьшение реальной зарплаты, публикация цен и индексов была прекращена**. Потребители тем сильнее чувствовали повышение цен, что товары были все более стандартизованные и менее ценные.

Несмотря на подъем фиксированных цен на потребительские товары и возросшую долю товаров, проданных в «коммерческих магазинах», прибыль легкой промышленности не могла возместить убытков тяжелой. Величину этих убытков можно видеть из следующих случайно опубликованных цифр. В 1932 г. продажные цены для шахт и железных дорог были соответственно 104 и 112 рублей за тонну, а себестоимость их была 187 и 192 рубля за тонну. Субсидии, требуемые металлургической промышленностью, получавшей плату от государства, составили в 1932 г. 450 млн. руб.*** По плану промышленность должна была дать за пять лет 12 млрд. руб. чистой прибыли. На деле за укороченный период дала 5,6 млрд. — неполную половину****. Такое же положение было во всех отраслях социалистической экономической системы. Ни в одном случае не было достигнуто запланированное качество труда или прибыль. Разрывы в финансовом плане, появивши-

---

* «Наша страна, — читаем в Пятилетнем плане (т. 2, стр. 70), — делает беспримерные усилия увеличить свой первоначальный капитал ценой текущих сбережений, сурового режима экономии и жертв сегодняшними нуждами во имя грандиозных исторических задач, стоящих перед нами». Мы видим, что идея форсированного выполнения путем урезания потребления масс была знакома авторам пятилетки вопреки всем их протестам.

** В Результатах первой пятилетки (стр. 178), изданных Госпланом, все ссылки только на зарплату в деньгах — как будто Госплан не имеет понятия о реальной зарплате!

*** За индустриализацию, 17 марта 1933 г.

**** А. Путилов. О проблемах промышленного хозяйства и сбережений (Плановое хозяйство, 1932, № 5, стр. 116).

еся вследствие неполноценного труда, могли быть лишь частично заполнены подъемом цен на потребительские товары.

Другим средством для финансирования экономической системы, доступным правительству, была инфляция, и оно им воспользовалось, хотя в сравнительно скромных размерах. По плану количество денег должно было за пять лет возрасти примерно с 2 до 3,25 млрд. руб., выпуск денег составлял 1,25 млрд. руб. Информации о выпуске денег больше не было. Последний возврат к периоду пятилетки дает количество денег на 1 июля 1932 г. 6,2 млрд. руб. Но так как выпуск денег сильно возрос в конце 1932 г., в конце периода пятилетки количество их было около 7 млрд. руб.* Вместо 1,25 выпуск денег составил 5 млрд. руб. Это было вчетверо больше запланированного, и соответственно количество денег в конце пятилетки было вдвое больше, чем должно было быть. Выпуск был достаточно обширным, чтобы создать определенный беспорядок в денежном хозяйстве, но их не хватало, чтобы возместить потери чистой прибыли.

Причина, почему печатный станок не мог помочь правительству, находится в самой советской системе. В ней противостоят два слоя общества: социалистический и частный. Первый преимущественно индустриальный, второй — сельскохозяйственный (коллективизация не изменила частного характера сельского хозяйства, так как оно не было национализировано). Принципиальной целью правительства было быстрое развитие тяжелой промышленности. И так как этого нельзя было достичь подъемом ее производительности — правительство пожертвовало частным сектором. Но если экономические условия развиваются спонтанно, то инфляционные потери меньше всего порождены крестьянами, потому что именно они распоряжаются необходимыми продуктами. Инфляционные потери порождаются индустрией и промышленными рабочими. Но интересы последних ближе сердцу советского правительства, чем интересы крестьян. Поэтому ясно, что оно не могло позволить инфляции действовать вполне свободно. Оно должно было вмешаться, чтобы переложить потери на крестьян.

Этой цели можно было достичь только одним методом насильственного изъятия сельскохозяйственных продуктов по фиксированным низким ценам. Даже до пятилетки за ранней стадией инфляции следовал возврат к принудительному изъятию сельскохозяйственных продуктов. Когда пятилетка вступила в силу, эти изъятия стали проводиться все более тщательно. Уровень их повышался. Более того, был предложен принцип, согласно которому если крестьянин, имеющий обязательства, остается по его оценке с излишками, он не может продать их частнику (спекулянту), а должен поставить их государственной организации. Если бы крестьянин мог обменять полученные деньги на промтовары по фиксированным ценам, его положение было бы еще сносным, но промтовары поступали в деревню во все меньших количествах. Как уже было при «военном коммунизме», все более высокие обложения привели в прямой экспроприации крестьянства.

---

* Auhagen. Die Bilanz des ersten Fuenfjahrplanes.., стр. 30.

Надомники оказались в аналогичном положении. Они были собраны в кооперативы и поставлены под наблюдение руководящего правления, которому обязаны были продавать свою продукцию по фиксированным низким ценам. Надомники, конкурировавшие с крупной промышленностью из-за сырья, были просто ликвидированы, и это было особенно губительно для крестьянства.

Насильственным изъятием продуктов частного сектора и более всего сельского хозяйства цены на них могли быть удерживаемы в определенных границах и принципы плана могли сохраняться. Но с возрастающим выпуском денег несоответствие между их количеством и фиксированными ценами становилось все более очевидным. Крупные госпредприятия могли рассчитываться в значительной мере, компенсируя друг другу суммы, о которых идет речь, и результат выпуска денег ложился особенно тяжело на рынок потребительских товаров. «Товарный голод», столь характерный для социалистической системы, стал много более острым.

И товары стали дефицитными в абсолютном смысле. Государство разрушило рынок сельхозпродуктов и взяло на себя прокорм населения. Эту трудную задачу нельзя было решить даже с помощью все более тяжелых налогов. Налоги подняли проблемы, которые торговые организации технически не могли преодолеть. Огромные количества полученных сельхозпродуктов — и даже таких долговечных по природе, как зерно, — испортились потому, что никто не знал, что с ними делать*. И мануфактура была совершенно дефицитна. Вследствие индустриализации колоссально возросло городское население. Оно возросло с 32,4 в 1928 г. до 47,4 млн. в 1932 г., т. е. на 15 млн. или 46,3%. Требования городского населения на мануфактуру во много раз больше, чем сельского**. В то же время легкая промышленность развивалась, лишь поскольку заняла место уничтоженной мелкой. Если принять во внимание низкое качество товаров и полное прекращение импорта потребительских товаров, то ясно, что не только сельскохозяйственные, но и промышленные товары должны были стать дефицитными во время пятилетки даже по меркам неизбалованных русских. Но было бы ошибкой рассматривать это как действительную причину «товарного голода». Производство может отстать от нужд народа и в буржуазном обществе, но «товарного голода» там нет даже при инфляции, так как буржуазная экономика всегда поддерживает равновесие предложения и спроса. В такой системе массы могут чувствовать недостаток не товаров, но лишь денег. Иначе обстоит дело при социалистическом плане, где экономические пороки госпредприятий обычно ведут к инфляции. А так как цены сохраняются по возможности стабильные, возникает несоответствие между количеством денег и товаров. Потребителю не хватает не денег, а товаров, чтобы деньги тратить. В социалистической экономике недостаточная производительность ощущается как «товарный голод», а не нехватка денег*.

В таких условиях товары невозможно продавать, остается их распределить. Весной 1929 г., через 6 месяцев после вступления в силу пятилетнего плана, были введены хлебные карточки, а осенью рационирование распространилось на все прод- и промтовары. Последовательно планируемая экономика показала себя последовательной экономикой силы: у населения все отбиралось и распределялось сверху.

Это было верно не только для потребительских товаров, но и для средств производства. Они тоже не могли продаваться, а должны были распределяться. Результатом была новая экономическая организация промышленности. При НЭП все фабрики были собраны в тресты согласно своей линии деятельности и географической ситуации. Тресты были тесно связаны друг с другом, так что определенный рынок развивался даже для средств производства. Но даже до вступления в силу пятилетки, когда планирование стало более важным, внутренние связи рынка перестали играть роль, и над трестами были поставлены синдикаты. Они стали ответственными за снабжение средствами производства многочисленных трестов в отдельных отраслях промышленности и за распределение их продукции. При пятилетке централизация экономических функций шла параллельно с разрушением рынка, и это было окончательно подтверждено резолюцией ЦК партии 5 декабря 1929 г. Согласно этой резолюции все промпредприятия должны были быть собраны по отраслям в промобъединения, функции которых были определены очень широко: планирование продукции, управление капитальным строительством, техническое управление, торговые и закупочные организации, управление коммерческими и финансовыми операциями, трудовые вопросы, обучение и распределение кадров. Так тресты утратили свое значение в пользу промобъединений**. Здесь под другим названием была фактическая реконструкция системы, уже вводившейся в практику при «военном коммунизме»: системы «главкизма», строго централизованного управления промышленностью***.

---

* Из-за огромного налога на урожай зерновых — 22,2 млн. т. — 25%, т. е. около 5,5 млн. т. не было доставлено на железнодорожные станции. Эта доля зерна плохо хранилась или была разворована и никогда не попала по назначению. (Советская торговля, 1931, № 5, стр. 12).

** В 1927—28 г. потребление промтоваров на душу населения оценивалось: 35 руб. для сельского и 128 руб. (вчетверо больше) для городского населения (Пятилетний план.., т. 1, стр. 101).

---

* Для каждого явления у коммунистов есть объяснение в пользу их системы. «Товарный голод» они мудро объясняют иностранцам: при царизме крестьяне не пользовались промтоварами, а теперь их новообретенное процветание и улучшившееся социальное положение привело к огромному спросу, которого промышленность, несмотря на свой большой рост, не может удовлетворить. Послереволюционный мужик стал прямо ненасытным! Такой ход мыслей часто встречается у путешественников, даже и тех, чьи сообщения претендуют на научную ценность.

** Пятнадцать лет советского строительства, op. cit, стр. 376—377.

*** Слово «Главк» или «Главное управление», столь ненавистное в дни военного коммунизма, было осмотрительно заменено названием «промобъединение».

Развитие в сторону строго централизованного социализма нашло выражение также в новой организации кредита. До вступления в силу пятилетки исключение частной торговли и прогресс плановой экономики уже привели к упрощению и концентрации кредитной системы. Но еще существовал буржуазный институт — именно коммерческий кредит — предоставлявший при советской экономике определенную эластичность. Госпредприятия имели право предъявлять счета и предоставлять другу другу кредит. Это в какой-то мере противоречило социалистическим планам, и потому коммерческий кредит должен был быть отменен. Это было завершено кредитной реформой 31 января 1930 г., вступившей в силу 1 апреля того же года. Согласно этому закону краткосрочные кредиты стали монополией государственного банка, и предприятиям было запрещено предъявлять счета и кредитовать друг друга. Госбанк посредничал между покупателем и продавцом; последний посылал свои счета в Госбанк, который кредитовал его соответствующей суммой, если на счету покупателя были деньги. Промобъединения должны были пунктуально сообщать свои кредитные планы в Госбанк, в этих планах кредитные запросы каждой фабрики и вспомогательного предприятия должны были быть аккуратно выставлены. Надеялись, что такая концентрация кредита в руках Госбанка будет эффективным инструментом для наблюдения за выполнением планов.

Весной 1930 г. после громадного прогресса в направлении социализации сельского хозяйства предыдущей зимой казалось, что эволюция советской экономической системы к полному социализму закончена. Советское правительство располагало всеми товарами, произведенными как на государственных, так и на частных предприятиях. Средства производства были разделены между разными предприятиями согласно планам, потребительские товары — между потребителями («пайки»). Выпускавшиеся свободно деньги не были решающим фактором в распределении товаров. В получении средств производства решающим было постановление уполномоченных властей (обычно промобъединений), в получении потребительских товаров — опять-таки не деньги, а принадлежность к классу, работа которого ценилась государством. Частная торговля, которую с трудом терпели как незаконную, прозябала в самых скромных пропорциях.

Во внешней торговле благодаря законченному социализму внутренняя цена экспортируемых товаров потеряла значение для их оценки на внешнем рынке. Организация русской внешней торговли позволяет экспортировать товары, дефицитные внутри страны. Советская внешняя торговля вещь особая: такое-то количество товаров должно быть импортировано (при пятилетке они предназначались только для строительства) и их международная цена должна быть покрыта соответствующим экспортом. Вопрос, нужно ли экспортировать товары с точки зрения положения внутреннего рынка, не рассматривался; на него и не отвечали и их фиксированные цены. Поэтому иностранные государства обвиняли советскую Россию в демпинге. Но в данном случае это другое и даже большее зло. Слово «демпинг» произошло в экономике, где цены продукции сравнимы с выручкой. Здесь же цены на внутреннем рынке несравнимы с выручкой на внешнем и потому термин «демпинг» едва ли применим.

Для масс этот возврат к «силовой экономике» военного коммунизма был горчайшим разочарованием. Нужно было искать объяснения для возрастающего несоответствия пайков и ухудшающихся жилищных условий. Требовался козел отпущения, и им стали интеллигенты. Настал период страшных преследований, когда они пострадали даже больше, чем во время гражданской войны. Было объявлено, что они срывали выполнение планов, действуя по инструкциям капиталистических стран. Так советское государство надеялось в какой-то мере компенсировать страдания масс.

Экономическое развитие отражено в контрольных цифрах Госплана на 1929—30 г., впервые выведенных на этот раз молодыми коммунистами без помощи беспартийных спецов. С научной точки зрения их уровень много ниже, чем за предшествующие годы. Авторы игнорируют проблемы равновесия рынка. Они стоят за насильное изъятие сельхозпродуктов и распределение их в пайках; более того, они считают, что распределение должно быть на строго классовом принципе. Они верят, что «выражение национального дохода в денежной форме (в ценах) начало терять свое универсальное значение». Но они были вынуждены высказать определенные опасения: «Это подымает новые проблемы экономического анализа вообще и условий распределения в частности, не решенные ни теорией советской экономики, ни нашей статистикой». Молодые авторы не утратили веры в полную возможность решить проблему натурального социализма. После расстройства денежного обращения было невозможно разработать худо ли, хорошо ли обоснованные финансовые планы, а это было сущностью прежних контрольных цифр*.

В 1930 г. в экономической литературе, полностью ослабленной вследствие исключения беспартийных специалистов, доминировало мнение, что НЭП побежден и советская экономика на стадии полного социализма. Деньги можно выпускать без забот, так как они пока всего лишь символ для распределения. Нужно привыкнуть к натуральному распределению. Если же нужна мера ценности, то для социализма подходят не деньги, а рабочий день.

Снова ожила экономическая идеология периода военного коммунизма.

Б. Вторая аграрная революция

В области сельского хозяйства эволюция социализма привела к мощному перевороту, никак не предвиденному пятилеткой. Это была вторая аграрная революция; она выкорчевала основы сельской жизни много более радикально, чем аграрная революция 1917—18 гг.

---

* Программные цифры в новогодних речах коммунистических лидеров еще фигурируют как «контрольные цифры», но фактически они не имеют обоснования.

Идея, будто быстрое экономическое развитие возможно на базе крестьянского сельского хозяйства, была ошибочной с самого начала. После низкого урожая в 1929 г. правительство предприняло изъятие 13,9 млн. т зерна и тем умышленно разорило зажиточных крестьян. Тут оно действительно преуспело, но с тех пор стало нечего ожидать от крестьянского земледелия и оставалось создать вместо него новую систему. Решение сделать это было объявлено красным диктатором Сталиным в известной речи на конференции аграриев-марксистов 27 декабря 1929 г. и быстро внедрено в практику. Задачей было разрушить крестьянскую систему и собрать крестьян и все оставшееся в колхозы. Внутренняя структура колхозов еще не была полностью ясна самим коммунистам.

Разорение зажиточных крестьян обеспечило некую социальную поддержку советской власти в ее новом мероприятии. Примерно о трети русских крестьян можно сказать, что они имели землю, но не имели инвентаря, чтобы ее обрабатывать. Чтобы обработать свою землю, бедняк должен был попасть в зависимость к зажиточному соседу: взять на прокат орудия для обработки своего участка или привлечь для этого соседа или сдать участок в аренду за часть урожая или за деньги. Разорение кулаков в то же время лишило этих бедняков экономической поддержки и подготовило к записи в поощряемые государством колхозы. Началось бегство сельского пролетариата в колхозы. Политически это было важно для государства. Но экономически это значило мало, так как сельский пролетариат запасов не имел.

Осталась главная задача: вовлечь в колхозы середняков. Они никогда бы не бросили своих хозяйств добровольно. Их можно было заставить только силой, и Сталин решился на этот опасный шаг. 6 января 1930 г. политбюро решило весной коллективизировать степные районы, а позднее остальные. 25000 надежных коммунистов были посланы в деревню с неограниченными полномочиями. Согласно их тайным инструкциям зажиточные и сопротивлявшиеся коллективизации должны были быть выброшены из своих жилищ на снег и вывезены в болотистые леса северной России и Сибири на принудительные работы (лесоповал, строительство дорог, каналов и т. д.). Всякого сопротивлявшегося расстреливали на месте, не обращаясь к центральным властям. Это называлось «раскулачиванием». После двенадцати лет советской власти государство было достаточно организовано, а крестьянство дезорганизовано, чтобы была возможной эта акция, беспрецендентная в мировой истории. Этими мерами крестьян загнали в колхозы, и добрая половина их была коллективизирована в начале марта 1930 г. Тем не менее, определенное сопротивление — активное и пассивное — все-таки было. Пассивное выражалось в массовом забое скота, который нужно было сдавать в колхоз, активное — в поджогах, убийствах коммунистов и — особенно в нерусских районах — в открытых восстаниях. Эти восстания не всегда легко подавлялись из-за недовольства в Красной армии.

В статье «Головокружение от успехов» 2 марта 1930 г. Сталин осудил насильную коллективизацию и объявил, что правительство никогда ее не приказывало проводить. На самом деле он понял, что политическая обстановка стала слишком напряженной и что коллективизация доброй половины крестьян одним махом невозможна с экономической точки зрения. 15 марта ЦК партии разрешил выход из колхозов. Большая часть спешно созданных колхозов распалась. Но в степных районах выйти из колхозов было невозможно, так как там в это время начался сев.

Отступление советской власти было лишь маневром с целью успокоить крестьян. Осенью 1930 г. принудительная коллективизация возобновилась. Сопротивление крестьян тем временем было сломлено, так что в начале 1931 г. более 60% хозяйств было коллективизировано. Во всех экономически важных районах дело было сделано. Остались не коллективизированными — особенно на севере лишь районы, где крестьянское хозяйство было чисто автаркическим. С политической точки зрения создание социалистического сельского хозяйства было завершено.

Но истинные трудности этого дела оказались больше. Экономически успешная социализация сельского хозяйства трудна потому, что выгоды крупного хозяйства вообще очень сомнительны, особенно в области животноводства. Более того, внезапное крушение образа жизни совершенно опрокинуло психологию крестьян. И далее, когда произошли эти события, намерения партии претерпели в какой-то мере определенные изменения.

Сперва целью партии было как можно скорее превратить крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Следовательно, все вплоть до последней курицы должно быть обобществлено. Эта политика привела к большим потерям; в частности, обобществление последних коров вызвало огромное возмущение среди крестьян, так как лишало их детей молока. Этот гнев часто выражался в специфических «бабьих бунтах».

Это сопротивление, возможно, тоже могло быть подавлено, но Сталин понял, что превращение крестьян в сельскохозяйственных рабочих не в интересах советской власти. Его обеспокоило настроение широких масс крестьянства. Чувствуя невозможность сопротивления, они впали в состояние покорности, заняли позицию, которую можно выразить примерно так: «Хорошо, товарищи, если вы не верите, что мы умеем вести хозяйство, берите на себя управление им и заодно прокорм наших семей. Мы вполне согласны работать семь часов по вашим приказам и хотим наслаждаться привилегиями городских рабочих». Сталину это настроение показалось опасным. Цель советского правительства была сохранить большие налоги; идея взять на себя ответственность за прокорм сильно перенаселенных сельских областей была абсолютно неприемлема. Отказ от принудительной коллективизации, объявленной в знаменитой статье Сталина, был не более, чем тактическим маневром. Но его отречение от коммун было очень важным. Коммуна, в которой все хозяйство обобществлено, рассматривалась просто как удобная переходная ступень в превращении крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Целью теперь стала не коммуна, а «артель», где обобществляется производство, но не домашнее хозяйство. «Домашнее хозяйство» понималось достаточно широко: в него входил сад, огород, виноградник, домашняя птица, весь мелкий скот и корова, так что у колхозников оставались некоторые

элементы частного хозяйства. Таким широким определением домашнего хозяйства было подчеркнуто, что колхозник не просто работник, а член кооператива. Но кооператив в советской стране совсем не то, что в буржуазной. Здесь нет вопроса о его свободном развитии. Правление колхоза избирается по инструкциям партии и большей частью состоит из коммунистов. Председатель колхоза более государственный чиновник, нежели представитель интересов его членов. Его главная обязанность, от которой зависит все его будущее, — обеспечить выполнение плана поставок.

Более того, внутренняя жизнь колхоза контролируется не только уставом, но и бесчисленными правительственными постановлениями. Эти постановления могут регулировать все, вплоть до ковки лошадей. Таким образом управление колхозом больше в руках государства, чем его членов, но экономическая ответственность переложена на них. Только ответственностью колхозы напоминают буржуазные кооперативы и отличаются от государственных предприятий. Более того, права колхозников неодинаковы. Правление опирается на «актив», который состоит из бывших пролетариев и противостоит бывшим середнякам. Те чувствуют себя людьми второго сорта и часто говорят о коллективизации как о возвращении в рабство.

Во внутренней организации колхозов главный вопрос — распределение дохода. Крестьяне были склонны к равномерному распределению согласно нуждам. В годы революции так делили землю. Кроме того, сам доход состоял из натуральных продуктов и был мал: после вычета налогов его едва хватало на удовлетворение лишь самых элементарных нужд. Такое распределение имеет большое преимущество простоты: не нужно счетоводства. Но оно отрицательно влияет на интенсивность труда. Советское правительство пытается основать распределение на отработанных часах, продуктивности и качестве работы в надежде увеличить интенсивность и качество труда. Это похоже на введение в сельском хозяйстве сдельной оплаты труда, как в промышленности. Вспомним, однако, что сдельная система не применялась широко в капиталистическом сельском хозяйстве, несмотря на заинтересованность в интенсификации труда, так как в сельском хозяйстве увеличение количества сделанной работы легко ведет к снижению ее качества. В условиях русских колхозов есть еще загвоздка. Оплата по труду требует очень хорошо организованной системы счетоводства, которую при отсутствии образования невозможно обеспечить более чем в 200000 колхозов. Путаница в организации труда крайне отрицательно влияет на его интенсивность*.

Вместе с коллективизацией государство взяло на себя еще задачу улучшить хозяйственную организацию небольшого числа крупных имений, оставшихся в его руках после аграрной революции 1917—18 гг. и сделать их более рентабельными; оно предприняло также

* См. мою статью «Проблемы коллективизации в крестьянском хозяйстве советской России» в Berichte ueber Landwirtschaft, 1932, т. 16, ч. 2. стр. 216—243.

организацию новых совхозов. Особенно интересна попытка создать так называемые зерносовхозы. Это началось в 1928 г. Намерение было создать очень большие хозяйства (от 30 до 50 тысяч га) в восточных засушливых областях; эти хозяйства должны были производить только зерно, в частности пшеницу. Они не должны были выводить скот и должны были быть, как говорили, полностью механизированными. Все хозяйство должно было быть оборудовано как промышленное предприятие, и потому такие хозяйства назывались «зерновыми фабриками». Для развития этих фабрик правительство ничего не жалело. Работа шла быстрее, чем предвидели, и средняя величина хозяйств была больше запланированной. В 1931 г. посевные площади в зерносовхозах были больше 4 млн. га.

Так как в 1930 г. выяснилось, что коллективизация отрицательно влияет на животноводство, советское правительство создало большие животноводческие совхозы, для которых миллионы голов скота были отобраны у крестьян.

Несмотря на усилия создать полностью национализированное сельское хозяйство, невозможно отрицать фундаментальный факт, что Россия страна крестьянская. В 1932 г. зерносовхозы занимали только 10% всех посевных площадей, а животноводческие совхозы много меньше. В результате второй аграрной революции колхозы стали важнейшей частью сельского хозяйства России. Поэтому сельское хозяйство не было национализировано и сельское население не было превращено в сельскохозяйственных рабочих. Тем не менее, важный шаг в направлении полного социализма был сделан. В правлениях колхозов правительство приобрело ценный инструмент для выполнения своих планов и взимания налогов. Сельхозпродукты были теперь много доступнее для захвата правительством, чем до коллективизации. С другой стороны, собрав крестьян вместе, правительство создало для себя некоторую опасность, так как в колхозах крестьяне были теперь организованы.

В. Попытка возврата к капиталистическим формам

Хотя развитие по линии натурального социализма одобрялась юными ортодоксами, оно тем не менее не поддерживалось правительством, приученным со времен НЭПа рассматривать сохранение хозяйственного расчета на предприятиях как одну из важнейших основ хозяйственной политики. Оно ясно видело, что хозяйственный расчет имеет важнейшее значение для эффективной работы предприятий. С 1 апреля 1930 г., когда вошла в силу кредитная реформа, инфляция стала много более очевидной. Правительству было ясно, что нетвердые условия кредита подрывают любую систему хозяйственных расчетов. Когда в конце 1929—30 хозяйственного года было решено включить в план целых три месяца, советское правительство попыталось воздержаться от увеличения количества денег в этот период. Но последовательно провести попытку не удалось. Директора предприятий так привыкли свободно распоряжаться деньгами, что когда кредиты стали ограничены, они не смогли выплачивать заработную плату.

В начале 1931 г. в Москве состоялась Всесоюзная конференция директоров. Описание экономического положения, данное на конференции экспертами, произвело совершенно угнетающее впечатление. Было ясно, что советская экономика на грани общего распада.

Самым убийственным было исчезновение хозяйственного расчета. При НЭПе, когда средства производства покупались на рынке, каждое предприятие считало деньги, старалось быть бережливым и извлекать прибыль. Теперь приобретение средств производства зависело не так от денег, как от решений Главков. Раз план утвержден правительством — деньги на его выполнение всегда можно получить в Госбанке. «У нас, — сказал на этом совещании Орджоникидзе, председатель РКИ, — Госбанк платит за все, и предприятие материально не отвечает ни за что... Зарплата идет независимо от вас (директоров предприятий). Товары оплачиваются независимо от качества, люди забирают и распределяют вашу продукцию». «Это прекрасно», — был иронический комментарий аудитории. «За индустриализацию», орган ВСНХ, в передовице 19 декабря 1930 г. пишет: «Среди директоров предприятий популярно мнение, что каков бы ни был дефицит денег, государство все уладит, ибо деньги не навязывают пределов росту производства и размеру капитального строительства». Так директоров приучили выполнять план, не щадя ни труда, ни средств производства.

Другой крупной ошибкой было негодное распределение средств производства. Из-за избытка отпущенных на них денег все производители стремились обеспечить свои предприятия максимальным запасом средств производства. Они держали их на складах, чтобы употребить, когда понадобится. Для капиталистической системы характерно, что товары лежат на складе соответствующего производителя и доступны потребителю, если и когда он может за них платить. Но в условиях социалистической инфляции товары производителя быстро перекочевывают на склады потребителя, где они недоступны другим потребителям. Некоторые предприятия владеют бесчисленными складами определенных товаров, полностью отсутствующих у других. Промобъединения, контролирующие распределение, не могут удовлетворительно с этим справиться, так как цены не дают им руководства. Идея, будто Главки могут судить о количестве средств производства, нужных отдельному заводу, возникла из широко распространенного, но ложного представления о всезнании социалистических центральных бюро. Такое всезнание очевидно невозможно. Так как средства производства комплементарны, недостаток какого-то одного может парализовать производство даже при избытке в стране товаров.

Кредитная реформа, вошедшая в силу 1 апреля 1930 г., в которой видели кульминацию плановой экономики, тоже внесла многое в дезорганизацию экономической системы. Госбанк был не более чем финансовым учреждением и совсем не мог проверять выполнение планов и решать вопросы их кредитования. Чтобы не мешать планам, он вел кредитную политику очень либерально; с кредитной реформой начался период «автоматического» кредитования, тогда как в то же время все кредиты во всей системе были заморожены. В первые полтора года после начала пятилетки, с 1 октября 1928 по 31 марта 1930 г., количество денег возросло на 875 млн. руб., но в следующие

полгода рост был 1388 млн. Банковская реформа деморализовала управление еще и в другом отношении. Получив счет на товары, банк немедля дебетовал счет покупателя на их цену, так что тот терял всякий контроль за тем, как был исполнен его приказ. В передовице 22 марта 1931 г. «Известия» суммировали эффект этой кредитной системы:

> Такой способ кредитования вел по самой своей природе к полной ликвидации договорных отношений между предприятиями и объединениями, и это неизбежно ослабляло борьбу за качество и ассортимент продукции, выполнение плана сбережений и получения прибыли и попытки снизить затраты. Коммерческая и финансовая деятельность предприятий не учитывалась. Вопросы финансов вовсе не интересовали директоров.

Вдобавок преувеличенное развитие планирования было очень неблагоприятно для распределения потребительских товаров. Было бы ошибкой полагать, что резкое уменьшение потребительских товаров, полученных населением, было следствием только провала производства; в большой степени это результат плохого распределения. Победа социализма принесла не только подавление частной торговли, но и принципиально новую планируемую систему распределения. Оптовые склады в провинции, снабжавшие раньше кооперативы, были постепенно закрыты, но местные кооперативы не были уполномочены обращаться прямо в промобъединения. Те заключали контракт с Центросоюзом (Центральный кооператив потребителей), и он распределял товары по всей огромной территории России согласно планам, составленным a priori в Москве. Чтобы избежать посредничества торговых агентов, фабрики посылали товары малыми партиями в наиболее удаленные местные кооперативы согласно инструкциям Центросоюза («транзитная торговля»).

С системой генеральных контрактов и транзитной торговли плановая экономика достигла полного развития в области потребления. Но были особенно очевидны трудности, всегда препятствующие планированию. Система бы функционировала прекрасно, будь Центросоюз всеведущим. К сожалению, он таким не был, и в результате распределение потребительских товаров оказалось хаотическим даже по мнению руководителей Центросоюза*.

До сих пор серьезное насыщение, какое так часто при капитализме, не могло случиться в этой системе. Чтобы получить причитающийся ему кусок хлеба, потребитель должен прийти в кооперативную лавку. Это дает возможность заставить его купить еще другие, ненужные ему товары худшего качества («принудительный ассортимент»). В условиях «товарного голода» потребителю нет интереса сберегать деньги. Поэтому какова бы ни была путаница в распределении и как бы низко ни было качество товаров, все они будут проданы. Пострадает только потребитель.

---

* См. заявление председателя Центросоюза Зелинского на 15-м съезде советов РСФСР (Известия, 7 марта 1931 г.); цитаты в моем Пятилетний план.., стр. 83—84.

Внутренний смысл всего этого развития — частичное соскальзывание задуманного сперва на денежной базе плана в состояние, аналогичное натуральному социализму, пока порочность этой системы не была доказана на опыте.

Описанное состояние обсуждалось на совещании хозяйственников в июне 1931 г. Совещание было закрытым; программная речь Сталина, произнесенная 23 июня, была опубликована лишь 5 июля. Она имела важнейшее значение для экономической политики советского правительства в последующий период. Ни в малейшей степени не отказываясь от принципов планирования экономики и социализма и не предусматривая свободы частной торговли, она отразила ставшее общим для всех влиятельных хозяйственников убеждение, что сохранение определенных капиталистических институтов есть абсолютно необходимое условие выполнения социалистических планов. Завершенный социализм мыслился как натуральный, но люди верили, что система НЭПа еще не полностью демонтирована и денежная экономика — важнейший принцип НЭПа — должна быть сохранена. Сталин резко осудил идею безденежной экономики на текущий период, назвав ее «троцкистским» движением влево. Хозяйственный расчет рассматривался как главный принцип советской экономики. Лозунг: «Поверка рублем».

Для этой цели нужно было реконструировать кредитную систему. Серией кредитных реформ пытались в 1931 г. заставить хозяйственников вернуться к строгим методам хозрасчета. Здесь опять не видно никакого отказа от социализма. Аккредитивы были еще запрещены. Госбанк был единственным уполномоченным давать краткосрочные кредиты. Но правительство осознало, что он может функционировать только как финансовое учреждение. Чтобы избежать дальнейшего замораживания кредитов, все предприятия были инструктированы показывать свои балансовые ведомости и точно определять потребность в кредите. Их собственные фонды должны быть строго отграничены от фондов, одолженных в банке. Краткосрочные кредиты могли быть утверждены только для вполне определенных целей и должны были погашаться пунктуально под угрозой экономических репрессий.

Были обновлены прямые связи продавцов с покупателями. Все госпредприятия должны были заключить между собой предварительные контракты, утверждаемые высшим судом, контролирующим выполнение планов. Контракты должны были точно определять ассортимент, качество, цены и количество поставляемых товаров. Госбанк имел право кредитовать поставщика на цену заказанных товаров, если они приняты покупателем. Так деятельность производителя реально контролировалась не банком, а заказчиком.

В 1931 г. были предприняты шаги, чтобы уменьшить бюрократический характер промобъединений. Тресты не были восстановлены в своем прежнем важном положении, но промобъединения были разделены в зависимости от специализации и территории. Чувствовалось убеждение, что слишком большие предприятия невозможно контролировать. «Гигантомания», развившаяся в прежние годы, была осуждена. Пытались разделить чрезмерно большие предприятия на малые. Там, где это было невозможно, отделы больших предприятий должны

были выполнять отдельные хозяйственные расчеты. Централизация всех прибылей в казне была признана вредной. Согласно постановлению Совнаркома от 3 мая 1931 г. предприятиям оставалось около половины прибыли. Она могла быть употреблена на капитальное строительство, на увеличение оборотного капитала, на культурные нужды рабочих.

В отношении распределения товаров Сталин выдумал выражение «советская торговля» вместо «социалистическое распределение». Опять нужно было искать контакт с потребителем. Оптовые склады в провинции должны были быть восстановлены, а распределение малых партий товара по инструкциям сверху (транзитная торговля) прекращено. Товары не навязывались покупателю и по возможности не распределялись в пайках. Рационировались только явно дефицитные товары.

Должны были быть изменения в организации труда. Чувство ответственности должно было поощряться среди рабочих в отношении качества и количества их труда. Пятидневка и непрерывка должны были быть оставлены: эта система снимала с рабочих ответственность за состояние машин и инструмента. Чтобы увеличить интенсивность труда, пытались ввести всюду сдельщину. При выборе директоров рекомендовалось учитывать не только партийность, но и квалификацию.

Эта попытка сохранить в социалистических рамках определенные капиталистические институты не была вполне безрезультатной, она спасла советскую экономику от полного краха. Кредиты не были так свободно доступны, как прежде, и это заставило многих хозяйственников считать деньги и внести некоторый порядок в производство. Тут и там бесполезные склады производственных товаров закрывались и реализовывались, чтобы обеспечить предприятия столь необходимым оборотным капиталом.

Тем не менее эти успехи оставались очень скромными, ибо капиталистические институты принадлежат к принципиально другой экономической системе и неясно, может ли социализм их ассимилировать. Вновь и вновь планируемая экономика навязывает социалистическим предприятиям задачи, антагонистичные заработку прибыли. Поэтому новые тенденции не проникли в систему достаточно глубоко.

Госбанк не имел адекватных средств для внедрения финансовой дисциплины на госпредприятиях. По закону он мог изъять их товары, но фактически он не осмеливался взять курс, мешающий выполнению плана. Когда на тресты давили, чтобы они снизили цены, она часто предлагали закрыть некоторые невыгодные предприятия, но власти не соглашались, считая такие меры более капиталистическими, чем социалистическими.

Важнейшая проблема, занимающая хозяйственников, это кажущееся выполнение плана, и от этого, главным образом, зависит их будущее. В строительстве, играющем столь важную роль, не обращают внимания на прибыльность. Было показано (Известия, 15 ноября 1931 г.), что во многих случаях ответственные за строительные работы ничего не знают о смете и насколько она превышена. Их точка зрения

обычно такова: «Важно закончить работу вовремя, а стоимость — это детали». Они полагают, что быстрота строительства важнее дешевизны. И так управляют финансами во всех областях плановой экономики. Даже в промышленном производстве, где цены могут быть сопоставимы с оборотом, положение по существу то же. Важнейший вопрос для директоров — количественное выполнение плана, а выгодой или качеством продукции они интересуются много меньше. К этой точке зрения по существу склоняется и правительство*.

Более того, невозможно заменить «социалистическое распределение» потребительских товаров торговлей, пока продолжает существовать большое несоответствие между количеством денег и фиксированными ценами товаров. Если реально хотеть заменить социалистическое распределение торговлей — нужно порвать с системой фиксированных цен потребительских товаров.

Чтобы серьезно дифференцировать зарплату, советское правительство должно иметь в своем распоряжении большие количества продуктов и достаточно жилья. Пока этого нет, всякое увеличение зарплаты одного рабочего нанесет ущерб другому.

Желание правительства подбирать директоров не только по партийности, но и по квалификации остается благим пожеланием. Социализм включает теснейшую связь политики с экономикой, это не может быть иначе.

Несмотря на принятые меры, выпуск денег не мог быть достаточно ограничен. За два года с 1 января 1931 г. до конца пятилетки количество их выросло с 4,3 до примерно 7 млрд. руб., т. е. на 2,7 млрд. руб. Поскольку правительство не хотело позволить себе еще большего выпуска денег, оно было вынуждено ограничить строительную программу. В «Экономической жизни» (и нигде больше: очевидно, было нежелательно разглашать решение широко) 12 сентября 1931 г. было опубликовано решение ВСНХ прервать стройки, которые не могут быть закончены в этом году, и передать все стройматериалы стройкам, которые могут быть закончены. Так большие количества капитала были омертвлены в незаконченных стройках.

Г. Признаки кризиса в конце пятилетки

Несмотря на превентивные меры правительства, с 1931 г. в советской экономической системе разразился жестокий кризис. Причиной было отчасти несоответствие, неизбежно возникшее там, где экономическое развитие шло преувеличенным темпом. Быстрое строительство тяжелой индустрии — особенно на востоке с его огромными расстояниями — создало для русских железных дорог гораздо более тяжелую нагрузку, чем было предусмотрено пятилеткой. Так как основные средства были затрачены на развитие тяжелой индустрии, железные дороги не могли быть надлежаще оборудованы. Наличный подвижной состав должен был использоваться все более интенсивно. Отсутствие экономических расчетов немало вложило в неэкономное использование железных дорог: некоторые товары перевозились на большие расстояния в противоположных направлениях и большие партии товаров малой ценности отправлялись в огромные рейсы. Хотя в 1931 г. перевозки составили 151,9 млрд. тоннокилометров — на 25% больше запланированных — требования экономической системы не были удовлетворены. Это было особенно неблагоприятно для металлургии, испытавшей в этом году серьезный упадок: производство листовой стали упало с 4,99 млн. т в 1930 г. до 4,06 в 1931 г. — снижение на 18,6%. Несмотря на большой импорт листовой стали, составивший в 1931 г. 1,41 млн. т, положение в этой отрасли, сопровождавшееся недостаточной добычей угля, задерживало развитие всех остальных отраслей.

Но самые большие трудности возникли в сельском хозяйстве. Здесь эффект обобществления производства оказался совершенно непредвиденным для правительства.

Не может быть двух мнений о влиянии коллективизации на животноводство. Оно было катастрофическим, и в этой области не было оживления. Наоборот, падение количества скота продолжалось и после завершения коллективизации. Существенное противоречие между скотоводством и социализмом стало очевидным, так как именно в скотоводстве индивидуальная организация имеет решающее значение.

Влияние коллективизации на зерновое хозяйство было сперва не столь очевидным. Климатические условия в 1930 г. были прекрасными, и коммунисты на 16-м партсъезде объявили, что зерновая проблема, до сих пор такая острая, «решена». Действительно, урожай 1930 г. дал 22,2 млн. т зерна — вдвое больше, чем в годы НЭПа. Из него можно было экспортировать 6,2 млн. т — более половины среднего довоенного зернового экспорта (11 млн. т). Со времени революции такого экспорта еще никогда не было.

Но остается вопрос: большие налоги, достигавшие почти всей величины довоенного вывоза на рынок, были ли они результатом улучшения зернового хозяйства или просто отражали возросшую силу советского правительства в сельском хозяйстве? Правительство верило в первое объяснение. Оно утверждало, что благодаря механизации зерновое хозяйство достигло огромного прогресса. Этот взгляд ошибочен. Тракторы, собранные на машинно-тракторных станциях, не могли возместить громадных потерь тягловых лошадей. О тщательной обработке полей не было речи. Все наблюдатели утверждают, что земля никогда не выглядела такой запущенной, как сразу после коллективизации. Регулярное унавоживание, как требуется для полей на севере и даже для северного чернозема, было невозможно.

Большие надежды на механизацию, возлагавшиеся правительством, результат отождествления сельского хозяйства с промышленностью. Но сельское хозяйство связано с органическими процессами, на которые нельзя повлиять механизацией труда; это не промышленность, не имеющая дела с живым материалом. Механизация в сельском

* В отчете Госплана «Результаты окончания первой пятилетки...» правительство пытается доказать, что завершение плана достигнуто, но вопросы цен, затрат, выгодности не рассматриваются.

хозяйстве лишь часть системы, обеспечивающей рациональную и тщательную обработку почвы. Изолированная, она не может дать положительных результатов. Кроме того, перенести на русскую почву методы механизированного сельского хозяйства оказалось сложнее, чем думало правительство. Тракторы не работали в России так эффективно, как в Америке. Было трудно быстро их чинить или обеспечить запасными частями. Они изнашивались так быстро, что их выгодность была сомнительна.

Опыт зерносовхозов показал особенно ясно, как необоснованны были большие надежды правительства на механизацию сельского хозяйства. Считали, что в сухих восточных степях наилучшие условия для применения тракторов и других сельхозмашин, как подвижные молотилки. Люди верили, что тут будут получены прекрасные результаты. За границей заранее объявили, что советское государство на этих социалистических предприятиях может производить зерно дешевле, чем капиталисты-фермеры. Так правительство пыталось объяснить, почему оно может продавать зерно по привлекательным ценам. Без применения тракторов быстрое развитие зерносовхозов было безусловно невозможно. Но их урожаи были много ниже среднего по стране и не выше, чем у крестьян в той же области. Не было речи о возросшей способности сопротивляться засухе. Вследствие быстрого износа тракторов выгодность больших совхозов весьма сомнительна*. Они теперь преобразованы, чтобы сбалансировать севооборот и увеличить запасы зерна; более того, они разделены на более мелкие хозяйства.

Зерносовхозы доказали ошибочность подхода к сельскому хозяйству как к промышленности. И если механизация зерносовхозов не дала выдающихся успехов, то еще много меньше можно было ожидать от колхозов. Экономические и социальные условия там были очень сложные и к тому же государство не снабдило их достаточным количеством тракторов.

Коллективизация до сих пор не дала значительного технического прогресса. Это был просто переворот в социальной организации сельского хозяйства, упростивший для государства сбор больших налогов. Но сбор больших количеств зерна при истощенном сельском хозяйстве должен в итоге привести к катастрофе. Советское правительство, считая, что социалистическому сельскому хозяйству плохой урожай не страшен, не посчиталось с засухой 1931 г., и когда оно в этом году снова взяло огромный налог 23 млн. т зерна, из которых 4,5 были экспортированы, степные области и вся Украина были ввергнуты в голод, какого не было с 1921—22 г. Эти громадные налоги привели крестьян в крайнее уныние и отбили у них желание работать. Несмотря на благоприятную погоду, урожай в 1932 г. тоже был

---

* См. мою статью «Die „Getreidefabricken" als ein Versuch des Wiederaufbaus und der weiteren Erschliessung der Trockengebieten». Совместная публикация Б. Бруцкуса, В. Полетики и А. Угримова. «Die Getreidewirtschaft in den Trockengebieten Russlands. Stand und Aussichten», приложение 67 к Berichte ueber Landwirtschaft,1932, стр. 113—132. См. также проф. д-ра Zoerner. «Das Agrarexperiment Sowietrusslands» (Пауль Парей, Берлин, 1932).

плохим. Правительство было вынуждено уменьшить налог с урожая 1932 г. на 20%, но он все равно был велик для истощенного сельского хозяйства. И тогда советское правительство почувствовало определенное разочарование в отношении колхозов. Колхозники пытались скрывать урожай; правления — часто даже состоявшие из коммунистов — были склонны защищать людей от непомерных требований государства. Налоги приходилось собирать с помощью карательных экспедиций, в результате которых немало коммунистов-колхозников было расстреляно. Свирепый голод продолжался даже после урожая 1932 г.* Все отрасли экономической жизни страдали соответственно, так что период пятилетки окончился в состоянии острого кризиса.

Советское правительство вынуждено было сократить экспорт зерна, убранного в 1932 г. Результатом было острое сокращение необходимого для индустриализации импорта.

Голод сильно отразился и на работе промышленности. Как после первой попытки принудительной коллективизации в 1930 г., животные продукты исчезли из городов. В то же время благодаря быстрому росту числа рабочих жилищные условия резко ухудшились. Недостаток жилья и еды был столь острым, что даже неприхотливые русские рабочие из деревни не могли терпеть его долго. Вновь и вновь они возвращались в деревню, ища повсюду работы на лучших условиях. Так в ходе пятилетки развились ненормальные флуктуации промышленных рабочих, что делало невозможным регулярный труд. Эффективность рабочих уменьшалась с ухудшением продовольственного положения в городах.

План предусматривал наибольший — на 25% — рост промышленной продукции в этом году, основываясь на предположении, что в прошедшем году особенно большой процент новых предприятий должен был быть введен в эксплуатацию. Это было действительно так. Согласно отчету Госплана во время пятилетки были пущены заводы и фабрики на сумму 15,3 млрд. руб., из которых 5,7 приходились на 1932 г.** Ожидался ненормальный рост производства. Однако, благодаря снизившейся работоспособности рабочих и провалу нескольких ключевых отраслей, промышленное производство пришло почти к застою. Оптовая цена продукции национализированной промышленности составляла в ценах 1926—27 г. 7,6 в первом-, 6,9 во втором- и 6,7 млрд. руб. в третьем кварталах 1932 г.*** В общем продукция планируемой промышленности показала рост по сравнению с прошед-

---

* О результатах колхозного опыта в зерновом хозяйстве см. мою статью «Russlands Getreideausfuhr ihre wirtschaftlichen und sozialen Grundlagen und ihre Aussichten» (Weltwirtschaftliches Archiv, октябрь 1933, стр. 489—499). Прекрасное описание русского сельского хозяйства в конце пятилетки см. в сообщении д-ра Отто Шиллера, немецкого сельскохозяйственного эксперта в Москве «Die Krise der sozialisierten Landwirtschaft in der Sowietunion», приложение 79 к Berichte ueber Landwirtschaft, 1933.

** «Результаты окончания первой пятилетки...», стр. 47.

*** Бюллетень проф. Прокоповича № 100, 1 декабря 1932 г., стр. 16—17.

шим годом на 8,5% — 2,1 млрд. руб., в то время, как в прошедшем году рост составлял 6,6 млрд. руб. Огромные жертвы страны ради расширения индустрии в свете растущего экономического беспорядка представляются тщетными.

На совещании в январе 1933 г. после конца укороченной пятилетки коммунистические лидеры объявили, что план был успешно выполнен. Тем не менее план второй пятилетки, главные наметки которого были опубликованы в январе 1932 г. и обсуждались на многих совещаниях в последующие месяцы, должен был быть отложен. «Я не хочу больше гнать страну», — объявил Сталин в речи 7 января 1933 г. Ясно, что в такой сдержанности не было бы нужды, если бы пятилетка была действительно выполнена. Согласно плану реальный доход на душу населения для целей потребления должен был вырасти на две трети. После выполнения пятилетки народ должен был быть вполне удовлетворен положением дел и готов охотно вступить во вторую пятилетку, обещавшую еще большее изобилие. Откладывание второй пятилетки следовало из факта, что первая не выполнена. Главной целью 1933 г. было завершение начатых в прошедшем году капитальных построек и эффективная работа новых заводов. Вторая задача оказалась много труднее, чем постройка заводов. Итак, хотя первая пятилетка считалась законченной в начале 1933 г., будет правильнее включить сюда весь 1933 г.

Д. Экономическая политика в конце пятилетки

Чтобы преодолеть кризисные явления, появившиеся в конце периода пятилетки, советское правительство приняло две серии мер, в определенной мере противоречивших одна другой.

Прежде всего, оно пыталось дисциплинировать массы и заставить их работать. Что касается индустрии, все средства должны были быть применены, чтобы воспрепятствовать текучести рабочей силы, катастрофически влияющей на производительность.

Существо плановой экономики в том, что государство не может удовлетвориться только властью над распределением средств производства, оно претендует также на право контролировать самые важные нематериальные средства производства — рабочую силу. Эта характеристика плановой экономики уже проявилась при «военном коммунизме», и когда рабочая сила стала дефицитной в годы пятилетки, она проявилась опять. Чтобы сохранить власть над рабочими, правительство постановлением от 9 октября 1930 г. прекратило все выплаты пособий по безработице. Бюро по найму были уполномочены направлять безработных на работу независимо от места жительства и квалификации. Они также получили право перемещать уже занятых людей, не принимая во внимание их нынешнего места жительства.

* Auhagen, op. cit. стр. 66.

Пытались прекратить частое изменение рабочими места найма. Но несмотря на все это, государство не преуспело в подчинении рабочих. Благодаря быстрому развитию строительства и промышленности квалифицированные рабочие всюду требовались и охотно принимались, поэтому было трудно ограничить их свободное передвижение. Большинство рабочих были связаны с деревней, куда они исчезали, чтобы потом занять другое положение. Но было невозможно основывать плановую экономику на одном лишь свободном труде. Чтобы важные отрасли индустрии не были запущены, государству пришлось создать армии принудительных рабочих. Принудительный труд, дополняющий труд свободных рабочих, получался за счет «раскулаченных» крестьян и политически неблагонадежных*. Так большое развитие лесной промышленности в суровых мало освоенных районах северной России и Сибири было основано на принудительном труде заключенных. Это дополнялось обязательной службой местного населения. Последнее большое достижение советского государства — прокладка Беломорского канала в очень тяжелых условиях Дальнего севера — труд исключительно заключенных. Все руководство работой было в руках ГПУ, организовавшего ее своими специальными методами. Армия заключенных была так велика, что ГПУ нашло возможным выполнить эту большую работу самыми примитивными инструментами.

Огромное движение рабочих в конце пятилетки вынудило правительство предпринять новые усилия, чтобы его прекратить. Оно теперь попыталось решить проблему планово. Была введена строгая паспортная система. Начиная с больших городов, все жители малых городов и важных районов были постепенно вынуждены получить паспорта. Так правительство наконец обеспечило себе контроль над деятельностью рабочих, силой привязав их к работе. Кроме того, паспортная система позволила правительству избавить большие города от неудобных слоев общества, снабжение которых было очень хлопотно.

В то же время были приняты строгие меры, чтобы дисциплинировать рабочих. Небрежная работа на некоторых важных машинах (трактор, локомотив и т. д.) стала считаться преступлением. В конце пятилетки был предпринят новый варварский шаг (постановление правительства 15 ноября 1932 г.). Наемный рабочий, отсутствовавший на работе без уважительной причины один день, увольняется с лишением прописки и продовольственных карточек, и ему запрещается поступать на другую работу в течение 6 месяцев.

Вторгшись глубоко в жизнь сельского населения и разрушив его прежнюю экономическую организацию, советское правительство стало также перед трудной задачей дисциплинировать сельское население. Высокие налоги, оставившие сельское население без продовольствия, привели к попыткам колхозников обеспечить себя независимо от колхозного урожая. До уборки урожая они ночью тайком вылезали на свои поля, срезали колосья и набивали в мешки, чтобы обеспечить

* Детальное описание принудительного труда в советской России см. в Меморандуме 1-го Бирмингемского бюро.

себе немного зерна до сбора налогов (таких преступников называли «парикмахерами»). Подобные явления широко распространились. По закону 7 августа 1932 г. за такое независимое распоряжение общественной собственностью полагалась смертная казнь. С января 1933 г. отделы ГПУ были учреждены на всех машинно-тракторных станциях и во всех совхозах. Для этого 15000 коммунистов были посланы из городов. Им была дана неограниченная власть контролировать колхозников и единоличников. За некачественную работу или за провал выполнения плана они могли наказывать вплоть до смертной казни. Так был установлен род осады в сельском хозяйстве, как назвал эти меры немецкий сельскохозяйственный эксперт д-р Отто Шиллер*. Наряду с этими мерами по организации труда на основе жесточайшей дисциплины в экономической политике советского правительства стала очевидна другая тенденция. Весной 1932 г. сельское население находилось в состоянии глубокой подавленности. Правительство усомнилось, окупается ли ограничение хозяйственной деятельности масс рамками плана, ибо такая политика создавала крайнее отчаяние и отрицательно влияла на желание работать. В 1932 г. налоги зерновых были уменьшены, а с будущего года заменены зернопоставками по фиксированным ценам в количествах, основанных на запланированных (но не реальных) обрабатываемых площадях, и поставками животных продуктов по низким фиксированным ценам, основанным на запасах скота. Количества были высокими и тем выше, чем меньше степень социализации хозяйства. В то же время местным властям было строго запрещено увеличивать поставки с целью лишить крестьян всех излишков, хотя раньше увеличение налогов местными властями поощрялось. Если после выполнения поставок у крестьян оставались излишки, их разрешалось вывозить на рынок и продавать по свободным ценам. Так после долгих лет безжалостного подавления свободная рыночная торговля сельскохозяйственными продуктами была вновь разрешена.

Советское государство поощряет развитие частного животноводства у колхозников и огородничества у рабочих, и в этой степени побороло свой страх перед *мелкобуржуазной дегенерацией* пролетариата.

Как и прежде при НЭП, эти меры подействовали на другие области экономической жизни. По решению правительства 23 июля 1932 г. кооперативы кустарей больше не были обязаны поставлять свою продукцию в центральный кооператив по фиксированным ценам; они могли свободно продавать ее на рынке. Им также позволили покупать сырье независимо от условия, что они не будут конкурировать с крупной промышленностью. Было несколько ослаблено свирепое давление на кустарей-одиночек. Чтобы побудить крестьян вывозить на рынок излишки, правительство инструктировало тяжелую промышленность производить и продавать не только рельсы, локомотивы и тракторы, но и некоторое количество товаров для немедленного потребления («ширпотреб»).

---

* Die Krise der sozialisierten Landwirtschaft..., стр. 78.

Несмотря на определенное сходство, мы не должны забывать глубокой разницы между развитием при НЭП и с лета 1932 г. Разница в том, что частная торговля не только не была разрешена, но жесточайше подавлялась. Производитель должен был продавать продукцию либо прямо потребителю, либо государственным организациям. Последние договорились покупать такие товары по «обычным» ценам. Это ограничение тоже влияло на организацию торговли.

Даже при НЭП в советской России была не одна, а две системы розничной торговли с двумя раздельными уровнями цен. Кооперативы и государственные магазины обычно продавали товары по более или менее фиксированным ценам, и их ассортимент мало соответствовал нуждам покупателей, тогда как в частной торговле товары продавались по более высоким колеблющимся ценам и их ассортимент более соответствовал требованиям покупателей. В первые годы НЭП разница цен была небольшая: в 1923—24 г. около 11%*. Но когда государственная торговля с ее скудным набором товаров постепенно вытеснила частную, разница цен возросла и достигла в 1926—27 г. 35%. Слом НЭП привел к полному разрыву фиксированных и колеблющихся цен. Вошедшая в силу вскоре после пятилетки частная торговля была почти полностью уничтожена и деградировала в незаконную торговлю весьма малого экономического значения. Так на втором году пятилетки была введена система однородных фиксированных цен.

Но увеличение «товарного голода» оказалось сильной приманкой для государства, чтобы извлечь дополнительные выгоды. С 1930 г. получать свои пайки по низким ценам с нормальных складов товаров в так называемых закрытых распределителях было позволено только рабочим и служащим крупных заводов. Прочие граждане, еще имевшие право состоять в кооперативах, получали пайки в других кооперативных лавках по значительно более высоким ценам. Люди буржуазного происхождения, лишенные гражданских прав, должны были обращаться к тому, что осталось от частной торговли, и погибали от голода, если не получали поддержки из-за границы (разрешение эмигрировать не гарантировано). В 1930 г. в экономической литературе обсуждалась теория, что рубль не имел однородной ценности в России: она зависела от класса человека, которому он принадлежал.

В конце 1930 г. советское правительство сделало некоторый прорыв в социалистической системе распределения. Были открыты «торгсины», в которых товары продавались не в пайках, но только за золото или иностранную валюту. В 1931 г. в этом направлении был сделан более важный шаг: были открыты «коммерческие» магазины, в которых товары продавались за русские деньги по очень высоким ценам. С 1932 г. стало возможно покупать сельхозпродукты по «обычным» ценам, и это обеспечило стимул для расширения сети «коммерческих» магазинов: в них продавались сельхозтовары, купленные по «обычным» ценам. С 1933 г. через эти магазины распределялась все возраставшая доля промтоваров.

---

* Институт конъюнктуры, 1927, бюллетень № 11—12, стр. 17.

Разница цен в разных торговых системах была очень большой. Но цены публиковались редко. Экономическое бюро проф. Прокоповича, работая на основе прейскуранта, действовавшего в Московском округе 1 августа 1932 г., подсчитало, что средний индекс 12 видов товаров, полученных из официальных источников снабжения, был 307 (1913 = 100), тогда как в 1927—28 г. розничный индекс для всей страны составлял 207*. Для коммерческих источников снабжения индекс, подсчитанный бюро, был 1196. В то же время средний индекс цен зерна, изъятого государством у крестьян, оставался 150**. Свободные цены на рынке были значительно выше, чем даже в коммерческих магазинах.

Развитие коммерческих магазинов дало советскому государству новый важный путь овладеть излишками денег у населения и тем смягчить «товарный голод». (До того оно пыталось изъять такие излишки путем принудительных займов.) Новый метод, однако, в определенной мере противоречил природе советской плановой экономики. Долгое время денежные заработки в советской России резко различались, но различия в реальной зарплате были незначительны, так как заработки состояли в основном из пайков и за оставшиеся деньги можно было купить немногое. Это положение дел, приближаясь к коммунистическому равенству, было приемлемо в условиях, господствовавших при экономической системе, едва способной снабдить потребителей минимальными средствами существования. Развитие торговли на рынке и в магазинах — более эффективный, чем социалистический, метод распределения товаров — дал реальное значение различиям в денежной зарплате. Пайки уменьшились, а рынки и коммерческие магазины были открыты лишь для имеющих деньги. Это вызвало заинтересованность рабочих получать больше денег. Они оказали определенное давление на хозяйственников, и в последние два года пятилетки рост денежной зарплаты был большим, чем предполагалось. Так, в металлургии в 1931 г. зарплата возросла на 15,7% по сравнению с предыдущим годом, а в 1932 г. даже на 29,8% против 1931 г. В общем зарплата промышленных рабочих во время пятилетки выросла на 70%***, хотя по плану она должна была вырасти всего на 47%. Так как увеличение производительности труда было совсем незначительным, рост денежных заработков — если даже и не соответствовал росту реальной зарплаты — неминуемо привел к прорыву финансового плана.

Поэтому в 1933 г. была объявлена энергичная кампания против повышения зарплаты. Решением правительства от 21 февраля 1933 г. хозяйственники были поставлены под строжайший контроль судебных инстанций в отношении использования фонда зарплаты. Постановление правительства того же года грозило директорам суровыми наказаниями за повышение зарплаты по своей инициативе.

---

* Контрольные цифры для 1928—29 г., стр. 501.

** Бюллетень Прокоповича № 104, май 1933, стр. 8—9.

*** Результаты завершения пятилетнего плана.., стр. 178.

Народный комиссар финансов Гринько в речи на 17-й партконференции (За индустриализацию, 9 февраля 1934 г.) заявил, что уменьшение количества денег на 1,5 млрд. руб. закончено в 1933 г. Если это верно (официальный отчет о количестве денег не публиковался), то трудно сомневаться, что этот успешный шаг к упорядочению денежного обращения — первый за годы больших выпусков денег — был достигнут развитием деятельности коммерческих магазинов. Но коммерческая торговля противоречит плановой экономике, стремящейся делать большие вложения и откладывать удовлетворение нужд народа. В плановой экономике такое серьезное различие реальных зарплат едва ли может быть поддержано.

В факте, что крестьянам была разрешена формально свободная торговля излишками, оставшимися у них после выполнения госпоставок; что требования кустарного промысла были в определенной степени удовлетворены; в поддержке частного животноводства у колхозников и огородничества у рабочих — во всем этом мы видим попытку в конце пятилетки создать надстройку над грандиозной, но неуклюжей плановой экономикой. Та сразу показала неспособность удовлетворять нужды народа — надстройка была частной экономикой скромного масштаба. Но внутреннее противоречие между жестко организованной плановой экономикой и этими институтами свободной экономической системы делает очень сомнительными перспективы успешного развития последней. Свобода частной инициативы заключена в узких пределах и не имеет законной защиты. Эти институты образуют нечто — пусть в ограниченных пределах — чуждое системе, основанной на полной централизации.

Е. Второй пятилетний план

Хотя советское правительство стремится превратить Россию как можно скорее в индустриальную державу и утверждает, что эта задача решена выполнением пятилетки, экономическое положение страны остается полностью зависимым от урожая. Так было до пятилетки и так остается теперь, когда план предполагается выполненным.

Голод 1932—33 г. доказал, что советская Россия несмотря на свои индустриальные «гиганты» не в состоянии получить зерно для своего страдающего населения, продавая продукцию грандиозно задуманной индустрии — даже хотя зерно самый дешевый товар на мировом рынке. Голод вследствие экономической политики подавляюще подействовал на дух большевиков. Правительство ограничило свои планы и попыталось найти некоторый компромисс с частной экономикой, умевшей так или иначе удовлетворить насущные нужды народа. В свое время катастрофический голод побудил Ленина ввести НЭП «всерьез и надолго». Точно так же голод 1932—33 г. побудил коммунистов оживить некоторые рудименты частной торговли и отложить вторую пятилетку. Но хорошие урожаи пришли снова, голод забылся, и партия снова вернулась к своим грандиозным планам. Так же, как большие урожаи 1925 и 1926 гг. привели к отказу от НЭПа, так же хороший

урожай 1930 г. имел результатом возврат к насильной коллективизации. Сравнительно хороший урожай 1933 г. имел сходные последствия. Несомненно, хороший урожай полностью был следствием прекрасной погоды, так как поголовье скота продолжало падать и поэтому поля были плохо возделаны и унавожены. Урожай культур, требующих интенсивной обработки, на единицу площади оставался низким даже в 1933 г. Но обильные дожди обеспечили хороший урожай зерновых в степях, как бы плохо ни были обработаны поля, а удобрения в этих районах не требовалось.

Хороший урожай 1933 г. вызвал бодрое настроение в партии. Коммунисты приписали успех своей мудрой политике и, в частности дисциплине, навязанной крестьянам вновь созданными сельскими отделами ГПУ. Поэтому план второй пятилетки был поставлен на повестку дня партийным съездом в январе-феврале 1934 г. Вследствие запутанного положения денежного обращения план не мог быть разработан детально, как первый. Он был просто объявлен в программных речах вождей, и в планах было много противоречий.

Планы были не столь непомерны, как предполагалось в 1932 г., но тем не менее очень напряженные. Предлагалось дальнейшее увеличение важнейших отраслей тяжелой индустрии с тем, чтобы удвоить и даже утроить их продукцию за пять лет. Крестьянство должно быть полностью коллективизировано. Думали так осуществить создание бесклассового общества. Естественно, планы обещали очень значительное повышение жизненного уровня. Главная черта всего плана — развитие Магнитогорско-Кузнецкого комбината. Вследствие больших расстояний эта задача дорогая и труднейшая, но Сталин придает ей особое значение из военных соображений.

В период первой пятилетки в обобществленный сектор было вложено 50,5 млрд. руб. Во второй период должно быть вложено 133,4 млрд. План снова ожидает, что вследствие высокой продуктивности госпредприятия доставят фонды, необходимые для вложений.

Ясно — и было доказано опытом первой пятилетки, — что большие вложения доводят standart of life народа до самого низкого уровня. Все ресурсы экономической системы будут напряжены ради этих новых вложений, выгодность которых никак не гарантирована. При таких условиях нет места для рудиментов частной экономики, и после объявления второй пятилетки ее перспективы неблагоприятны. Хотя план, похоже, избегает примитивных форм насильственной экономики и в особенности пайкового распределения потребительских товаров, трудно поверить в возможность избавления системы от этих примитивных установлений, отвратительных даже для коммунистов.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ИХ ОЦЕНКА

А. Вложения

В результате пятилетки большие вложения были сделаны в бедной стране, не имевшей времени оправиться от разрушений мировой войны, революции и гражданской войны. Без технической помощи капиталистических стран проекты больших промышленных строек не могли быть выполнены, но в то время, как до войны иностранный капитал играл очень важную роль в развитии русской индустрии, теперь эта роль стала совсем скромной*. Поэтому большие вложения должны были делаться из ресурсов пораженной бедностью страны. Следовательно, мы можем считать специфическим достижением плановой экономики то, что она заставила бедную нацию сделать большие сбережения. Что-либо подобное невозможно для рыночной экономики.

Из-за отсутствия статистических данных невозможно точно вычислить сделанные вложения. Но, несомненно, было невозможно получить из национального дохода столько, сколько требовал пятилетний план. Согласно плану вложения должны были составить 64,5 млрд. руб., согласно вычислениям Госплана они составили 60 млрд. руб.** Эти цифры трудно сравнивать, так как в конце пятилетки количество денег было почти вдвое больше, чем должно было быть согласно плану. Хотя благодаря плановой экономике инфляция не полностью сказалась на ценах строительных материалов, достичь запланированного снижения их цен во всяком случае не удалось. Кроме того, строительство не исключительно зависит от товаров, цены которых запланированы; в советской прессе было, например, много жалоб на непомерные цены транспортных перевозок, сильно удорожавшие стоимость строительства.

Согласно отчету Госплана вместо запланированных 17,6 в частный сектор было вложено лишь 7,5 млрд. руб., тогда как в социалистический 52,5 вместо 46,9 млрд. руб. Рассматривая нетерпимое положение частников и крестьян-единоличников, трудно вообразить, что могли значить эти 7,5 млрд. : в отчете эти цифры даны без какой-либо детализации. Отчет Госплана с удовлетворением констатирует, что вложения в социалистический сектор были больше (на 12%), чем по оценкам пятилетки. Отчет считает, что «пятилетка в важнейшей и решающей части перевыполнена, и это гарантирует, что техническая реконструкция, предусмотренная планом, будет перевыполнена по ко-

* Согласно Меморандуму № 4 Бирмингемского бюро (стр. 10) все иностранные долги советской России на 1 октября 1931 г. составляли 1205 млн. руб.

** Результаты окончания первой пятилетки.., стр. 254.

количеству и качеству». Здесь авторы отчета полностью игнорируют, что деньги обесценились и что точность строительных операций была далека от требуемой. В результате строительный индекс в 1932 г. был на 25% выше, чем в 1928, тогда как согласно плану он должен был быть на 40% ниже*. Это значит, что в последний год пятилетки 200 рублей, потраченных на строительство, давали примерно столько, сколько должны были давать 100 согласно плану. Ясно, что даже в социалистическом секторе вложения давали много меньше, чем должны были согласно плану.

Нужно также помнить, что пятилетка предполагает окончание всех начатых строительных проектов. Этого, однако, никоим образом невозможно было достичь. Согласно отчету Госплана (стр. 40) в период пятилетки капитал, вложенный в неоконченные строительные работы, возрос на 12 млрд. руб. — примерно четверть (29,9%) капитала, вложенного в социалистический сектор. В промышленном строительстве положение было еще хуже: например, в металлургию было вложено 3 млрд. руб. (вместо 2,165 по плану), а действительно пущенные в эксплуатацию сооружения оценивались лишь в 1,5 млрд. руб.** Поэтому и результаты строительных работ были много скромнее предусмотренных планом. Выполнение вложений сильно различалось для разных отраслей индустрии. В тяжелой промышленности вложения 21,3 млрд. руб. на 44,9% превышали запланированные 14,7 млрд. Напротив, в остальных отраслях вложения 38,7 млрд. были на 22% ниже запланированных 49,8 млрд. включая 7,5 млрд., вложенных в частный сектор. По изложенным причинам даже в тяжелой индустрии строительство не достигло цифр, предусмотренных планом; доля незаконченных работ в этой области была особенно велика. Тем не менее планы тут были выполнены в большей мере, чем где-либо. С самого начала план был задуман однобоко, так как вложения в тяжелую индустрию были слишком велики по сравнению с другими отраслями экономической системы. При выполнении плана эта однобокость еще усилилась, и это частично объясняет перекосы, из-за которых так сильно страдал русский народ.

Характерная черта экономического развития России в годы пятилетки — это не только большие инвестиции в бедной стране, но и направление их на производство средств производства. Поэтому капитальные вложения делали самый долгий оборот, тогда как в бедных странах он обычно краток. В этих обстоятельствах инвестиции могут принимать такую форму только при плановой экономике.

Принципиальной целью пятилетки было развитие тяжелой индустрии, и в общем надо признать, цель была достигнута. Даже если многие заводы были недостроены в ее конце и строительство должно продолжаться в последующие годы, это не имеет решающего значения

* См. отчет о совещании строительных директоров в «Экономической жизни» 17 января 1933 г.

** См. речь Рудзутака, председателя ЦКК (Центральной контрольной комиссии) и т. д. на 17-м съезде (За индустриализацию, 5 февраля 1934 г.).

для оценки результатов пятилетки. Если советское правительство стремится доказать, что пятилетка была полностью выполнена в период пятилетки, его мотивы пропагандистские. С научной точки зрения факт, что выполнение пятилетки заняло не четыре года с четвертью, а дольше, не компрометирует русскую плановую экономику. То, что проблематично в русской системе, лежит в другом месте.

Внешние успехи, достигнутые в строительстве тяжелой индустрии, замечательны. Снабжение энергией было расширено строительством серии электростанций. Новые угольные бассейны были развиты вне Донецкого, в частности огромный Кузбасс (Западная Сибирь). Эксплуатировались залежи угля на Урале, бурого угля под Москвой, торфа. Это позволило децентрализовать индустрию, не увеличивая (по крайней мере пропорционально) ее зависимости от снабжения углем из Донбасса. Заметно расширилась металлургия. Тут особое внимание было уделено развитию в большом масштабе Магнитогорско-Кузнецкого комбината. Согласно пятилетнему плану объем действующих доменных печей должен был увеличиться на 84% — от 20000 до 36800 кубометров, а площадей, занятых мартеновскими печами, на 39% — от 4630 до 6421 квадратных метров*. Машиностроение развилось особенно внушительно: едва ли осталась сложная машина, какой нельзя было бы построить в России. После США Россия имела крупнейшую тракторную промышленность в мире, тогда как до пятилетки она была совсем незначительной. Выросла новая химическая промышленность, не существовавшая до войны. Согласно расчетам проф. Прокоповича** основной капитал с 3700 млн. руб. в 1928 г. (в довоенных ценах) вырос к концу пятилетки до 8134 млн. руб. — на 120%. Несмотря на всю сдержанность, какую нужно проявлять в отношении таких расчетов, эти цифры дают представление о величине капитальных вложений в индустрию.

Б. Промышленная продукция

Рост промышленной продукции не может отражать строительной деятельности, ибо, как мы показали, значительный процент новых строек не был закончен к концу пятилетки. Согласно отчету Госплана она должна была возрасти за период пятилетки на 133,3%, а план был выполнен на 93,7%. На эти цифры, основанные на ценах, нельзя полагаться: такие вычисления принадлежат к «статистической демагогии» — черте всех отчетов, изданных в советской России в период пятилетки. Власти хотят показать преимущественно иностранным государствам успехи, достигнутые плановой экономикой. Манипулируя ценами в экономике, в которой нет ни упорядоченного денежного

* Отчет Госплана, стр. 108, 109.

** Прокопович. «Запланированная схема и результаты пятилетнего плана» с предисловием П. М. Милюкова. Париж, 1934, стр. 95.

обращения, ни регулярного рынка, можно показать все, что угодно. Мы можем получить более объективный взгляд на результаты пятилетки в области промышленной продукции, если выразим развитие не в денежных ценах, а в реальных количествах, хотя даже и здесь флуктуации качества произведенных товаров фактор невычислимый.

Ниже мы табулировали некоторые цифры, относящиеся к важнейшим отраслям тяжелой индустрии*.

Отрасли промышленности	Единицы	Продукция 1927—28	Продукция 1932	1932 в %% к 1927—28	1932 по плану	Выполнение плана в %
Электроэнергия	млн. квт-ч	5000	13000	262	22000	60
Топливо:						
уголь	млн. т	35,4	64,4	179	75	86
сырая нефть	млн. т	11,7	22,2	190	21,7	102
торф	млн. т	5,4	13,85	257	12,3	112
Металлургия:						
чугун	млн. т	3,3	6,2	189	10	62
сталь	млн. т	4,2	5,9	140	10,4	57
прокат	млн. т	3,4	4,2	126	8	52,5
медь	тыс. т	28,3	46,7	165	84,7	55
Стройматериалы:						
цемент	млн. баррелей	11,9	22,5	189	41	52
кирпич	млрд. шт.	1,78	4,8	269	9,3	52
пиломатериалы	млн. кбм.	11,55	22,2	192	42,5	55
Химия:						
суперфосфат	тыс. т	150	612	408	3400	18
азотная к-та	тыс. т	208	495	238	1450	34

Цифры свидетельствуют об очень значительном росте тяжелой индустрии: в большинстве отраслей продукция удвоилась, во многих больше, чем удвоилась. Важные исключения — две отрасли тяжелой индустрии: производство стали выросло на 40, проката — лишь на 26%.

Несмотря на прогресс тяжелой индустрии, план был более или менее выполнен только в топливной промышленности. Но даже и здесь успех очень поверхностный: в действительности недостаток угля в годы пятилетки был очень острым, так как потребность была много

* Цифры производства за 1927—28 г. и плановые цифры для 1932—33 г. взяты из «Пятилетнего плана...», т. 2, ч. 1, стр. 254—257; окончательные цифры из Госплана, стр. 64—126.

выше оцененной планом. Были две причины этой большой потребности. Во-первых, план рассчитали на увеличение эффективности угля в такой степени, что 30% его удастся сэкономить, чего никогда не было. Во-вторых, быстрое строительство промышленности на востоке резко увеличило потребность железной дороги в угле. Поэтому контрольные цифры* 1932 г. требуют производства 90 млн. т вместо 75, и в сравнении с этой увеличенной цифрой плановое производство угля достигло лишь 71,5%. В трех важнейших отраслях тяжелой промышленности — производство электричества, металлов и стройматериалов — было достигнуто выполнение плана на 50—60%. В химической промышленности процент был много ниже.

В противоположность результатам, достигнутым во всех этих отраслях тяжелой промышленности, о продукции машиностроения говорят, что она огромна. В этой сфере советская экономика пыталась сделать себя самодостаточной, и действительно серьезное уменьшение экспорта сделало такую самодостаточность необходимой. Цена произведенных машин поднялась с 1382 в 1928 до 5330 млн. руб. в 1930 году. Если принять цены, лежащие в основе этих расчетов, то машиностроение выросло вчетверо и план был перевыполнен на 22%. Но в производстве сельхозмашин, на которые благодаря коллективизации спрос вырос больше всего, план был далек от выполнения. Рост машиностроения потребовал больших жертв от страны. Недостаточность производства в металлургии вынудила импортировать за 4 года (1929—1932 гг.) 3,2 млн. т железа, что обошлось в 305,7 млн. руб. Железо однобоко применялось только в машиностроении, тогда как в сельском хозяйстве, общественной торговле и домостроительстве потребление железа не только не увеличивалось, но сокращалось**.

Оценивая значительное развитие тяжелой промышленности, мы должны помнить, что Россия еще молодая индустриальная страна. В такой стране, предполагая благоприятные торговые условия, промышленное развитие может идти много быстрее, чем в стране, давно индустриализированной. Так, за 3 года с 1910 по 1913 добыча угля выросла с 25,0 до 36,2 млн. т, чугуна с 3,1 до 4,8 млн. т, меди с 22,3 до 33,8 млн. т — на 45, 57 и 51% соответственно***.

В отчете Госплана о пятилетке говорится, что продукция тяжелой индустрии (группа А) выросла на 172,7%; в сравнении с этим огромным ростом рост легкой промышленности (группа Б) был более скромным, хотя и достаточно впечатляющим (101,2%). Отчет дает честно количество данных — в терминах товаров — относящееся к количественному развитию тяжелой индустрии, но в отношении легкой индустрии он

* Теперь все плановые цифры называются контрольными.

** См. мою статью Die russische Eisenindustrie (The Russian Iron Industry) в Der deutsche Volkswirt 16 июня 1933 г., стр. 1058.

*** «Экономическая система в 1913 г.», Министерство финансов. Опубликовано в «Вестнике финансов» и в «Торгово-промышленной газете». Петроград, 1914, стр. 305, 361, 397. Цифры относятся к прежней территории России.

предпочитает молчать, и вся русская пресса воздерживается от цитирования относящихся сюда цифр. Ниже в таблице мы даем детали, относящиеся к пяти важнейшим отраслям легкой промышленности; они цитированы из речи Молотова, председателя Совнаркома, на 17-м съезде партии*.

Согласно этим цифрам никакого прогресса в двух важнейших отраслях текстильной промышленности не было. Причиной этого провала был факт, что советское правительство прекратило импорт хлопка и шерсти, чтобы увеличить импорт механического оборудования. Между тем, рост производства сырья имел место лишь в случае хлопка и притом в недостаточном количестве. Рост производства стекла был мал, и план был выполнен лишь на 50%. В отношении производства кожаной обуви и консервов положение выглядит лучше.

Отрасли промышленности	Единицы	Продукция 1927—28	Продукция 1932	1932 в % к 1927—28	1932—33 г. по плану	Выполнение плана в %
Хлопковый материал	млн. м	2742	2720	99	4700	58
Шерстяной материал	млн. м	96,6	91,3	94,5	270	35
Стекло	тыс. т	320	396,4	124	800	49,5
Кожаная обувь	млн. пар	23	81,9	356	80	102
Консервы	млн. банок	90	716	796	650	110

Но эти успехи вызывают определенные сомнения. Огромное развитие национализированной кожевенной промышленности было достигнуто при одновременном разорении кустарных промыслов административными мерами. Теперь нет сомнений, что продукция кустарей была и много прочнее, и много больше соответствовала требованиям заказчиков, и много лучше распределялась. Консервная промышленность — это почти полностью создание советского государства. Оно сосредоточило в своих руках большие склады скоропортящихся продуктов, которые не умеет надлежаще распределить. Советская пресса сообщает об огромной массе таких испортившихся продуктов. Часть их превращаются в консервы весьма посредственного качества. В случае сапог и консервов мы свидетели важного прогресса в социалистической индустрии, которую советское государство высоко ценит. Но этот прогресс социализма, конечная цель для советского правительства, совсем не то, что экономический прогресс. Наоборот, требования потребителей удовлетворяются не лучше, а хуже.

Количественный рост промтоваров, как мы уже сказали, в значительной мере сопровождается ухудшением их качества. Массовое производство ненужных товаров в России не исключение, а нормальный процесс. И эти неходкие товары оцениваются по нормальной цене. Пресса буквально затоплена жалобами на низкое качество промтоваров. Из бесчисленных примеров мы возьмем один, изложенный в весьма компетентной газете*.

„Процент плохих товаров огромен... Нет отрасли в легкой промышленности, которая может похвастаться незначительным процентом испорченных и неходких товаров. Например, в трикотажной промышленности процент ненужных товаров достигает 37—50%. Отдельные совершенно экстраординарные цифры 80—90%."

Газета здесь отмечает, что даже товары, принятые как стандартные, часто бывают низкого качества. Даже в тяжелой индустрии — поскольку качество не определено по существу — положение дел не лучше, чем в легкой промышленности.

В России вряд ли что обсуждалось шире, чем качество товаров. Бесчисленные комиссии создавались, чтобы прекратить производство товаров низкого качества. В конце концов 8 декабря 1933 г. было принято правительственное решение, по которому управляющий персонал заводов, выпускающих низкокачественные товары, привлекается к уголовной ответственности. И все-таки никакого улучшения не наблюдалось. Это доказывает, что такое положение дел лежит в основе социалистической плановой экономики. Решающая причина не просто сверхскорое развитие, имевшее место в годы первой пятилетки, но также монопольное положение советской индустрии и «товарный голод». Ибо при абсолютном дефиците товаров люди хотят и часто вынуждены брать, что дают, не рассматривая качества. В немногих случаях, когда товары производились для экспорта, обращалось внимание на качество: тогда даже и советская промышленность знает, как делать пригодные к эксплуатации товары.

Первая пятилетка базировалась на представлении, что «удобряя» труд обильным капиталом и перенося на русскую почву новейшие технические методы, можно достичь огромного роста производительного труда. За пять лет она должна была возрасти на 110%. В действительности, однако, улучшение едва ли имело место. Хотя план производства не был выполнен ни количественно, ни качественно, численность персонала во всех областях экономической жизни возросла много быстрее, чем предвидели. Согласно плану число рабочих и служащих на крупных предприятиях должно было возрасти на 30,5% — с 3126 до 4080,1 тыс. Фактически в 1932 г. было 6311,1 тыс., так что число рабочих удвоилось**. Но официально утверждается, что производительность труда возросла на 41%***. Как Госплан пришел к этому противоречащему фактам результату, остается неясным.

Согласно расчетам проф. Прокоповича производительность труда возросла по валовому доходу на 9,1%, а по чистому доходу на 5,3%****.

---

* «За индустриализацию», 6 февраля 1934 г.

* Легкая промышленность, 4 и 23 июня 1933 г. Цитируем по Бюллетеню проф. Прокоповича, май 1933, стр. 11.

** Отчет Госплана, стр. 173.

*** Там же, стр. 176.

**** Запланированная схема и т. д., стр. 78.

Во всех этих вычислениях много проблематичного. Более показательны сравнения производительности труда в советской России и за границей, выраженные в терминах товаров и ограниченные определенными отраслями промышленности. В Донбассе в 1931 г. производительность за смену была 0,61 т; в Англии в 1929 г. 1,2 т; в Руре 1,53 т; в США в 1929 г. 4,85 т. В доменных печах в южных районах СССР производство чугуна на одного рабочего составляло в 1930 г. 24 т в месяц, в США в 1927 г. — 140 т. Производство стали на одного рабочего составляло в СССР 17 т в месяц, в Германии в 1927 г. — 47 т.* Из этих цифр ясно, что производительность труда в советской России, несмотря на современнейшие машины, много ниже, чем в других странах.

В. Сельскохозяйственное производство

Как бы ни оценивать русские достижения в крупной индустрии, ее быстрый рост вне всяких сомнений. С сельским хозяйством в годы пятилетки дело обстоит совсем иначе. Опаснейшей чертой русского экономического положения накануне пятилетки было положение с производством зерна. В 1928 г. площадь под зерновыми составляла 0,62 га на душу населения против 0,74 га в 1930 г., т. е. была на 16% меньше. Вся площадь под зерновыми составляла в 1928 г. 94,7 млн. га против 102,7 млн. в 1930 г., т. е. была меньше на 8 млн. га**. Сельскохозяйственная статистика в советской России наименее надежна, но даже и ее достаточно, чтобы заметить, что возрастание площади зерновых в 1932 г. было недостаточным. Было убрано 99,7 млн. га — еще на 3 млн. га меньше, чем до войны***. И не только площадь, но и урожай зерновых на единицу площади ниже довоенного: было подсчитано за пять лет (1928—32) 7,5 дюжин на га против 8,25 дюжин за 5 довоенных лет****. Таким образом, средний урожай зерновыхв годы пятилетки был ниже довоенного. Если мы вспомним, что населения в конце пятилетки было по крайней мере на 15% больше, чем до войны, и что довоенный экспорт составлял около 16%

---

* Экономическая жизнь, 2 и 30 сентября 1932 г. Цитировано по Auhagen, стр. 24.

** Контрольные цифры на 1928—29 г., стр. 408—411.

*** Отчет Госплана о завершении пятилетки внезапно дает цифру площадей зерновых в 1913 г. на русской территории, какова она сейчас, 94,4 млн. га. Эта новая цифра, противоречащая официальной оценке, не имеет обоснования и, по-видимому, имеет целью замаскировать неблагоприятное положение в зерновом производстве.

**** Первая цифра взята из доклада Молотова, председателя Совнаркома. (За индустриализацию, 6 января 1934 г.), вторая из расчетов знаменитого русского статистика фон Громана в его статье «Зерновое производство и экспорт в СССР» (Энциклопедия советского экспорта), Берлин 1928, т 1, стр. 238.

чистого урожая, то ясно, что нынешняя Россия даже и без экспорта не может потреблять на душу столько зерна, как до войны, и даже тогда потребление зерна не было особенно высоким*. В таких обстоятельствах экспорт в 1931 и 1932 гг., составивший в общем 10,7 млн. т, был неоправданным и действие его было катастрофическим.

Факт, что Россия не имеет больше избытка в зерне для отправки за границу, угрожает ее торговому балансу; до войны стоимость русского зерна составляла почти половину экспорта.

В целях индустриализации советское правительство пыталось расширить посевные площади «технических» культур, обеспечивающих промышленность сырьем: сахарной свеклы на северной Украине, хлопка в Туркестане, льна на севере, подсолнухов на юго-востоке и т. д. Тогда как до войны под «техническими» культурами было лишь 4,55 млн. га, их площадь составляла 8,6 млн. га в 1928 г. и 14,7 млн. га в 1932. Но технические культуры требуют очень тщательного ухода, и механизация, на которой советское правительство основывало все свои надежды, не может достичь здесь многого. Результатом было, что быстрое возрастание площадей сопровождалось резким дальнейшим снижением невысокого и прежде урожая на единицу площади. Следующие детали делают положение ясным**.

Культура	**Урожай в дюжинах/га**			**Урожаи 1930—1933**
	1909—1913	**1925—1929**	**1930—1933**	**в % к 1909—1913**
Хлопок	3,8	2,6	2,1	55
Лен	4,0	2,4	2,0	50
Сахарная свекла	160,7	127,8	82,2	51
Подсолнухи	10,7 (1913 г.)	6,1	6,3	56

Таблица показывает, что урожай на единицу площади составляет лишь половину довоенного. Несмотря на это, благодаря огромному росту обрабатываемой площади валовый урожай технических культур все же возрос. Сахарная свекла, валовые урожаи которой широко колеблются, представляет исключение, и средний довоенный урожай был едва ли достигнут даже с обрабатываемой площади вдвое большей довоенной. Политика вытеснения зерна техническими культурами, которая часто — как, например, в случае хлопководства в Туркестане — была навязана под сильным давлением государства, теряет всякое экономическое оправдание, когда эти культуры такие скудные и

---

* Согласно вычислениям Бирмингемского бюро, Меморандум 8, табл. 111, чистый урожай на душу населения был в 1913 г. 4,9 дюжины, а средний за 1928—1933 гг. 3,9, т. е. почти на 20% меньше.

** Эти цифры вычислены из бюллетеня Прокоповича № 100 за ноябрь-декабрь 1932 г. и дополнены по речи Сталина на 17-м съезде (За индустриализацию, 28 января 1934 г.).

ненадежные. В конце концов советское правительство должно было признать этот факт и в 1931 г. площади под технические культуры были уменьшены до 11,45 млн. га.

Положение русского животноводства видно из следующей таблицы. Она взята из речи Сталина на 17-м съезде и представляет особый интерес, так как цифры за 1933 г. опубликованы тут впервые*.

Цифры за 1929 г. показывают, что животноводство испытало значительное оздоровление за годы НЭП. Но с тех пор число лошадей

Поголовье скота в СССР, в млн. голов

	1916	1929	1930	1931	1932	1933	1933 в % к 1929
Лошади	35,1	34,0	30,2	26,2	19,6	16,6	48,8
Рогатый скот	58,9	68,1	52,5	47,9	40,7	38,6	56,7
Овцы	115,2	147,2	108,8	77,7	52,1	50,6	34,4
Свиньи	20,3	20,9	13,6	14,4	11,6	12,2	58,6

уменьшилось наполовину, крупного рогатого скота почти наполовину, овец на две трети и свиней на две пятых. Уменьшение поголовья в 1930 и 1931 г. можно рассматривать как прямое следствие насильственной коллективизации: крестьяне не хотели сдавать свой скот в колхозы и предпочитали его резать. Но факт, что уменьшение продолжалось и два последующих года, показывает, что условия социалистического сельского хозяйства для животноводства неблагоприятны. Большие налоги тоже имели решающее значение. После сдачи зерна у крестьян оставалось его едва достаточно для самих себя и было не до корма для скота.

Поголовье скота — наиболее ценная форма крестьянского капитала, и его катастрофическое уменьшение определяет общее положение русского сельского хозяйства. Мы должны учитывать грозное падение тягловой силы, так как не может быть речи о замене рабочего скота тракторами, хотя коммунисты совсем недавно воображали это возможным. Считалось, что в России было 25,2 млн. рабочих лошадей в 1929 и 12,3 млн. в 1933 г., т. е. на 12,9 млн. меньше**. Более того, число тягловых быков с 4,6 млн. голов в 1929 г. упало до 2 млн. 204000 тракторов общей мощностью в 3100000 лошадиных сил, работавших в 1933 г. в русском сельском хозяйстве, в лучшем случае могли заменить 4 млн. лошадей***. В общем поголовье тяглового скота, считая 3 быков эквивалентными 2 лошадям, уменьшилось с 28,3 млн. в 1929 до 17,6 млн. в 1933 г., т. е. более чем на треть. В 1932 г.

* За индустриализацию, 28 января 1934 г.

** Бюллетень Прокоповича № 111, февраль-март 1934, стр. 14.

*** Пятилетний план.., т. 2, ч. 1, стр. 274—275.

русские тракторные заводы выпустили 45000 тракторов. Даже если бы было возможно значительно увеличить их производительность в последующие годы, машины изнашиваются так быстро, что можно видеть лишь очень медленное увеличение их общего числа. Пополнить запас лошадей — жизненная проблема русского сельского хозяйства, и правительство теперь это признало, несмотря на свое увлечение механическими фермами.

Падение животноводства угрожает русскому сельскому хозяйству еще и с другой стороны. В степных районах поля не требуют унавоживания, но в северных черноземных районах без него невозможно получить хороший урожай. Для холодной северной половины европейской России плодородность земли абсолютно зависит от навозных удобрений так же, как, например, в Германии. Их можно дополнить, но не заменить минеральными удобрениями. Восстановление животноводства процесс медленный, и вторая пятилетка, задуманная во вполне оптимистическом духе, не дает надежд, что эта задача будет решена в отведенное время. Это значит, что в результате насильственной коллективизации русское сельское хозяйство еще долгое время будет слабым.

Г. Индустриализация страны

Россия — большая континентальная страна. Она была страной аграрной, и, насколько мы можем видеть, радикальные изменения в обозримом будущем невозможны. Богатые природные ресурсы позволяют развивать промышленность, и это неизбежно при экономическом прогрессе. Но русская промышленность должна быть поддержана внутренним рынком. Примером могут служить США, чья большая промышленность работает на внутренний рынок и лишь в скромных размерах на экспорт. Германия и особенно Англия, промышленность которых сильно зависит от внешней торговли, менее подходящие примеры. Под давлением мирового кризиса даже Германия и Англия пытались увеличить значение внутреннего рынка для промышленности. В России мы видим пересадку в экономическую систему тяжелой крупной промышленности, которой народ из-за быстрых темпов развития совершенно не научился управлять. С другой стороны, мы видим, что главная поддержка русской экономической жизни — сельского хозяйство — подорвана. С экономической точки зрения это не прогресс, а самая большая ошибка. При рыночной экономике, когда экономическая жизнь подчиняется своим собственным законам, такое положение возникнуть не может, а при плановой экономике, как показывает пример, это патологическое развитие возможно.

Так как советское государство признает лишь абсолютные ценности (капитализм плох, социализм хорош; простая техника плоха, сложная хороша и т. д.), даже эта форма экономической дегенерации прославляется как индустриализация, ибо индустриализации приписывается абсолютная ценность. В то же время экономическая литература, пытается доказать, что эта индустриализация проведена много

дальше, чем в действительности*. Советские авторы с большим удовлетворением отмечают, что если в 1928 г. производство товаров составляло 44,3% от всей стоимости промышленной продукции, то в 1932 г. оно было уже 52,5%. Состав товаров, производимых русской промышленностью, примерно тот же, что в Германии и Англии. Что до русского машиностроения, то его продукция в 1931 г. была в полтора раза больше, чем в Англии и Германии, двух странах, снабжающих весь мир машинами. Если индустриализацию не рассматривать как ценность саму по себе, то именно последние факты вызывают тяжелые сомнения. В быстром развитии производства товаров, снабжающего товарами низкого качества и не контролируемого принципом выгодности, есть большая опасность. Чтобы ее проиллюстрировать, позвольте процитировать мнение ВСНХ:**

> 8 октября 1929 г. контролирующий орган ВСНХ был вынужден зарегистрировать, что в большом числе отраслей производства качество произведенных товаров — к стыду наших трестов и администраторов — колоссально ухудшилось. Низкое качество угля и железа одна из главных причин, почему производство железа сдерживает выполнение программы. Крайне низкое качество железа делает невозможным использование его предприятиями для выполнении их программы. С этим также связано неудовлетворительное положение сельхозмашиностроения — опасное положение, поскольку грозит оставить крестьян без машин и инструментов для полевых работ весной.

Производство таких товаров может стать самоцелью, и мы, действительно, получаем впечатление, что большое русское производство товаров кормит, так сказать, само себя.

* Подсчитано (см. отчет Госплана, стр. 14 и речь Сталина на 17-м съезде), что в общем в 1932 г. на долю промышленности приходилось ни больше, ни меньше, как 70,9% продукции, и в силу этого утверждается, что советская Россия определенно превратилась в индустриальную страну. Обсуждая этот вопрос, нужно учесть низкую оценку сельскохозяйственных продуктов по сравнению с промышленными и факт, что при подсчете валового дохода от индустрии цена многих полуфабрикатов и сырья считалась несколько раз. Продукция нетто промышленности составляла в 1928—1932 гг. 37—45% от валовой (см. А. Путилов. Проблемы промышленной экономики. Плановое хозяйство, 1932, ч. 2, стр. 113). Распределение продукции нетто в довоенных ценах показало, что даже теперь сельское хозяйство, несмотря на его упадок, более ценный созидательный фактор, чем промышленность. Это следует из факта, что в 1932 г. 71,2% населения было занято в сельском хозяйстве.

** За индустриализацию, 8 января 1930 г.

Д. Экономическое положение масс

Изучая советскую литературу, мы получаем впечатление, что все эти стройки по большому счету рассматриваются как самоцель. Факт, что они должны удовлетворять требованиям людей, кажется забытым.

Даже при НЭП условия рынка были неблагоприятны для крестьян. Но их эксплуатация социалистическим сектором общества была в некоторой степени ограничена существованием частной торговли. После преодоления катастрофы 1921—1922 гг. крестьяне не испытывали голода даже при очень бедном урожае 1924 г. В годы пятилетки требования государства к крестьянам очень сильно возросли и были выполнены благодаря методам насильной экспроприации. Из валового урожая зерновых государство взяло 14,7% в 1928 г. и 32,9% в 1931 г.* Тяжелейшие зернопоставки пришлись на южные районы; об их размерах можно судить по словам «Экономической жизни» 18 августа 1932 г.: «Для многих колхозов района Вознесенска (украинские степи) заготовительный план охватывал 80%, а в некоторых случаях практически весь валовой урожай. Во многих колхозах Винницкого и Киевского округов (украинская лесостепь) заготовительный план охватывал почти весь валовый урожай». Но это напечатали лишь после того, как большие запасы зерна были вывезены из украинских портов. Несмотря на катастрофический упадок животноводства заготовки животных продуктов (за исключением яиц) не только не уменьшились, но увеличились**. Экспорт корма для животных приостановлен не был. Так крестьянство было ввергнуто в голод 1932—1933 гг.

Оценивая результаты пятилетки с точки зрения рабочих, нужно иметь в виду, что их положение перед крушением системы НЭП было весьма благоприятным. Согласно вычислением Института конъюнктуры их индивидуальный заработок был в 1926—27 г. выше довоенного на 10—11%, а если включить доход, обеспечиваемый социализированными институтами (социальные секции), то на треть***. В это время немногочисленный рабочий класс, привилегированный во всех отношениях, имел что предъявить за революцию. Хотя советское государство в годы пятилетки пыталось охранить интересы рабочих с помощью высоких налогов, оно в этом не преуспело. Государственные торговые организации не умели надлежащим образом накапливать большие налоги. Они не знали, как их правильно распределить: значительная часть шла на экспорт в уплату за импортное оборудование, оставшиеся делились между быстро растущим числом рабочих и даже крестьян, вынужденных расширять посевы технических культур за счет зерновых. После первой кампании принудительной коллективизации рынок животных продуктов, до этого очень активный, исчез.

* См. дальнейшие подробности в моей статье «Русский экспорт зерновых...», op. cit, октябрь 1933, стр. 497—498.

** Бюллетень Прокоповича № 100, стр. 7.

*** Бюллетень Института конъюнктуры № 11—12, стр. 4.

Это особенно почувствовали рабочие. Они почувствовали также и голод, свирепствовавший в 1932 и 1933 гг. на юге.

Жилищные условия рабочих были совершенно отвратительными. Революция привела почти к разрушению значительную часть наличного жилья. Поэтому жилищные условия были очень плохи даже до вступления в силу пятилетки. Из частностей, данных в отчете Госплана (стр. 186 и 253), можно вычислить, что на одного горожанина приходилось лишь 5,8 кв. м. жилплощади — меньше принятых в советской России минимальных 8 кв. м. В 1932 г. средняя жилплощадь упала еще ниже — до 4,8 кв. м.*

Условия, однако, различаются. Больше заботы проявляется о рабочих в больших городах, тогда как у шахтеров и строителей положение хуже. Они наименее обеспечены жильем.

> Я должен особенно привлечь внимание к невероятно плохим жилищным условиям. До сих пор ни один жилой дом для рабочих не закончен. Они поселены во временные бараки, где нет воды, грязь и дождь заливает через крышу. Слишком мало внимания обращается на жилищные условия рабочих. Столовые отвратительны...

Таковы слова ни более ни менее, как Орджоникидзе, народного комиссара тяжелой промышленности, и они относятся не к каким-то жалким трущобам, а ко всемирно известным плавильным заводам Магнитогорска. Многие строители живут в пещерах, вырытых в земле**.

Е. Разрушение рынка

Составляя суждение об экономическом положении, никогда нельзя забывать одного факта. Проблема, рассматривавшаяся беспартийными спецами в Госплане как важнейшая и признанная таковой Сталиным в его речи 23 июня 1931 г., не была разрешена. Это проблема сохранения равновесия спроса и предложения, проблема комбинирования плановой экономики с формально свободным рынком. Равновесие было нарушено даже прежде, чем пятилетка вошла в силу, это было причиной, почему беспартийные спецы считали время неподходящим для введения плана. И его действие, действительно, окончательно сломило денежное обращение и рынок.

Неблагоприятное экономическое положение России нельзя считать исключительно следствием провала производства. Равные количества потребительских товаров могут в очень разной степени удовлетворять потребности общества, и равные количества произведенных

* В отчете Госплана (стр. 186) упоминается только увеличение жилплощади и нет вычисления ее на одного жильца.

** «За индустриализацию», 14 августа 1933 г.

товаров могут в разной степени вызывать расширение производства. Все это зависит от методов распределения.

Советская экономика состоит, во-первых, из общей экспроприации товаров и, во-вторых, из общего их распределения. Экспроприация товаров — очень сомнительный метод с экономической точки зрения. Голод в 1932 и 1933 гг. был вызван не только плохими урожаями, но в значительной мере системой распределения. Урожай зерновых в 1924 г. был после 1921 г. наименее удовлетворительным, он был хуже, чем в 1931 г.* Но в 1924—25 г. не было голода на больших территориях, и хотя возрождение сельского хозяйства было задержано, оно определенно не было прекращено; с другой стороны, провал урожая в 1931 г. привел к свирепому голоду на больших территориях и к упадку сельского хозяйства. Это различие объясняется тем, что в 1924—25 г. правительство должно было прийти к соглашению с сельским хозяйством на рынке, и хотя положение государственных закупочных организаций на рынке было могущественным, оно не было монопольным. В 1924—25 г. советское правительство не могло достичь своей цели: скупить столько зерна, чтобы осуществить экспорт. Оно было вынуждено импортировать определенное количество зерна для больших городов, и это соответствовало экономическим интересам общества. Напротив, в 1931—32 г. правительство смогло, благодаря совершенству своего принудительного аппарата, навязать самые большие налоги и осуществить значительный экспорт. Для сельского хозяйства последствия были катастрофическими.

Если экспроприация товаров столь опасный инструмент в руках правительства, распределение властями — инструмент неэффективный. Даже распределение потребительских товаров, удовлетворяющих наиболее элементарные потребности населения — как, например, хлеба — задача не простая, но требующая чрезвычайно сложной и весьма обширной организации. Авторитарное распределение товаров второго порядка, удовлетворяющих индивидуальные запросы, всегда ведет к потере их ценности. Жизнь с пайками, продуктовыми карточками, очередями не подходит человеку.

Факт, что русская промышленность сконцентрирована на больших предприятиях, может привести к мысли, что по крайней мере в сфере промтоваров распределение властью может быть эффективным. Но мы уже показали, какие неодолимые трудности здесь встречаются. Даже для распределения промтоваров рынок несравненно эффективнее плановой экономики.

Факт, что в советской России не удалось скомбинировать плановую экономику с системой рыночной торговли, нельзя объяснить простым перенапряжением планов. Оно привело, конечно, к необходимому расширению использования методов «насильственной» экономики, но,

* Согласно Бирмингемскому бюро, меморандум 8, табл. 111, распределение урожая зерна нетто на человека составляло в 1924—25 г. 2,9 дюжины, а в 1931—32 г. 3,5 дюжины — на 20% больше.

как мы показали, крушение рыночной торговли началось даже до вступления в силу пятилетки в то время, когда, благодаря беспартийным спецам, планы не вырабатывались без некоторой доли предвидения. Русская экономическая жизнь восстанавливалась сравнительно скоро, лишь пока система НЭП функционировала надлежаще. Но тогда почти не существовало последовательной плановой экономики. Советское правительство позволило частной торговле перекроить свои планы. Они корректировались рынком, и государство не смело отделаться от частного бизнеса. Эта коррекция планового вмешательства стихийными силами рынка благоприятствовала экономической жизни.

Ж. Проблема безработицы

Важнейший аргумент, приводимый в пользу плановой экономики советской России: во время мирового кризиса, когда в капиталистических странах миллионы были без работы, советское государство успешно одолело безработицу.

Из-за больших различий структур экономических систем в России и западных капиталистических странах проблему безработицы в России нужно рассматривать с совсем другой точки зрения. В России очень мало связи между безработицей и циклическими флуктуациями промышленности. Оплата квалифицированного труда в России всегда была скудной и обученные рабочие редко оставались без работы. Корни русской безработицы не в городах, а в перенаселенных сельских местностях*. Эти местности имеют избыток рабочей силы и едва могут прокормить все сельское население. Когда в городах есть шансы получить работу, туда устремляется много крестьян. Они насыщают рабочий рынок и вдобавок создают резервную армию безработных, ожидающих счастливого случая получить работу. С другой стороны, в случае промышленного кризиса крестьяне возвращаются в деревню, и не только они, но и рабочие, еще не порвавшие с нею связь. Итак, в России мы можем наблюдать парадоксальное явление: рост безработицы при благоприятных торговых условиях в промышленности и уменьшение ее при условиях неблагоприятных. Это показывает, что в России состояние безработицы в городах не дает полезного критерия для оценки экономической политики. Аграрное перенаселение — деликатнейшая проблема русской экономической жизни, и русскую экономическую политику следует всегда оценивать в зависимости от того, облегчает ли она аграрное перенаселение или его подчеркивает.

Действие упомянутого закона очень ясно видно после революции. В годы «военного коммунизма», когда промышленность была в катастрофическом состоянии, безработных в городах не было, и даже

* Прекрасный анализ этого вопроса см. Dr. Michael Hoffmann. Die agrarische Uebervoelktrung Russlands. Берлин, изд. Мангейм, 1932, стр. 64—68 и 83—84.

свирепейшими мерами принуждения государство смогло удержать на их местах всего треть рабочих. Они тянулись в деревню, где в то время все надеялись получить участок земли. Сколь ни плохо было положение в деревне, там было легче пережить кризис, чем в городах.

С введением НЭП повсюду начался процесс восстановления экономической системы. Число рабочих быстро возросло, и их экономическое положение в 1926—27 г. было лучше довоенного. Широкая брешь разверзлась между положением рабочих и крестьян. Верно, что аграрная революция дала крестьянам некоторое дополнительное количество земли, но, с другой стороны, их положение на рынке оказалось гораздо более невыгодным, чем было до войны. Крестьяне хлынули в города, и результатом было, что оживление промышленности повело не к исчезновению, а скорее к увеличению числа безработных. Максимум 1958000 был достигнут в 1927—28 г., последним перед вступлением в силу пятилетки. Число безработных было тогда немногим меньше числа рабочих крупной индустрии, составлявшего 2080000*. Было бы ошибкой осуждать на этом основании политику периода НЭП. В это время экономическая жизнь восстанавливалась быстрее, но никаких катастрофических событий не было.

С введением пятилетки спрос на рабочих резко возрос, но в то же время в городах ухудшилось положение с жильем и с продовольствием. В 1928—29 г., впервые после НЭП, безработица уменьшилась, а после первой кампании, приведшей к принудительной коллективизации, на рынке труда в 1930 г. возникло совсем новое положение: скудость рабочих. Этот поворот можно лишь отчасти объяснить громадным ростом спроса на рабочих, ибо сельские местности России могут удовлетворить самый большой спрос. Решающим фактором было ухудшение положения промышленных рабочих. Города снова потеряли в какой-то степени притягательную силу, как это было при военном коммунизме. Другой важный факт: бедняки, стремившиеся в города, теперь пошли в колхозы, где они сперва почувствовали себя уверенно. Советское правительство должно было принять принудительные меры. Оно заставило колхозы снабжать определенное число рабочих; оно отменило пособия по безработице; оно создало армии подневольных рабочих из экспроприированных крестьян и из политически неблагонадежных.

Недостаток рабочих чувствовался в 1930 и 1931 г. В 1932 г. положение на рынке труда снова изменилось. Большие налоги ввергли сельское население в голод. «В 1932 г., — пишет немецкий сельскохозяйственный эксперт д-р Отто Шиллер,** — *значительный процент населения непрерывно передвигался* (курсив Шиллера) и это было тяжким бременем не только для системы транспорта, но и для национального производства... целые деревни были заброшены...» Поезда были забиты странствующими крестьянами, бесчисленные множества ожидающих билеты осаждали станции. Сколь ни велик был спрос на

* Контрольные цифры для 1928—29 г., стр. 159, 468.

** Die Krise der sozialisierten Landwirtschaft in der Sowietunion, стр. 45.

рабочую силу, экономическая система была неспособна применить эти громадные массы неквалифицированных рабочих, тем более, что государство начало снижать строительную активность осенью 1931 г. Пособие по безработице, отмененное осенью 1930 г., восстановлено не было, и государство пыталось освободиться от давления толп крестьян. Целью закона о паспортах было держать крестьян вне городов. Было удобнее оставить их околевать в деревне.

Эти факты подтверждают нашу теорию, что развитие безработицы едва ли имеет значение для суждения о русской экономической политике. Но об аграрном перенаселении в условиях, господствующих сегодня в сельском хозяйстве, можно сказать, что положение катастрофическое.

Но остается замечательный факт, что за короткое время число русских рабочих удвоилось. Это стало возможным благодаря тому, что уровень жизни рабочих стал много ниже, чем у живущих в капиталистических странах на пособие по безработице. Такой процесс может быть завершен коммунистическим, но не буржуазным государством. Даже под давлением мирового кризиса буржуазные правительства не осмеливались заставить безработных работать за низкую плату. Они пытались поддерживать безработных из обильных резервов, не урезая зарплату. И только когда резервы истощались, система планового снижения приходила в действие тут и там. При этой системе зарплата рабочих была достаточно скромной, но много выше, чем нормальная при плановой экономике в советской России.

3. Плановая экономика как экономическая система будущего

Так как стало ясно, что пятилетка не подняла, а, наоборот, снизила уровень жизни масс, плановую экономику советской России часто защищают другим путем. Говорят, что система снижает жизненный уровень народа сейчас, но гарантирует ему процветание в будущем. «Русский народ, — говорит немецкий специалист по политэкономии, — имеет все качества, чтобы через величие уморить себя голодом». Здесь нужно заметить, что такая интерпретация плановой экономики советской России не отражает намерений авторов пятилетки: они ожидали, что положение народа начнет улучшаться сразу и притом быстро. Только во второй год пятилетки, когда стало ясно, что положение масс ухудшается, была предложена новая теория, что необходимо прежде всего страдать и что стоит приложить еще больше усилий, чтобы, так сказать, сократить дорогу сквозь чистилище (четыре года вместо пяти). Награда придет по окончании пятилетки: тогда массы одним ударом достигнут много более высокого жизненного уровня. Когда экономическое положение не улучшилось по окончании пятилетки, несмотря на все «успехи», было понятно, что социализм еще не достроен и нужны большие усилия еще пять лет.

Откладывать удовлетворение насущных нужд ради гарантированного будущего — это не специфическая черта плановой экономики советской России. Но в каждой системе должно существовать разумное соотношение между усилиями для настоящего и для будущего. В экономической системе, действующей спонтанно, правильно сказать, что нынешние товары ценятся выше будущих. В гармонии с этим законом существует разумное соотношение между работой для настоящего и будущего. Специфическая черта плановой экономики советской России — несбалансированное придавание особого значения будущему, и это ни в каком смысле нельзя рассматривать как достоинство. Жертва интересами целого поколения во имя будущего не может быть оправдана с экономической точки зрения.

Капитальная ошибка думать, что полное игнорирование нынешних нужд народа послужит его экономическому будущему. Будущее гарантируется не столько сбережениями, сколько напряженной работой в настоящем. И только народ, чьи нужды разумно удовлетворяются, способен напряженно работать. В советской России этот принцип систематически нарушается. В 1931—32 г. был осуществлен большой экспорт зерна, чтобы приобрести оборудование для строящихся заводов. Но едва ли можно сомневаться, что вред, нанесенный этим экспортом сельскому хозяйству, не будет возмещен будущими выгодами от этих заводов. Быстрая постройка гидростанции на Днепре (Днепрогэс) считается одним из наиболее блестящих достижений советского государства и заслужила для него поддержку многих иностранных туристов. Но с экономической точки зрения быстрая постройка Днепрогэса совсем не оправдана, так как должно пройти много лет прежде, чем будут достроены заводы, которые она должна обслуживать; похоже, что срочной нужды в них нет. Между тем, для постройки домов в Магнитогорске денег не было, и весьма вероятно, что неудовлетворительные результаты работы этого завода — прямой результат отвратительных условий, в которых вынуждены были жить рабочие.

Теория, будто плановая экономика советской России — система для будущего, основана на другой сомнительной посылке. Предполагается, что все стройки и заводы, построенные согласно плану, сразу станут служить обществу. Это верно для многих строек, но не для всех, так как принцип выгоды — абсолютная ценность в экономике — не был тут руководящим. Не только вероятно, что многие заводы не вернут вложенных денег (это значит, что их было полезнее вложить в другие предприятия), но вероятно даже, что их доходы окажутся меньше текущих расходов. Такие сомнения вызывают в особенности грандиозные проекты предприятий, которыми советское правительство больше всего гордится. По упоминавшимся ранее причинам очень сомнительна выгодность Магнитогорско-Кузнецкого комбината. Производство очень сложных машин в России сомнительно с точки зрения выгодности: оно много дороже и работа часто низкого качества.

Эти предприятия строились с энергией, характерной для революционных эпох, и что-то положительно кристаллизуется из них даже сейчас. Но не может быть речи об оправдании с экономической точки зрения громадных жертв, которых потребовал этот эксперимент.

Накануне мировой войны русская индустрия очень сильно прогрессировала, и это не требовало жертв от народа.

Во всяком случае при плановой экономике с разрушенным рынком невозможно выбрать между прибыльными и убыточными заводами. Только в рамках рыночной экономики цены потребительских товаров формируются так, что правильно выражают сравнительную напряженность спроса; только в рамках рыночной экономики цены товаров правильно формируются методом отбора. Рациональный отбор в использовании заводов, построенных при плановой экономике, возможен лишь при рыночной экономике.

И. Внеэкономические основы плановой экономики советской России

В конце 1932 г. массы так плохо кормились и положение в колхозах, совхозах и промышленности было так неблагоприятно, что Сталин, осведомленный лучше, чем кто-либо, не осмеливался оправдывать пятилетку с чисто экономических позиций. В речи 7 января 1933 г., где он суммировал результаты плана, он особенно подчеркивал внеэкономические основы. Он должен был добавить, что экономическая жизнь могла развиваться иначе, и это привело бы к большему удовлетворению нужд народа. «Но в этом случае, — сказал он, — мы не имели бы современных средства обороны, без которых национальная независимость страны невозможна, без которых она стала бы целью для атак внешних врагов». Вдобавок он уделил особое внимание двум другим неэкономическим целям: сделать страну экономически независимой от капиталистического мира (автаркия) и побороть капиталистические элементы внутри страны. Коммунистическим авторам особенно трудно доказать, что сельское хозяйство прогрессирует. Они довольствуются показом, что его оказалось возможным социализировать и собрать в большие предприятия, отмечая, что это сделано много быстрее, чем предусматривалось пятилеткой. Они отождествляют прогресс сельского хозяйства с его социализацией.

Надо признать, что на этой позиции коммунизм неуязвим. Если проблема в том, чтобы заставить экономическую систему служить внеэкономическим целям, то плановая экономика обеспечивает прекрасное решение. Это ясно и капиталистическим странам. Желая сосредоточить все силы на ведении войны, они вынуждены переделывать экономическую систему по линии планирования с определенными коммунистическими характеристиками. Но для западных стран это было временной фазой: по окончании войны такой «этатизм» был осужден и отброшен. В русском коммунизме нужно видеть попытку развить военную экономику и дать ей новое направление и цель.

Внутренняя связь между политикой и экономикой — это сущность плановой экономики советской России. Каждая экономическая система в какой-то мере политическая: одна из ее целей поддержать и усилить экономическими мерами существующую политическую организацию. Но капиталистическая страна, — если исключить такие чрезвычайные события, как мировая война, — действует здесь в очень узких пределах. Буржуазное правительство не заботится об экономической деятельности и потому всегда должно считаться с легальной независимостью экономической системы. Русскому автократическому правительству в период до 1905 г. ближе всего были интересы дворянства. Оно не жалея сил поддерживало имения и хозяйство дворян. Но оно вынуждено было так или иначе приспосабливаться к постепенному и экономически неизбежному уменьшению этих землевладений, подразумевавшему подрыв его социальной базы. Правительство видело, что развитие промышленного капитализма создает для него почти неодолимые трудности. Тем не менее, оно по экономическим причинам было вынуждено не только терпеть, но даже благоприятствовать развитию капиталистической крупной индустрии. Спонтанное развитие экономической системы наложило на царское правительство ограничения, от которых оно не могло освободиться.

С победой плановой экономики экономическая жизнь окончательно подчинилась политике, так как при этой системе государство само заботится об экономической деятельности и не позволяет делать это гражданам. Только при плановой экономике правительство может отменить вековую организацию сельского хозяйства и одним ударом заменить ее другой организацией, природу коей представляет себе только в самых общих чертах. Любое правительство может делать ошибки в экономической политике, но лишь плановая экономика дает ему столько силы, что ошибки могут привести к катастрофам и угрожать положению государства. Ибо правительство, всесильное экономически, всесильно также и политически.

Характер политических идеалов, навязываемых коммунистическим государством экономической системе, определяется его природой и историей. Партия, сохранившаяся в таких больших потрясениях, могла достичь победы только ценой фанатической веры, ценой веры, что как носитель чистой социалистической доктрины она — цвет духовного и социального развития европейской цивилизации — призвана освободить все человечество. Для такой партии естественно отождествлять добро масс с добром «государства пролетарской диктатуры». Что социализм принесет счастье всему человечеству — в этом у такой партии нет ни тени сомнения. И если так, то какое значение имеют преходящие страдания народа, гибель нескольких миллионов крестьян в сравнении с бессмертными интересами государства, мировой революции?

В такой плановой экономике характер экономического управления не только в центральных органах, но и в любой крошечной отрасли должен быть политическим; вопросы экономической деятельности должны быть везде подчинены интересам всеобъемлющего социалистического государства. Руководить каждым предприятием

(скольугодно скромным) должен политически благонадежный человек — коммунист. Экономическая система управляется не специалистами, а непрофессионалами, и это важная причина ее провала*.

Исходный пункт критики капитализма социалистами — равнодушие к нуждам народа. Социализм обещает народ обеспечить. Теперь в плановой экономике советской России мы имеем систему, задуманную полностью с политической точки зрения, и она полностью подчинила себе удовлетворение народных нужд. Это политическая дегенерация показывает, как опасно исключать контролирующие силы рынка из экономической жизни народа. Нет доказательств, что социалистический план даже на базе денежной системы удовлетворит нормальным путем требования народа. Но ясно, что такая система легко подчинится неэкономическим целям, игнорируя его нужды.

---

* Для подтверждения нашей оценки советских планов оправдано обращение к мнению интеллигенции, всегда посвящавшей себя защите интересов страдающих народных масс. Когда правительство объявило НЭП, интеллигенты впряглись, чтобы вытащить русскую экономику из трясины, в которую оно же ее ввергло. Они верили, что так лучше всего смогут служить своему народу, и отбросили все политические амбиции. Их отношения с коммунистами были тогда удовлетворительными. Но после крушения НЭП работать с советским государством им становилось все труднее, а после разгрома правого крыла партии в 1930 г. наступил страшный период преследования интеллектуалов. Масса их была брошена в тюрьмы, сослана в концлагеря, и немало было расстреляно сразу. Все видные экономисты: Кондратьев, Вайнштейн, Чаянов, Макаров, Огановский, Громан, Базаров и Гинзбург — стали жертвами этого преследования, которое объясняется отчасти нуждой государства в козлах отпущения, чтобы умиротворить народ, отчасти несогласием интеллектуалов с государственной экономической политикой. Если отбросить на момент самообвинения, вытянутые у морально и физически измученных интеллектуалов на публичном суде, то можно видеть некую правду в претензиях к ним. Они были несомненно враждебны существующей системе с ее чисто политическими тенденциями. Они, возможно, не могли потворствовать таким жестоким мерам, как поднятие чудовищных налогов, принудительная коллективизация, «раскулачивание» и т. д. Они старались тормозить эти действия, надеясь на поддержку недовольного правого крыла партии. Но в коммунистической стране каждое несогласное мнение клеймится как саботаж и подвергается травле. Негативная позиция русских интеллектуалов по отношению к советской экономической системе, стоившая им бесчисленных жертв, много весомее оптимистических отчетов, привезенных иностранными туристами, незнакомыми со страной и языком, сопровождаемыми повсюду коммунистами и пишущими в своих впечатлениях то, что им сказали их гиды.

Перевод второй части с английского В. К. Кагана

ПЛАН И РЫНОК В ХОЗЯЙСТВЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

За границей существует большой интерес к хозяйству советской России. Однако он направлен исключительно к выяснению результата этого грандиозного социального эксперимента. Но по отношению к советскому хозяйству существует другой вопрос, который с теоретической точки зрения представляет большой интерес и который в соответствующей литературе остается почти незатронутым — это вопрос о внутренней природе этого хозяйства, о его механизме. Предпосылкой исследования этого вопроса является, конечно, детальное знакомство с фактической стороной развития советского хозяйства. Однако оно недостаточно. Здесь необходимо, кроме того, вдуматься в весьма своеобразную природу этого хозяйства и не соблазняться легким приемом подведения его явлений под понятие капиталистического хозяйства — ошибка, с которой приходится встречаться даже в трудах очень компетентных наблюдателей. Не задаваясь целью охватить в журнальной статье сложного вопроса об экономическом механизме советского хозяйства во всем его объеме, мы сосредоточимся здесь на исследовании того, как решалась в нем центральная проблема социализма. Таковой мы считаем проблему соотношения социалистического плана и рынка.

В развернутом виде мы имеем тут следующую схему вопросов.

Возможно ли так скомбинировать социалистический, т. е. ценностный хозяйственный план с рынком, чтобы плановые цены выполняли

функцию рыночных цен, т. е. приводили в равновесие спрос и предложение? Если бы эта задача оказалась невыполнимой, то это означало бы, что социалистическое хозяйство в конечном счете с рыночным несовместимо и что передвижение в нем хозяйственных благ не может совершаться в гармонии со спросом и предложением.

Означает ли это тем самым ликвидацию всей системы цен, а с ними и денежной системы? Как мы увидим, на этот вопрос следует дать на основании русского опыта отрицательный ответ: мыслимо социалистическое безрыночное хозяйство, в котором денежная система и цены все же существуют, являясь орудием планового хозяйства, не приводящим в равновесие спроса и предложения. Наконец, мыслима система натурально-хозяйственного социализма, которая претендует на полную ликвидацию системы цен, а вместе с ней и денежной системы, ибо цены будут заменены планом, построенным на натуральной основе*.

Если мы здесь говорим о мыслимости той или другой системы, то этим ничего не говорим, конечно, о возможности ее длительного существования и тем менее об экономической ее целесообразности.

С проблемой социалистического планового хозяйства переплетается вопрос о возможности социализировать все без исключения отрасли хозяйственной деятельности. Поскольку некоторые важные отрасли хозяйственной деятельности не удается социализировать, этим создаются дополнительные трудности для осуществления социалистических планов.

Изучение социалистического хозяйства, конечно, очень интересно с точки зрения правильного решения задач планового воздействия на капиталистическое хозяйство. Но не следует, конечно, забывать того, что и задачи, и условия планирования в том и другом случае коренным образом отличны.

Не следует представлять себе, что механизм советского хозяйства успел к моменту, когда пишутся эти строки, т. е. на 19-м году после октябрьской революции, консолидироваться. Против этого говорит та коренная перестройка советского хозяйства, которая началась с отменой 1 января 1935 г. карточной системы по продаже хлебных продуктов и которая в данный момент еще далека от своего завершения*. Она показывает нам, что русская социалистическая революция, закончившая второе десятилетие своего развития, еще не нашла своего адекватного выражения в хозяйственной жизни, она все еще находится в поисках его. Но и эти искания представляют большой теоретический интерес*.

* В то время, как социалисты довольно легко решаются на ликвидацию денег как орудия обмена, многие из них с тревогой относятся к ликвидации денег как мерила ценности. Так возникают проекты измерения ценности хозяйственных благ независимо от рынка на основании количества затраченного на их производство труда.

2. ОПЫТ СОЗДАНИЯ БЕЗРЫНОЧНОГО БЕЗДЕНЕЖНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА (1917—1921)

Маркс, который посвятил свои лучшие силы исследованию развития капиталистического хозяйства, никогда не занимался проблемами социалистического хозяйства. Последователи его строго следовали завету учителя. Они даже не усмотрели в социалистическом хозяйстве какой-либо проблематики. И Ленину, который претендовал быть ортодоксальным истолкователем Маркса, никогда не приходило в голову задуматься над проблемой социалистического хозяйства в своей книге «Государство и революция», написанной накануне октябрьского переворота. Ленин вынужден был все же коснуться организации социалистического хозяйства. То, что он сказал об этом, производит впечатление поразительной наивности. По его мнению для осуществления социализма достаточно только того, чтобы вооруженный пролетариат организовал контроль за производством и распределением и регистрацию работы и продуктов. «Этот контроль и эта регистрация», полагает Ленин, «до чрезвычайности упрощены капитализмом и сводятся к необычайно простым, доступным каждому грамотному человеку операциям наблюдения и записи, знания четырех арифметических действий и выдачи расписок». Но, конечно, такие мысли наивны только с точки зрения умного экономиста. Наоборот, с точки зрения вождя революции было бы в высокой степени нецелесообразно говорить партии, которую он призывал к немедленному разрушению существующего строя, о трудностях, связанных со строительством нового хозяйства. Во всяком случае из сказанного ясно, что коммуни-

* Читатель не может, конечно, ожидать почерпнуть из этой журнальной статьи, посвященной теоретической проблеме, достаточного фактического материала о советском хозяйстве. Автор вынужден предполагать, что читатель знаком хотя бы с некоторыми основными фактами из истории советского хозяйства по источникам, могущим претендовать на научное значение. К таковым я могу отнести только исследования, построенные на тщательном и притом критическом изучении материалов, печатающихся в советской России на русском языке. При всех больших дефектах этих материалов они все же являются единственным ценным и аутентичным источником сведений. Лицам, знакомым с русским языком, мы можем рекомендовать пользоваться бюллетенями экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича в Праге, где разбросанные в громадной советской литературе факты собираются, тщательно сопоставляются и частично перерабатываются. Пишущий эти строки попытался дать документированный краткий очерк развития советского хозяйства (а также и его оценку) в книге Economic Planning in Soviet Russia. G.Routledge & Sons Ltd, London, 1935, pp. 99—234 и это освобождает его от задачи подробно документировать настоящую работу, преследующую лишь теоретические задачи.

стическая партия приступила к строительству социализма, не имея никакого представления о характере той задачи, которая предстоит ее решению. Октябрьская революция одним ударом уничтожила все гарантии частной собственности и все основы правопорядка. Она обозначала собой процесс ужасающей разрушительной силы. Даже Ленин испугался было последствий разрушения индивидуалистического хозяйства и сделал попытку поставить этот процесс в известные рамки. Он выбросил тогда лозунг «государственный капитализм». Он пытался было сохранить существующие капиталистические организации с их ценным руководящим персоналом, поставив их под контроль частью советской власти, частью самих рабочих (синдикалистские тенденции). Его формула была тогда: «Под советской властью государственный капитализм означает три четверти социализма». В согласии с идеями Гильфердинга, развитыми в его книге «Финансовый капитал», Ленин приказал уже 24 декабря 1917 г., т. е. через два месяца после революции, национализировать банки; он надеялся, что таким путем советская власть получит в свои руки контроль над всем капиталистическим хозяйством, не разрушая его внутренней организации.

Все попытки постройки «государственного капитализма» были совершенно бесплодны, и такого строя под эгидой советской власти никогда не существовало. Капитализм построен на принципе частной собственности и правового государства; русская социальная революция, отклонив принцип частной собственности и все основы правового государства, одним ударом разрушила капиталистический строй до основания. Ленин ошибался, когда думал, что он национализирует банки; он мог только конфисковать здания банков, сейфы и бумаги. Банки — это сложное завершение капиталистического хозяйства — уже не существовали. На развалинах индивидуалистического хозяйства начать надо было строить совершенно новое хозяйство.

С лета 1918 г. обострилась гражданская война. Война, выдвигая на первый план сверхэкономическую очень тяжелую задачу ее обслуживания, стремится подчинить этой задаче всю хозяйственную деятельность страны, и постольку она тяготеет к плановому хозяйству, преодолевающему требования рынка. Истощая хозяйство, война тяготеет также к коммунистическому распределению оскудевающих остатков потребительских благ. Эти явления можно было наблюдать и в государствах Западной Европы в годы мировой войны. Однако мероприятия советской власти совсем не ограничивались только требованиями войны. Они шли гораздо дальше и задавались целью исходя из военного хозяйства создать последовательную систему натурально-хозяйственного социализма, ибо communis opimo было, что социализм есть строй натурально-хозяйственный*. Когда осенью 1920 г. военные действия закончились, то это не повело, как это имело место в Западной Европе, к быстрой ликвидации так называемого «этатизма»,

* Обозначение этой системы термином «военный коммунизм» было сделано уже после ее крушения. Этим обозначением коммунистическая партия хотела снять с себя ответственность за катастрофические последствия этого опыта.

наоборот, в последующее полугодие был проведен целый ряд мероприятий для завершения натурально-хозяйственного социализма. Именно эти-то мероприятия, убедившие народные массы, что окончание войны не обозначает ликвидации ненавистного им порядка, и вызвали их опасное восстание и вместе с тем крушение всей этой системы.

Система натурально-хозяйственного социализма обозначала собой национализацию всей собственности и в частности всего производства хотя бы и с фактической ликвидацией всех средних и мелких предприятий. По мотивам политическим пришлось пока отложить социализацию крестьянского хозяйства, и в этом отношении в системе оставался существенный пробел, который, впрочем, предполагалось вскоре устранить. После окончания военных действий социализация сельского хозяйства была сейчас же поставлена на очередь дня, но ее уже не успели осуществить. Всякое рыночное, т. е. горизонтальное передвижение хозяйственных благ, было воспрещено, денежная система не нужна, и правительство стремилось усиленными выпусками денег ее скорей разрушить. Поскольку для правительственных предприятий какое-то мерило ценности представлялось необходимым, им предложено было перейти от денежного учета к учету хозяйственных благ в трудовых днях («тред»). Горизонтальное передвижение хозяйственных благ в рыночном порядке должно было быть заменено их вертикальным передвижением в центры и от центров к потребителям. Таким образом вся крестьянская продукция за вычетом скромного минимума, необходимого для собственного продовольствия крестьян, поступает в руки государства для бесплатного ее распределения; при этом предполагается, что и крестьяне будут получать индустриальные товары бесплатно, однако не в возмещение отданных продуктов, а в меру их потребностей. Само собой разумеется, что и национализированная промышленность не распоряжается своей продукцией, а отдает ее государству. Ни одно предприятие не может само себя снабжать средствами производства. Отдав свою продукцию государству, оно должно затем требовать от соответствующих распределительных бюро снабжения различными орудиями производства, а также и рабочими руками, в которых чувствовался огромный недостаток, ибо рабочие частью ушли на войну, частью разбежались из голодных городов по деревням. Управление промышленными предприятиями было централизовано в состоявших при советах народного хозяйства «главках» и «центрах». Была создана очень сложная иерархия учреждений, долженствовавших руководить хозяйством. Однако система эта не действовала, социализированное хозяйство замирало, и даже никакого плана его не удалось в этот период выработать. Все средства брошены были на поддержание военной индустрии, и только она кое-как еще работала. Производство крупной индустрии опустилось к концу этого периода до 13% ее довоенного размера. Нетрудно видеть, в чем состоит основной дефект этой системы, приведший ее к крушению. Весь громадный круговорот хозяйственных благ совершается в индивидуалистическом хозяйстве на основе цен, возникающих на рынках потребительских благ и затем на рынках средств производства. Эти оценки направляют работу каждого участника хозяйственного процесса и заставляют его стремиться с наименьшими затратами достигать наи-

больших результатов, что возможно, конечно, только в хозяйстве, в котором и затраты, и конечные продукты оценены. Уничтожая всю систему денежных оценок, которые — как показал русский опыт и как это можно доказать теоретически — не могут быть заменены оценками, выраженными в днях труда, натурально-хозяйственный социализм лишает хозяйственную деятельность какого бы то ни было регулятора. Индивидуальное руководство отдельными предприятиями по указаниям рынка предполагали заменить централизованным руководством согласно плану. Но на натуральной основе нельзя выработать никакого государственного хозяйственного плана, и таковой действительно не был выработан в эту эпоху. Остается надежда на непосредственное руководство громадных и сложных предприятий центральными учреждениями, которым приписывается в социализме и всеведение, и высшая мудрость. Однако в этих учреждениях сидят не боги, а лишь люди, и указанными качествами они не обладают. Как бы ни велась статистика (а она всегда запаздывает, неточна и ее указания для практической работы недостаточно конкретны), но эти учреждения не в состоянии выполнить функции предпринимателей. Роковое значение имеет в таком хозяйстве метод распределения средств производства. Учреждения, которые этим ведают, без цен и без планов не имеют никакого критерия рациональной работы. Распределение средств производства приняло таким образом случайный характер. Но средства производства комплементарны, и лишь согласованное распределение их всеми центрами могло обеспечить регулярное течение производства. При полном отсутствии критерия цен такого согласованного распределения средств производства никогда не могло быть, и это было основной причиной, почему производство, конечно, и без того расстроенное последствиями гражданской войны, быстро замирало. После завершения войны положение не могло улучшиться. А отсутствие индустриальных товаров разоряло и сельское хозяйство, у которого продукты отнимались без всякого эквивалента. Это было внутреннее крушение системы, и оно привело руководящих коммунистов к убеждению, что безрыночное и безденежное хозяйство невозможно, что хозяйство без хозяйственного учета не есть хозяйство и что задачу строительства социализма следует искать на других путях, которые, впрочем, пока еще не более известны.*

---

* Так как нас в этой статье больше интересуют позднейшие стадии развития советского хозяйства, то мы не можем здесь подробнее останавливаться на уже преодоленной в России (но, по-видимому, еще не преодоленной на Западе) идее натурально-хозяйственного социализма. Лиц, желающих глубоко вникнуть в этот вопрос с теоретической точки зрения, мы позволяем себе отослать к моей книге Economic Planning in Soviet Russia, pp. 1-94, где перепечатаны мои лекции, которые я читал еще в конце 1920 г. в России о проблеме натурально-хозяйственного социализма, когда таковой в ускоренном темпе строился в России. Здесь разобран также важный вопрос о том, может ли быть заменен денежный учет учетом трудовых дней. Основные идеи моих лекций совпали с критикой натурально-хозяйственного социализма, которая дана в известной вышедшей в 1922 г. книге венского профессора Л. Мизеса Die Gemeinwirtschaft, хотя пишущий эти строки, находясь в России, был совершенно оторван от западной литературы.

3. КОМБИНАЦИЯ РЫНОЧНОГО И ЧАСТНОГО ХОЗЯЙСТВА НА ДЕНЕЖНОЙ ОСНОВЕ (1921 — 1928)

Этот период, который обычно называют периодом новой экономической политики (НЭП), характеризуется широким развитием формально свободного рыночного оборота. В восстановлении рынка и денежной системы все руководители хозяйства усматривали единственно возможный исход из мертвящего оцепенения, в которое впало хозяйство. Натуральные сборы с крестьян были постепенно заменены умеренным денежным налогом. Был не только разрешен рыночный оборот, но была разрешена и частная торговля как розничная, так и оптовая. Была разрешена работа мелкой промышленности и даже в известных не особенно широких рамках и средней промышленности. Были разрешены кое-какие кредитные учреждения для обслуживания частной торговли и промышленности. Однако коммунистическое государство сохранило за собой все централизованные хозяйственные организации, как-то крупную промышленность, транспорт, внешнюю торговлю, кредитную организацию, и создало себе новые организации по оптовой и розничной торговле, облекшиеся частью в кооперативные формы, которые, впрочем, не давали никакой самостоятельности. Это были так называемые «командные высоты» социализма. Last not least, коммунистическая партия сохранила за собой под титулом «диктатуры пролетариата» абсолютную власть, отрицающую все основы правового строя и сосредоточенную в этот момент в так называемом Политическом бюро (Политбюро) партии. Эти два обстоятельства должны были служить гарантией того, что новое хозяйство не выродится в капитализм и что дорога к социализму будет так или иначе найдена.

Влияние восстановления рынка на хозяйство было поразительно. Оно чрезвычайно быстро преодолело последствия голодной катастрофы 1921—22 гг., и даже сильный неурожай 1924 г. не причинил уже серьезных бедствий и не приостановил хозяйственного подъема. Несмотря на то, что обменные эквиваленты были для сельского хозяйства гораздо менее благоприятными, чем до войны, все же сельское хозяйство оправлялось очень быстро. Никогда в советской России ни до этого, ни после этого сельское хозяйство не достигало такого сравнительно благоприятного состояния, в каком оно было в 1926—27 гг., т. е. незадолго до ликвидации системы НЭП. Быстро восстанавливалась также работа государственной промышленности, в первую очередь легкой и лишь во вторую очередь тяжелой. Экономическое положение рабочего класса — по крайней мере в крупных городских центрах — было накануне разрушения системы НЭП даже несколько лучше, чем до войны.

В этих условиях возникает вопрос: что же в конце концов привело к крушению системы НЭП, которое совершилось еще до вступления в силу пятилетнего плана? Конечное объяснение этого события нельзя усмотреть в экономических причинах, а следует видеть в политических моментах. В этом государстве, в котором вся хозяйственная жизнь

политизирована, политика имеет всегда решающее значение. Главной причиной крушения НЭП было то обстоятельство, что естественное развитие хозяйства в рыночных условиях отдаляло его от социалистического идеала, а не приближало к нему, и всемогущая коммунистическая власть, стоявшая выше всякого права, не желала мириться с этими естественными тенденциями в развитии экономических отношений. Крестьянство дифференцировалось, и из его среды выделялся весьма трудоспособный зажиточный слой, который считался опасным врагом социализма. Частная торговля оказывалась более гибкой, чем государственная и так называемая кооперативная торговля. Частная промышленность, как доказал целый ряд обследований, несмотря на мало благоприятную обстановку, лучше ориентировалась на рынке, чем тяжеловесная государственная промышленность: она платила сравнительно высокие цены крестьянам за сырье, лучше приспосабливалась к запросам потребителей и лучше оплачивала своих рабочих, чем государственная промышленность. Ленин строил НЭП в предположении, что на формально свободном рынке произойдет «смычка» (его любимое выражение) между крестьянским сельским хозяйством и социализированной крупной промышленностью в формах, выгодных для последней. В действительности же намечались тенденции к «смычке» с кустарной и частной средней промышленностью в обход государственной промышленности. Ввиду этого уже в начале 1924 г. частное хозяйство подверглось новым существенным ограничениям, а его представители административным преследованиям (так называемая «первая коммунистическая реакция»). С тех пор политика в отношении частного хозяйства хотя и подвергалась некоторым колебаниям, но в общем становилась все менее благоприятной; о каком-либо правопорядке, на основе которого частное хозяйство могло бы защищать свои позиции, под диктаторским режимом не могло быть речи. В этом заключалась одна причина крушения системы НЭП.

Другая причина лежала в том, что государственные хозяйственные организации плохо поддавались рыночному регулированию и явно нуждались в руководстве самого государства. Когда был объявлен НЭП, руководители государственных предприятий очень обрадовались своему освобождению от ставшей им глубоко ненавистной диктатуры «главков» и «центров», они стали на рынке продавать свои изделия, запасаться средствами производства и нанимать рабочих, которые с объявлением НЭП стали возвращаться из деревень в города. Однако они на рынке плохо ориентировались, быстро растрачивали запасы своих товаров и не могли обойтись без посредничества частной торговли. В связи с этим у государственной промышленности сейчас же наметились тенденции к объединению в «тресты», а у трестов в «синдикаты», коих назначением было монополистическое овладение рынками. Эти монополии в отношении их влияния на народное хозяйство оказывались даже более опасными, чем частные монополии. Последние хотя и стремятся удержать цены на определенном уровне, однако эти цены не должны быть так высоки, чтобы сильно понизить потребление, так как это могло бы вредно повлиять на рентабельность предприятий. Кроме того, если частные монополии получают большие барыши, то они не перестают быть весьма бережливыми в своих

расходах. Напротив, руководители государственных предприятий мало заинтересованы в наивысшей рентабельности своих предприятий; «государственного капитализма», как мы уже указали, в советской России никогда не существовало. Они стремятся к возможному повышению цен лишь потому, что таковое облегчает им заботы по ведению хозяйства, ибо освобождает их от необходимости считаться с расходами. Эта политика привела государственную промышленность еще в конце 1923 г. к тяжелому кризису сбыта. Об избытке предложения промышленных товаров не могло быть тогда речи, ибо крупная промышленность была восстановлена лишь на 30% ее довоенных размеров. Причина кризиса лежала в непомерно высоких ценах на промышленные изделия. В этих условиях крестьянское хозяйство стремилось найти себе другого контрагента в мелкой промышленности, которая стала стремительно развиваться, а поскольку оно не находило себе контрагента, оно замыкалось в свою натурально-хозяйственную скорлупу.

Этот кризис подорвал веру коммунистов в способность рынка регулировать деятельность государственных хозяйственных предприятий. Советская власть решилась взять в свои руки фиксацию цен промышленных изделий. Эта плановая фиксация цен должна была преодолеть тенденцию монополистической промышленности к непомерному их подъему и, следовательно, предупредить кризисы сбыта. А затем такая фиксация цен в сторону их систематического понижения должна была дисциплинировать руководителей производства, ибо она заставляла их считаться с расходами. Опыт правительства был удачен. С 1. 4. 24 до 1. 7. 25 удалось понизить цены промышленных изделий почти на одну треть (на 31,2%) *, а кризисы сбыта были полностью преодолены, и вся эта акция не причинила промышленности никаких убытков, ибо последняя сумела значительно расширить свое производство и понизить расходы, падающие на единицу продукта. Итак, правительство могло убедиться, что деятельность государственных хозяйственных учреждений возможно регулировать единственно только в плановом порядке. Кроме того, только в плановом порядке могла определяться заработная плата в советской России. Это вытекало из самой идеи этого государства. Профессиональные союзы являются здесь государственными учреждениями, и их деятельность подчинена правительству. Они не могут предъявлять ультимативных требований правлениям хозяйственных организаций и не могут их поддерживать стачками. Но совершенно очевидно, что в этих условиях нельзя предоставить отдельным предприятиям определять уровень заработной платы. Определение заработной платы через посредство коллективных договоров стало делом государственным. Нужно заметить, что советская власть еще в период так называемого «военного коммунизма» стала отходить от специфически коммунистических принципов вознаграждения рабочих. Вознаграждение рабочих определяется не их потребностями, а производительностью их труда.

---

* Внутренняя торговля Союза ССР за 7 лет. М., 1928, стр. 79.

Коммунизм в смысле равномерного вознаграждения членов общества был в 1926 г. окончательно заклеймен как мелкобуржуазное течение. Вместе с тем в советской России получило громадное преобладание поштучное вознаграждение за труд.

Но совершенно очевидно, что нельзя было оставить несогласованными планы отдельных отраслей хозяйства. Таким образом уже в условиях НЭП возникла жгучая потребность в создании общего плана, который обнял бы весь социализированный сектор хозяйства. Однако приблизиться к решению этой задачи удалось только тогда, когда благодаря упорядочению денежной системы в феврале 1924 г. хозяйство стало хоть сколько-нибудь обозримым и система цен на формально свободном рынке сколько-нибудь стабилизировалась.

В августе 1925 г. были впервые опубликованы «Контрольные цифры Госплана» (Государственной Плановой Комиссии) на 1925/26 гг. , которые заключают в себе общий план развития советского хозяйства на новый год. С тех пор «Контрольные цифры» опубликовывались более или менее регулярно отдельными изданиями в течение пяти последовательных лет (последний том на 1929—30 г.). Разработка «Контрольных цифр» была первоначально в руках беспартийной интеллигенции Госплана. Составители «Контрольных цифр» были очень далеки от мысли о ликвидации системы НЭП с ее развитым частным хозяйством и преобладающим формально свободным рыночным оборотом. Задачей «Контрольных цифр» было согласование деятельности государственных организаций и их координирование с частным хозяйством и особенно с быстро оправлявшимся крестьянским сельским хозяйством. Первоначально совсем не предполагалось навязывать плановых цен рынку. «Контрольные цифры» претендовали дать всего только «директивы» хозяйственникам, а последние должны были приспосабливать их к условиям рынка. Однако беспартийные специалисты не были свободны в планировании хозяйства. Они стояли под давлением правящей партии, а она требовала средств для скорейшего развертывания государственной промышленности и в особенности для создания новой тяжелой индустрии как важнейшей основы социалистического строя и военной мощи советского государства. Главные средства для этой цели должны были быть извлечены из крестьянского хозяйства; оно должно было дать большие количества сельскохозяйственных продуктов по очень низким ценам для продовольствия индустриальных рабочих, для снабжения сырьем фабрик и для вывоза. Однако уже первый 1925/26 г. привел к разочарованию. Те плановые цены, которые государственные организации платили крестьянам, были низки, так что крестьяне могли получить по этим ценам за свое зерно лишь 50—60% тех индустриальных продуктов, которые они получали до войны *. В таких условиях продажа продуктов государственным закупочным организациям была для них лишь печальной необходимостью. Поскольку развивалась частная торговля, крестьяне предпочитали иметь дело с ней, ибо она платила им высшие

* Внутренняя торговля Союза ССР за 7 лет, стр. 108—110.

цены. Так как, однако, частная торговля была недостаточно развита, то сельское хозяйство оставалось гораздо более натурализованным, чем до войны,

Неудача 1925/26 г., однако, на заставила советскую власть ограничить свои требования и лучше приспособить планы к текущим нуждам населения. Напротив, планы становились все более напряженными, и в 1926/27 г. правительство принялось осуществлять их путем разрушения тех элементов частной торговли и частной промышленности, с которыми обменивалось крестьянское хозяйство в обход государственного хозяйства. Вследствие быстрого роста промышленного населения, предъявлявшего усиленный спрос на изделия индустрии, и вследствие разрушения в деревне частной торговли эти изделия поступали туда в весьма ограниченных количествах. В деревне стал ощущаться «товарный голод», т. е. за наличные деньги нужных товаров там вообще невозможно было получить — своеобразное явление планового хозяйства, с которым нам еще придется встретиться.

Однако разрушением частного хозяйства советская власть своей цели все же не достигла, она привела лишь к тому, что крестьянское хозяйство стало опять возвращаться в свою натурально-хозяйственную скорлупу. К концу 1928 г. создалась такая ситуация, что с уничтожением частной торговли советская власть возложила на себя обязательство снабжать хлебом все нуждающееся в нем население, а между тем крестьянство не желало продавать своего зерна по нормированным ценам. Предстояло или очень сильно повысить цены зерна, а следовательно, и прочие цены сельскохозяйственных продуктов, что стояло бы в полном противоречии со всеми планами строительства социализма или... вернуться к принудительному изъятию сельскохозяйственных продуктов, практиковавшемуся в эпоху «военного коммунизма». Правительство решилось на второе. Оно в январе 1928 г. разогнало базары и предприняло грандиозное изъятие зерна и сельскохозяйственного сырья по фиксированным низким ценам. Эта мера сначала мыслилась как единовременная. Однако попытка, сделанная весной 1928 г., восстановить рыночные отношения обнаружила такое резкое расхождение рыночных и твердых цен, что представлялось совершенно безнадежным получить когда-нибудь от крестьян сельскохозяйственные продукты по фиксированным ценам в порядке добровольной продажи.

Первая попытка сочетания планового хозяйства с рыночным закончилась неудачей. Плановое хозяйство, опирающееся на политическую диктатуру, разрушило и частное хозяйство, и рыночный оборот. Предположение Ленина о том, что система НЭП создается «серьезно и надолго» на оправдалось. Коммунистическая власть не думала о восстановлении рыночного оборота. Она была увлечена идеей осуществления грандиозного пятилетнего плана социалистического строительства, вступившего в силу 1 октября 1928 г.

4. РАЗВЕРНУТОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ПЛАНОВОЙ ОСНОВЕ (1928 — 1934)

Развитие планирования приводило естественно к идее конструирования плана на более долгий период, так называемого перспективного плана. Только в многолетнем плане можно было ставить перед хозяйством осуществление крупных задач, которые, конечно, в течение годичного срока не могут быть осуществлены. Задуманный уже давно пятилетний план не должен был заменить собой ежегодно разрабатываемых «Контрольных цифр», а должен был дать начертанную из широкой перспективы директиву для их составления. Беспартийные сотрудники Госплана пытались построить пятилетний план на тех же принципах, на которых строились «Контрольные цифры». Плановые цены должны были быть так намечены, чтобы привести спрос и предложение в равновесие. В связи с этим не предполагалось элиминировать окончательно и частной торговли. Проблеме рыночного равновесия уделяется в плане большое внимание, и составители плана позволили себе даже выразить уверенность, что они эту труднейшую проблему планирования успешно разрешили. («В наших проектировках», пишут составители, * «имеются достаточные резервы и в плановой системе достаточные рычаги, чтобы, не меняя основных контуров плана, внести необходимые частичные поправки, если они будут безусловно необходимы, и чтобы в конце концов обеспечить рыночное равновесие»). Ввиду этого план придавал большое значение задаче удержания в порядке денежной системы. Предполагалось лишь очень незначительно расширить денежное обращение так, чтобы уровень цен понизился и приблизился к уровню цен за границей, от которого он к 1926 г. далеко отошел. Основная идея плана была: быстро использовать лежащие еще втуне неисчерпаемые богатства окраин; быстро перенести все достижения европейской и в особенности американской техники на русскую почву и таким образом быстро повысить производительность народного труда. План предполагал, что таким путем удастся сделать громадные капитальные инвестиции, не понизив, а существенно повысив (на две трети) те средства, которые предназначаются населению для удовлетворения его текущих потребностей. Накопления должны были быть использованы для капитального строительства во всех областях народного хозяйства, но наибольшие средства должны были быть направлены на восстановление отставшей в годы НЭП в ее развитии тяжелой индустрии и для создания новой тяжелой индустрии. Лозунгом пятилетки была быстрая «индустриализация страны»; ввиду острого аграрного перенаселения, ощущавшегося еще до революции в центральных районах страны, этот лозунг вполне соответствовал ее основным экономическим нуждам. Главным (но не единственным) инструментом для финансирования

* Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. 1929. т. 2, ч. 2, стр. 47.

народного хозяйства должен был стать бюджет, который, концентрируя у себя не только налоги, но и часть прибылей бесчисленных государственных предприятий, мог, как предполагалось, распоряжаться очень значительной частью народного дохода. Для выполнения подобных широко задуманных планов концентрация громадных экономических сил в руках социалистического государства представлялась подходящей предпосылкой.

В действительности, однако, пятилетний план в той форме, в которой он был окончательно утвержден, в извращенном виде отразил в себе намерения беспартийной интеллигенции. По мере того, как план разрабатывался, «генетическому» методу планирования беспартийной интеллигенции, согласно коему намечалось возможное будущее исходя из предшествующего развития хозяйства, стал противопоставляться «телеологический» метод. Представители этого направления в планировании считали себя истинными выразителями коммунистического мировоззрения, и они пользовались поддержкой власти. По мнению «телеологов» русский пролетариат уже совершил своей социальной революцией «прыжок из царства необходимости в царство свободы». Советское хозяйство может развиваться в таком темпе, который для капиталистического хозяйства невозможен. С прошлым не приходится много считаться. Надо задаться большими целями и затем искать средства для их осуществления. «Телеологи» не изменили основных принципов плана, но они до чрезвычайности расширили план инвестиций и притом совершенно односторонне в сторону создания громадной тяжелой индустрии. Они считали такое расширение допустимым, ибо ожидали коренного преображения качества работы в русском хозяйстве, так что в течение пятилетки строительный индекс должен был снизиться более чем на 40%, стоимость производства в промышленности должна была понизиться на 35%, посевная площадь должна была возрасти на 20%, урожай хлебов на 25%, а специальных культур даже еще больше. Это был бегло разработанный оптимальный план, надстроенный над лучше разработанным исходным планом. Но как раз он был принят к исполнению.

При заключении редакции пятилетнего плана беспартийная интеллигенция, посвятившая его разработке столько сил, заняла по отношению к нему скептическую позицию. Считаясь с наступившим уже нарушением равновесия на рынке, которое она считала весьма опасным, она советовала отложить утверждение пятилетнего плана и заняться пока укреплением начавшего регрессировать под влиянием принудительных изъятий сельского хозяйства. На эту точку зрения склонялись тогда влиятельные члены партии. Однако противники развернутого социалистического наступления (так называемый «правый уклон») с утверждением в 1929 г. единоличной диктатуры генерального секретаря партии Сталина были устранены со всех влиятельных позиций, а опиравшаяся на них интеллигенция скоро подверглась с ними жестоким преследованиям. Когда в июне-июле 1930 г. собралась 16-я конференция коммунистической партии, она стояла перед фактом неисполнимости пятилетнего плана. Невозможно, не располагая очень большими иностранными кредитами (а о таковых не могло быть речи), произвести одновременно громадные инвестиции во всех областях народного хозяйства и одновременно

значительно повысить уровень жизни народных масс. Однако от основной задачи пятилетнего плана — создания новой тяжелой индустрии — партия не только не отказалась, а таковую даже расширила. При этом по военным соображениям партия выдвинула в первую очередь создание громадной недоступной для вражеских аэропланов (Магнитогорск—Кузнецк) железоделательной индустрии на востоке, что представляло из себя особенно трудную задачу. Все остальные задачи, кроме создания тяжелой индустрии, были отодвинуты на второй план. Конференция помирилась с тем, что пятилетка будет для народных масс не блаженной порой, а периодом усиленной работы и тяжелых лишений. Чтобы сократить период страданий, решено было громадным напряжением сил закончить ее в 4 года (впоследствии срок был удлинен на 3 месяца, так что официально период пятилетки продолжался от 1. 10. 1928 до 31. 12. 1932 г.) *.

Тот теоретически весьма интересный опыт согласования обширного плана с формально свободным рыночным оборотом, который был задуман в пятилетнем плане, в сущности даже не пришлось поставить. Прежде всего, не было никакой надежды получить сельскохозяйственные продукты в тех громадных количествах, которые нужны были государству, в рыночном порядке по ценам, мало превышающим довоенные, ибо крестьянское хозяйство под влиянием принудительных изъятий в январе 1928 г. находилось в состоянии деградации. После того, как при принудительном изъятии урожая 1928 г. советская власть убедилась, что она все же в сельском хозяйстве не является хозяином положения, она зимой 1929/30 г. решилась на чрезвычайно опасный не только с экономической, но и с политической точки зрения акт — она решилась принудительно социализировать крестьянское хозяйство. Подобные задачи может себе ставить, конечно, только всемогущее социалистическое правительство, которое не останавливается ни перед какими мерами массового террора для осуществления своих идей. Громадным усилием не без некоторых маневренных отступлений советская власть в течение двух зим 1929/30 и 1930/31 г. принципиально решила задачу социализации крестьянского хозяйства.

Таким образом пятилетний план привел Россию к грандиозному социальному перевороту, в плане не предусмотренному. В истории

* В противоположность периоду НЭП, когда материалы о советском хозяйстве были очень обильны, когда в литературе могли сотрудничать беспартийные специалисты и когда в ней можно было в известных границах защищать различные взгляды, выполнение пятилетки совершалось, можно сказать, под покровом тайны. Систематическое печатание материалов с 1930 г. прекратилось, литература вследствие изгнания из нее беспартийных специалистов крайне оскудела и в ней печатаются только такие статьи, которые строго соответствуют «генеральной линии». Напечатанный на многих языках официальный отчет Госплана об исполнении пятилетки содержит совершенно недостаточный материал и носит агитационный характер. Ввиду этого исследование советского хозяйства с той поры очень затруднено. Приходится выискивать материалы преимущественно из печатаемых в газетах докладов руководителей коммунизма.

России перевернулась страница, она перестала быть крестьянской страной. Коммунизму как будто удалось здесь осуществить одну из своих центральный идей: устранить пропасть между социализированным городом и индивидуалистической деревней. Для выполнения социалистических планов это имело то значение, что теперь советская власть, поставив коммунистов во главе сельскохозяйственных коллективов (колхозов) располагала сельскохозяйственными продуктами почти столь же свободно, как и индустриальными. Принудительные сборы хлеба начиная с 1931/31 г. превысили таковые в период НЭП вдвое (22—23 млн. тонн вместо 10—11 млн. тонн). Мало считаясь с потребностями внутреннего рынка, советская власть вывезла в течение двух сезонов 1930/31 и 1931/32 г. более 10 млн. тонн хлеба, т. е. примерно такое количество, которое Россия вывозила до войны в течение одного года. Ни до того, ни после того советская власть таких больших количеств хлеба не вывозила. Этот большой вывоз хлеба дал советской власти возможность сильно повысить импорт оборудования, необходимого для индустриализации страны. Наряду с этим большие изъятия сельскохозяйственных продуктов заставили массы сельского населения оставить деревню в поисках насущного хлеба и обеспечили таким образом громадные стройки и быстро развивающуюся индустрию достаточным предложением рабочих рук, правда, невысокого качества.

Советская власть надеялась, что ей одновременно удастся быстро поднять производительность сельского хозяйства путем его механизации. Руководители коммунизма как истые ученики Маркса представляли себе, что поднятие производительности сельского хозяйства есть задача чисто механическая. Однако поднять производительность сельского хозяйства не удалось. Мало того, социализация сельского хозяйства привела к ужасающей катастрофе в скотоводстве, подобной которой оно не переживало даже в эпоху так называемого «военного коммунизма». Оно сократилось слишком вдвое. Снабжение сельского хозяйства тракторами далеко не могло покрыть громадной убыли живой тягловой силы. Недостаток тягловой силы и навоза отразился, конечно, неблагоприятно и на урожаях. Возросшие изъятия сельскохозяйственных продуктов при сократившейся продукции привели к голодным бедствиям 1931/32 и 1932/33 гг., охватившим самые плодородные южные районы России *.

Что касается мелкой промышленности, игравшей в начальные годы НЭП очень большую роль в экономической жизни страны, в особенности в снабжении сельского населения, то она была в своей большей части ликвидирована в административном порядке еще в заключительные годы НЭП. Под пятилеткой эта ликвидация продолжалась главным образом таким образом, что ей была воспрещена самостоятельная закупка сырья. Остатки мелкой промышленности были кооперирова-

* Прекрасное резюме состояния русского сельского хозяйства к моменту окончания пятилетки дано сельскохозяйственным экспертом Германии в Москве д-ром Otto Schiller в книге „Die Krise der sozialistischen Landwirtschaft in der Sowiet Union" Berlin, 1933.

ны, и она обязана была сдавать свою продукцию центральным кооперативным организациям по твердым ценам. Продукция крупной промышленности всегда была в руках правительства.

Таким образом правительство получило всю продукцию страны в свои руки по твердым ценам. Могло ли оно ее свободно продавать на рынке? На этот вопрос приходится дать отрицательный ответ, ибо в годы пятилетки создался абсолютный недостаток в предметах потребления, и это касалось не только сельскохозяйственных продуктов, но и промышленности. Продукция индустрии, работавшей на потребителя, не возросла или, если продукция некоторых ее отраслей возросла, то не в такой степени, чтобы компенсировать разрушение мелкой индустрии.

Внешняя торговля обслуживала исключительно только индустриальное строительство. Даже ввоз сырья для нужд легкой индустрии был сведен к ничтожному минимуму. Таким образом предложение индустриальных товаров для потребителя в общем сократилось*. На понижение предложения предметов потребления повлияла и полная ликвидация частной торговли в ее легальных формах, ибо последняя всегда умеет выявить дополнительные запасы для удовлетворения текущих нужд. Наконец, надо принять во внимание, что за время пятилетки численность городского населения удвоилась, а ведь оно гораздо больше нуждается в продуктах индустрии, чем сельское население. Пятилетка создала состояние, аналогичное состоянию войны. Но при абсолютном недостатке предметов потребления их распределение по коммунистическим принципам является единственно возможным.

Но было еще одно обстоятельство, которое разрушало рыночные отношения. Оптимистические предположения о поднятии производительности труда в строительстве и в промышленности при крайне успешной работе, гонявшейся исключительно за количественными успехами, совершенно не оправдались. Хотя изъятие сельскохозяйственных продуктов по твердым ценам укрепляло положение казны, все же избыточные расходы на строительство и недостаточные доходы от прибылей государственных предприятий привели неизбежно к избы-

* Согласно официальному отчету об исполнении пятилетки производство государственной промышленности, обслуживающей потребителей (группа Б), возросло на 84%. Однако между сказанным в тексте и этим утверждением официального отчета нет противоречия. Официальный отчет интересуется только государственной промышленностью и ее успехи отождествляет с успехами народного хозяйства. Эти успехи социализации за счет ликвидации мелкой промышленности были действительно под пятилеткой очень значительны. Но ведь обыватель не будет сытее, если сократившееся количество зерна пройдет не через мелкую частную мельницу и не через мелкую частную пекарню, а через громадную государственную мельницу и через хлебозавод, и если сократившееся количество скота пройдет не через мелкую бойню, а через громадный «мясокомбинат». И обыватель не будет лучше одет, если сократившееся количество и ухудшившееся качество ткани пройдет не через руки частного портного, а через большую государственную швейню.

точным выпускам денег. Согласно плану количество денег в течение всего периода пятилетки должно было повыситься с 2 млрд. до 3,25 млрд. Между тем уже к 1 января 1931 г. денежная масса достигла 4,4 млрд. Так как советская власть в первые годы стремилась удержать плановые цены на предметы потребления (правда, об их понижении в соответствии с требованиями плана не могло быть речи), то установилось несоответствие между наличным в руках населения количеством денег и наличным количеством товаров. В таких условиях, чтобы товары не расхватывались, было необходимо распределять их по известному плану. С весны 1929 г. раздача по карточкам не только продовольственных продуктов, но и всех важнейших промышленных товаров была уже введена повсеместно. Неизбежным последствием такого порядка было специфическое явление планового хозяйства с его фиксированными ценами — «товарный голод», который особенно остро чувствовался в деревне. Индустриальные товары до деревни не доходили. Несмотря на очень скромные цены, которые деревня получала от государства за свои продукты, она не могла использовать согласно своим нуждам и этих денег. Одновременно с этим «товарный голод» делал производителя совершенно независимым от потребителя. Какого бы сорта товары ни были, какого бы плохого качества они ни были, они все равно продавались, ибо субъективная оценка денег у посаженного на «рационы» населения была еще ниже, чем субъективная оценка даже самых неподходящих товаров. Впрочем, так называемые «кооперативы» при отпуске самых необходимых товаров не стеснялись навязывать своим клиентам товары, которые последние совершенно не собирались приобретать (так называемый «принудительный ассортимент»). В строительстве и промышленности, которые щедро кредитовались для исполнения своих планов, ощущались также явления, параллельные «товарному голоду» потребителей. Всякий руководитель постройки или производства стремился закупить возможно больше средств производства и держать их на складе, ибо деньги можно всегда получить, а в средствах производства имеется недочет и их не всегда можно достать. В то время как в рыночном хозяйстве средства производства в их значительной части имеются на складах производителей к услугам покупателей, поскольку те могут предложить соответствующую цену, в советском хозяйстве средства производства моментально расхватывались, попадали на склады первых покупателей и для последующих покупателей становились недоступными. Таким образом избыток денег искусственно создавал недостаток в средствах производства, а так как последние комплементарны, то такое положение было для благополучного развития производства опасным.

Нетрудно видеть, что хотя формально деньги при этом порядке не ликвидированы, все же значение их в передвижении товаров сильно уменьшается. Если государство получает от сельского населения продукты, то это имеет место не потому, что оно платит ему определенную цену, а потому, что оно обладает соответствующим принудительным аппаратом для их изъятия. Если член колхоза и фабричный рабочий получают из своих кооперативов товары, то не потому, что у них имеются деньги, а потому, что они имеют право быть членами данного

кооператива, двери которого совсем не для всех открыты. Если одна фабрика покупает у другой товары, то не потому, что она может заплатить фиксированные цены, а потому, что она, будучи включена в план, имеет право приобретать эти товары. Так как при этом спрос и цена уже не определяли передвижения хозяйственных благ, то на их место все больше выдвигался план как регулятор их передвижения. Но план в СССР был единый, и, следовательно, это развитие обозначало крайнюю централизацию и бюрократизацию всей хозяйственной жизни. Из центра определялось, что должен посеять каждый район и какие продукты и в каком количестве он должен сдать заготовительным организациям. Центросоюз (Центральный союз потребительских товариществ) заключал генеральные договоры с промышленными объединениями, и отдельные фабрики в плановом порядке непосредственно пересылали свои товары в отдаленнейшие кооперативы в стране (так называемая «транзитная торговля»). Движение средств производства также должно было быть поставлено под контроль центральных организаций во избежание их неправильного распределения. Все функции сбыта и снабжения были изъяты у трестов и синдикатов и переданы так называемым промышленным объединениям (промобъединения). Совершенная к концу 1929 г. реорганизация управления промышленностью привела к его сильной концентрации; компетенция трестов, а тем более директоров отдельных предприятий, была сведена к минимуму. С 1 апреля 1930 г. государственным предприятиям было воспрещено оказывать друг другу коммерческий кредит и выставлять векселя, ибо все кредитные операции были сосредоточены в Государственном банке, который должен был следить за выполнением планов. Товары стали передаваться от предприятия к предприятию в порядке генеральных договоров по заранее фиксированным ценам. Однако скоро начали ощущаться все недостатки этого вырождения денежного хозяйства. В центре определяли, какие и сколько продуктов должен сдать определенный район и строго требовали от местных властей исполнения задания, а потом оказывалось, что у сельского населения отнято 80%, 90% и даже все 100% урожая; чтобы не оставить полей незасеянными, весной приходилось возвращать крестьянам часть хлеба, отнятого у них осенью. Концентрация громадного количества продуктов в руках правительственных организаций сопровождалась их массовой порчей. Распределение товаров из центра, изъятое из влияния спроса, было в высшей степени нецелесообразно, а пресса была буквально переполнена курьезами из сферы распределения. Поскольку речь не идет о хозяйственных благах, удовлетворяющих самым элементарным потребностям, по существу такое распределение равнялось их обесценению. Заработная плата сводилась к скудному «пайку», который получался из кооператива. Ее дифференциация была возможна лишь в очень скромных рамках, ибо уменьшить скудный паек было невозможно, увеличить было тоже невозможно, а деньги сами по себе вне кооператива не имели существенного значения. Продовольственные и жилищные условия были так тяжелы, что развилась сильная текучесть рабочей силы. Несмотря на усиленное стремление правительства прикрепить рабочих к месту службы, они странствовали с места на место в поисках сколько-нибудь сносного «пайка» и сколько-нибудь сносных жилищных условий. Для промышленности частая смена рабочих была очень неудобна. Для поддержания рабочей дисциплины приходилось все чаще прибегать к уголовным карам. В связи с той ничтожной заработной платой, которую государство могло предложить рабочим, стоит и самое тяжелое явление советской России — широкое применение принудительного труда. Пятилетка была основана на интенсивном использовании богатых ресурсов окраин. В частности, северные и сибирские леса должны были дать громадное количество лесных материалов для строительства, а также для вывоза. Работа в лесах была для местного населения обязательной, иначе оно не могло получить хлеба, который не может быть произведен на месте. Но местное население было слишком немногочисленно, чтобы выполнить громадные задания пятилетки, которые понизить было невозможно, но которые приходилось даже значительно повысить. Привлечь в эти далекие местности с их очень суровым климатом рабочих со стороны при крайне тяжелых жилищных условиях при ничтожном вознаграждении, которое могло быть им предложено, было делом совершенно безнадежным. Таким образом в этих местах были устроены концентрационные лагеря, куда ссылались все, казавшиеся политически неблагонадежными. Хотя в советской России нетрудно попасть в число политически неблагонадежных, все же и их число было далеко недостаточно. И вот с конца 1929 г. правительство стало заполнять северные лагеря сотнями тысяч экспроприированных («раскулаченных») зажиточных крестьян, т. е. в сущности «элитой» русского крестьянства. Таким образом решался рабочий вопрос во всех отдаленных местностях, где на месте рабочих нельзя было получить. Точно так же страшный разгром русской интеллигенции в 1930 г. совсем еще не обозначал ее массового расстрела ни даже [непомещения?] в тюрьмах. Большая часть квалифицированной интеллигенции была разослана на работу в концентрационные лагеря или в очень далекие окраины, куда ее представителей добровольно едва ли бы удалось завлечь. Таким образом широкое применение принудительного труда не являлось только проявлением злоупотребления властью. Без принудительного труда некоторые самые важные элементы пятилетнего плана ни в коем случае не могли бы быть выполнены.

В сфере государственной промышленности разложение рыночного хозяйства вело к атрофии хозяйственного расчета. В погоне за исполнением планов, для которых можно было всегда получить кредиты по существу безвозвратные, руководители хозяйства разучивались считать деньги. Строили, производили, но никто не интересовался, во что это обойдется, никто не заботился о качестве продукции, ибо она все равно разбиралась. План считался выполненным, а от формального выполнения планов в первую очередь зависела судьба руководителей хозяйства.

Во всех этих дефектах обнаруживались основные грехи неконтролируемого рынком хозяйства и ошибочность одной из центральных идей социализма, что регулирование экономической жизни в порядке плана со стороны центральных организаций может заменить контроль рынком и хозяйственный расчет. Люди, сидящие в этих центрах, не могут знать конкретно всего, что делается на бесчисленных предприятиях, им подчиненных, и никакие подробные и потому необозримые

отчеты, говорящие всегда о прошлом, и никакие контрольные комиссии этому помочь не могут. Советская пресса переполнена жалобами по поводу того, что центральные учреждения не умеют конкретно руководить предприятиями, а руководят ими бюрократически. Однако это требование конкретного руководства по самому своему существу неисполнимо, ибо люди, сидящие в центрах, не все сведущи и могут действовать лишь по известным нормам, т. е. бюрократически.

Юные воспитанные на вульгаризированном марксизме коммунисты, которые после устранения беспартийной интеллигенции завладели сильно оскудевшей экономической прессой, горячо приветствовали развитие хозяйства в направлении безрыночного оборота; они рекомендовали не останавливаться перед самым широким кредитованием планов, не бояться полного разрушения денежной системы и перейти к трудовому учету хозяйственных благ. Идеология «военного коммунизма» испытала в экономической литературе 1929 и 1930 гг. свое возрождение.

5. ОПЫТ УКРЕПЛЕНИЯ ДЕНЕЖНОЙ ОСНОВЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Верить в безденежное хозяйство могли только юные, стоящие очень далеко от жизни теоретики. Руководители хозяйства ощущали все опасности такого развития и были в тревожном настроении. Их тревога передалась и красному диктатору Сталину. 5 июля 1931 г. появилась в газетах речь Сталина, произнесенная им еще 3 июня на съезде хозяйственников, отчеты коего однако не появились в печати. Эта речь принадлежит к числу самых интересных документов в истории хозяйства рассматриваемой эпохи. В прегнантной [меткой] форме красному диктатору удалось резюмировать основные дефекты безрыночного хозяйства, и он требовал их устранить. Прежде всего он обрушился против идеи безденежного хозяйства и заклеймил ее как «левый троцкистский уклон», и с тех пор, конечно, никто в советской литературе не посмел вернуться к этой идее. Недостаточно составлять план, необходимо считаться со средствами при его выполнении. «Поверка рублем!» — вот тот лозунг, который провозгласил Сталин. В связи с этим Сталин высказался против безмерного роста предприятий, в котором многие усматривали преимущества социализма (против так называемой «гигантомании»), ибо такие предприятия необозримы и не поддаются денежному контролю. Он был против чрезмерной централизации управления. «Социалистическое распределение», в котором многие готовы были видеть чуть ли не высшее достижение социализма, Сталин рассматривал как зло. Он признавал это зло в некоторых условиях неизбежным. Но он требовал мер к скорейшей замене «социалистического распределения» торговлей, правда, эта торговля должна быть не частной, а «советской». В отношении заработной платы Сталин требовал ее строгого соответствия с производительностью труда, ее достаточной дифференциации.

Несомненно, что выступление красного диктатора имело значение и задержало процесс натурально-хозяйственного вырождения хозяйства. Был проведен ряд кредитных реформ, целью коих было заставить государственные предприятия считаться с деньгами и платить долги Государственному банку. Во всем хозяйстве начался процесс некоторой децентрализации управления. Потребительская кооперация воссоздала закрытые было районные склады и старалась опять прийти в контакт с потребителем, с требованиями коего она совсем было отвыкла считаться.

В последние годы пятилетки были также сделаны первые шаги к преодолению «товарного голода». О сокращении денежной массы, пока шло выполнение пятилетки, не могло быть речи. Но для ослабления товарного голода на предметы потребления имела значение реформа бюджета, произведенная с 1931 бюджетного года. Когда выяснилось, что государственные предприятия не только бездоходны, но в значительной части весьма убыточны, так что бюджет не может ожидать от них сколько-нибудь существенных прибылей, а очень часто должен дотациями покрывать их убытки, то он стал строиться главным образом на так называемом налоге с оборота. В цену товара, идущего в продажу, зачисляется известный процент, идущий в качестве налога с оборота в казну. Таким образом доходы казны стали независимы от доходности государственных предприятий, т. е. от того, ведутся они рационально или нерационально. Увеличением налога с оборота можно было увеличивать доходы казны до желаемых размеров.

В 1931 г. доходная часть бюджета достигла 19,0 млрд., из коих 11,6 млрд., т. е. 61% дал налог с оборота. В 1932 г. доходная часть бюджета достигла 29,1 млрд. рублей, из коих 19,5 млрд. , т. е. ровно 2/3, дал налог с оборота. Этот налог очень мало обременял средства производства, ибо таковые приобретаются только государственными предприятиями, но он ложился громадным бременем на предметы потребления *.

Громадный рост бюджета за счет налога с оборота развязывал руки правительству в деле финансирования народного хозяйства. Так, из общей суммы бюджетных расходов в 1931 г. из 19 млрд. 14 млрд., т. е. 74%, пошли на финансирование народного хозяйства; в 1932 г. из 28,8 млрд. 21,7 млрд., т. е. 72%, пошли на финансирование народного хозяйства. В последние годы приходилось не только финан-

* В 1933 г., т. е. после заключения пятилетки, когда ставки налога испытали дальнейшее повышение, ставка с оборота по керосину для тракторов составляла 41,5%, по керосину для потребления городского населения 90,5%, по керосину для сельского населения 93,0%, т. е. из суммы, уплачиваемой сельским населением за керосин, только 7% шли на покрытие расходов производства, а 93% шли в казну. Ставка налога для сахара в городах была 77,5%, в сельских местностях 86,5%. Ставка налога для соли была 82,9%, для мыла 62,3%, для бумажных платков 74,2% и т. д. Дифференциация городских и сельских ставок возможна, ибо все эти товары раздаются в «пайках». См. Бюллетень экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича, № 120, март 1935 г., стр. 24.

сировать капитальное строительство, но казна должна была ассигновать огромные суммы на оборотные средства новых предприятий, а также давать дотации на покрытие очень больших убытков тяжелой индустрии *.

Несмотря на сильное повышение цен предметов потребления под влиянием растущих налогов с оборота, которое должно было постепенно превратить «товарный голод» на них в нормальный для сельского хозяйства «денежный голод», пайковое распределение все еще продолжало сохранять решающее значение и в заключительные годы пятилетки. Но все же в эти годы был сделан первый шаг к переходу к «советской торговле». Наряду с магазинами Торгсина, свободно продававшими товары за иностранную валюту, стали создаваться в крупных центрах так называемые коммерческие магазины, которые свободно продавали товары за советские деньги, но по очень высоким ценам. В 1931 г. на эти магазины пришлось лишь 3% розничного оборота, но в 1932 г. уже 11%.

Требования Сталина о приведении хозяйства в порядок, облеченный в рыночные фирмы, могло быть выполнено в недостаточной степени. Не только нельзя было отменить «социалистического распределения» и связанной с ним «натурализации заработной платы», но невозможно было добиться и более глубокого внедрения хозяйственного расчета в предприятия, ибо означенное требование стояло в противоречии с другим настоятельным требованием красного диктатора: во что бы то ни стало выполнить задания пятилетки. Лучшим свидетельством бесхозяйственности являлось продолжающееся нарастание денежной массы. За два последних года пятилетки с 1 января 1931 г. по 1 января 1933 г. денежная масса возросла с 4,4 млрд. до 8,4 млрд. руб. В общем выпуск денег превзошел предположения пятилетнего плана в 5 раз с лишним **.

Если мы попытаемся теперь дать краткую характеристику системы хозяйства под пятилеткой, то мы должны будем подчеркнуть в ней следующие черты. Во-первых, степень социализации народного хозяйства, т. е. подчинения его государственному управлению, в этот период гораздо выше, чем это, место в эпоху НЭП. Социализация хозяйства близка к завершению. Процесс коллективизации крестьянских хозяйств, правда, еще не был закончен (оставалось еще к концу пятилетки 38,5% неколлективизированных дворов). Но это не имело большого значения, ибо все важные для народного хозяйства районы уже были

* Сведения о размерах этих дотаций в пользу тяжелой индустрии не опубликовываются. Но что они очень велики, можно судить по следующему сообщению, случайно промелькнувшему в прессе: в 1932 г. тяжелая индустрия получила дотацию в 450 млн. руб. на покрытие убытков. («За индустриализацию» 1 декабря 1933 г.).

** Необходимо заметить, что с 1932 г. правительство перестало публиковать сведения о денежном обращении ввиду того, что отчет по пятилетке строится на предпосылке, что в течение ее ценность денег не изменилась. Приведенная цифра к 1 января 1933 г. стала известна только из отчета Гос. банка 7-му Всесоюзному съезду советов, опубликованного в 1935 г.

коллективизированы, и индивидуальные хозяйства были поставлены в столь тяжелые условия, что их коллективизация могла быть лишь вопросом недолгого времени. Более существенным было другое обстоятельство. Колхозы были по своей идее ведь не государственными, не социализированными, а кооперативными предприятиями. Однако это совсем не умаляло влияния государства на них. Во главе колхозов не стояли лица, вышедшие из среды кооперативного населения, а люди со стороны, почти без исключения коммунисты. Они чиновники, а не представители членов колхозов, и их главная задача состоит в выполнении приказов власти, в особенности по сдаче продуктов. Государство бесчисленными правилами нормировало решительно всю внутреннюю жизнь колхозов. Кроме того, с гибелью половины [тягловой] живой силы колхозы все больше приходили в зависимость от сети правительственных машинно-тракторных станций. Кооперативная форма давала государству лишь то преимущество, что оно не отвечало за результаты своего управления, а складывало ответственность на сельское население. Фактически советская власть была хозяином положения и в городе, и в деревне.

Было ли хозяйство периода пятилетки рыночным? Из сказанного совершенно ясно, что таковым оно не было. Все средства производства передавались в плановом порядке по плановым ценам, которые были гораздо ниже стоимости производства, ибо задачей правительства было механизировать все хозяйство независимо от того, выгодно это или нет. В плановом порядке совершалось и передвижение главной массы предметов потребления. Коммерческая торговля, начавшаяся только в последние годы пятилетки, не успела еще приобрести существенного значения. Конечно, совершенно похоронить нелегальную торговлю было невозможно даже для всемогущей советской власти, но ее значение при отсутствии базара не могло быть существенным.

Теперь возникает вопрос, являлось ли все это хозяйство денежным, имели ли в нем еще значение цены? Не подлежит сомнению, что цен, которые рождаются на рынке и которых назначением является приведение в равновесие спроса и предложения — таких цен в этом хозяйстве не было. Предположения составителей пятилетки, что плановые цены совпадут с рыночными, не осуществились. Но все же нельзя отрицать полностью значения денег и цен в этом хозяйстве. Цены эти не рыночные, а плановые, но они все же спасли хозяйство от его окончательного вырождения, которое в условиях натурально-хозяйственного социализма было бы неизбежно. Но в этом хозяйстве не было единой системы цен. В рыночном хозяйстве все цены находятся между собой в тесной зависимости, и цены предметов потребления определяют собой в конечном счете и цены средств производства. Для советского хозяйства рассматриваемого периода характерна большая пропасть, отделяющая значение денег для потребителей и для производителей. В первые годы обесценение денег для потребителей выражалось не столько в поднятии цен предметов, распределении рационов в пайках, сколько в «товарном голоде». В последние годы пятилетки вследствие быстрого увеличения налога на оборот «товарный голод» ослабел, зато стремительно выросли цены распределяемых товаров. Точно определить этот рост цен невозможно, ибо сведения о

ценах и всякие индексы перестали опубликовываться с весны 1930 г. Однако деньги были обесценены главным образом для потребителей и в гораздо меньшей степени в государственном производстве, о развитии коего главным образом заботилась советская власть. Удерживая на низком уровне заработную плату, передавая промышленности сельскохозяйственное сырье по низким ценам, назначая цены средств производства значительно ниже их себестоимости, государство стремилось в известной степени изолировать промышленность от влияния инфляции и удержать для нее значение системы плановых цен. Этой цели служили также дотации государства тяжелой индустрии, предупреждавшие повышение цен средств производства и способствовавшие внедрению машин во все отрасли производства. Конечно, полностью этой цели не удалось достичь, и для промышленности индексы постепенно нарастали, но все же не в такой мере, чтобы окончательно разрушить систему плановых цен *. Эта система при всех ее дефектах предупредила окончательную дезорганизацию работы крупной промышленности. Точно так же и бюджет, который, между прочим, выполнялся очень аккуратно, имел совершенно реальное значение. Тяжелые налоги с оборота сокращали потребление рабочего класса, превращая небольшой подъем денежной заработной платы в сильное снижение реальной заработной платы.

Результаты пятилетнего плана более или менее известны, и мы не можем здесь входить в подробное рассмотрение **. Эта система [Рукопись обрывается.]

---

* К сожалению, с 1931 г. индексы оптовых цен перестали опубликовываться. По приблизительным вычислениям проф. С. Н. Прокоповича индекс оптовых цен достиг в 1932 г. 275,0 и был, следовательно, на 61% выше индекса 1927/28 г., который равнялся 171,3 (довоенный индекс 100). Бюлл. экон. кабинета Прокоповича, № 124, стр. 109.

** Как хорошее резюме мы можем рекомендовать небольшую книгу бывшего сельскохозяйственного уполномоченного германского правительства в Москве проф. Отто Аугагена Die [Billigkeit?] des ersten Fuenfjahrplanes der Sowietwirtschaft. Breslau, 1933. См. также мою книгу Economic Planning in Soviet Russia, стр. 194—234.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И СОЦИАЛИЗМ

1. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

«В России нет социализма, и там не хорошо», «в России социализм, и там хорошо» — вот две формулы, которые характеризуют отношение к русской действительности демократической интеллигенции; первая формула характерна для русской зарубежной интеллигенции, вторая — для иностранной. Этим двум формулам я уже давно позволил себе противопоставить третью: «В России социализм, и там не хорошо».

С момента октябрьского переворота я пришел к заключению, что большевики впервые в мировой истории серьезно взялись за осуществление социализма. Такая мысль в среде интеллигенции вызывала не только возражения, но часто даже негодование *. Особенно нежелательным считалось высказывать подобные мысли перед иностранцами, ибо это могло бы реабилитировать большевизм в их глазах. Однако, в настоящий момент — к двадцатилетию октябрьского переворота и к завершению второй пятилетки — я надеюсь встретить более терпимое отношение к моим мыслям, и поэтому я позволяю себе поставить этот вопрос в настоящей статье во всей его широте.

Умеренные социалисты уже потому отказываются от признания большевистского опыта социалистическим, что он стоит в противоречии с прогнозами Маркса о наступлении социальной революции. Согласно взглядам Маркса социализм есть прежде всего движение индустриального пролетариата, а потому прежде всего индустриальные страны вроде Англии «созрели» для социальной революции, но в аграрных странах нет для нее перспектив. Однако выдающийся русский политический мыслитель Александр Герцен был другого мнения. В своей знаменитой книге «С другого берега» он отнесся с большим скептицизмом к возможности социальной революции в Западной Европе — для этого она слишком проникнута духом «мещанства». Наоборот, Россия, где крестьянство не выработало института частной собственности на землю и где царит дух общины, представлялась ему страной, призванной совершить социальную революцию. Герцен провидел русскую революцию за 70 лет **. Взгляды Герцена когда-то легли

---

* «Конечно, вы, буржуи, хотели бы это позорище выдать за социализм!» — сказал мне с горечью в декабре 1917 г. в Москве старый подпольный деятель, один из создателей еврейского Бунда.

** Вспомним, что и Лермонтов в пророческом стихотворении предсказал русскую социальную революцию и даже описал ее ход.

в основу идеологии революционного народничества и даже не остались без влияния на основоположников марксизма. В предисловии к Коммунистическому манифесту, написанном в 70-х годах, Энгельс признает, что благодаря наличию пережитков первобытного коммунизма для России открыт особый путь к социализму в обход капитализма. Хотя Ленин претендовал быть самым ортодоксальным марксистом, но он все же прекрасно понимал положительное значение специфической психологии русского крестьянства для успеха социальной революции. Поэтому назавтра после октябрьского переворота он поспешил опубликовать известный декрет «О земле», который в сущности стоял в противоречии с конечными целями социализма. Зато он вовлек этим декретом крестьянские массы в революцию и связал их с ней.

Таким образом нельзя сказать, что русская социальная революция была чем-то совершенно непредвиденным и нелепым, как это часто утверждали. Впрочем, как правоверный марксист, Ленин все же не считал Россию наиболее подходящей почвой для строительства социализма. Но, как известно, он рассчитывал, что русская революция зажжет «мировой пожар», и тогда передовые индустриальные страны помогут большевикам достроить социализм в России. Лишь спустя 10 лет большевики окончательно убедились, что Запад совсем не торопится следовать примеру России. Троцкий остался верен своей идее «перманентной революции», а русская коммунистическая партия вынуждена была пока примириться с лозунгом «социализм в одной стране». Идея «социализм в одной стране» была почему-то встречена русской интеллигенцией с величайшим пренебрежением, а между тем она совсем не заслуживала такого к себе отношения. Социализм действительно трудно осуществить в революционном порядке в стране, которая очень сильно вовлечена в международный обмен. Это было одной из главных причин неудачи попытки социальной революции в Германии. И это соображение заставляет признать, что, вопреки господствующему мнению, Англия, которая даже 80% своего насущного хлеба получает из-за границы, является страной, наименее подходящей для успеха социальной революции *. Но ввиду безграничных естественных богатств России как раз ее хозяйство возможно организовать на основах, приближающих к автаркии, и действительно внешняя торговля России в последние годы сведена к ничтожному минимуму. Таким образом, как раз по отношению к России лозунг «социализм в одной стране» не заключает в себе ничего утопического.

Долгое время могло казаться, что крестьянское хозяйство является непреодолимым препятствием для конечной победы социализма в

---

* Скажут, что социальная революция в Англии сопровождалась бы социальной революцией во всех ее колониях. Но прежде всего, даже и после Оттавы, расширившей экономические связи Англии с ее колониями, они все же не играют доминирующей роли в ее торговле. И кроме того, важнейшие английские колонии являются почти самостоятельными государствами, экономическая структура их весьма различна, и совершенно нельзя предвидеть того, что они вдруг одновременно с метрополией «созреют для социальной революции.

России и что того компромисса, который наметился в период НЭП, большевикам никогда не удастся ликвидировать. Это дало повод меньшевикам утверждать, что русская революция была по существу совсем не социалистической, а буржуазной, и что если не сегодня, то завтра капитализм вылупится из-под социалистической оболочки совершенно сложившимся, как бабочка выходит из куколки.

Однако большевики сумели преодолеть и это самое серьезное препятствие для осуществления интегрального социализма в России, они разрушили крестьянское хозяйство и на его месте создали социалистическое сельское хозяйство. Они таким образом воочию доказали, что социализм можно создать творческим (и, если угодно, разрушительным) порывом хотя бы и на недостаточно зрелой почве, что социальная революция есть прежде всего акт воли, а не стихийной эволюции.

После этого, казалось бы, следовало сказать «chose jugee». И все же и до настоящего времени можно встретить в эмигрантской прессе длинные рассуждения на тему, что в России никакого социализма нет или что он там не настоящий. Причина, почему интеллигенция не согласна признать социализм в России осуществленным, состоит в том, что у нее связано с понятием социализма прежде всего представление об осуществлении всех ее общественных идеалов: всеобщего материального благополучия, равенства, полной обеспеченности, максимума свободы и культуры и т. д. Так как этого как будто бы в России нет, то, следовательно, там нет и социализма. Однако все указанные блага искренне обещали и деятели Великой французской революции от осуществления их идей, и все же они строили общество на совершенно иных началах. Не надежды, связанные с осуществлением того или иного общественного строя, являются его конститутивными признаками, а некоторые его объективные черты. Однако многие утверждают, что будто бы объективные признаки социализма весьма расплывчаты, что их совсем невозможно точно формулировать. Но ведь в данном случае речь идет не о социализме вообще, а лишь о марксистском социализме, т. е. о коллективизме. Большевики ведь хотят быть правоверными марксистами. И именно эта форма социализма представляет наибольший интерес, ибо все мировое рабочее движение находится под глубоким влиянием идей Маркса.

Конститутивные признаки коллективизма весьма определенны и не возбуждают никаких сомнений — это: 1) обобществление орудий производства и 2) плановое хозяйство. Благодаря обобществлению орудий производства государство вместо частных лиц становится полным распорядителем народного хозяйства, и одновременно с этим отпадают все нетрудовые доходы от владения землей и капиталом. Кроме того, коллективизм относится отрицательно к регулированию хозяйства через рынок и надеется заменить его регулирующие силы статистически обоснованным планом. Плановое хозяйство коллективизм считает высшим достижением, и оно составляет его второй конститутивный признак.

Если мы хотим дать ответ на вопрос, является ли советское хозяйство социалистическим или нет, то наш ответ не может определяться тем, много ли счастья оно дало населению; исследованию

подлежит лишь вопрос, обладает ли советское хозяйство указанными двумя конститутивными признаками коллективизма. При такой постановке вопроса ответ не может вызывать сомнений: советское хозяйство есть хозяйство социалистическое.

Советская власть социализировала не только орудия производства, но и все, что вообще можно было социализировать. Некоторой брешью в коллективизме могли бы показаться колхозы, которые по своей идее являются не государственными, а кооперативными предприятиями. Согласно новой конституции даже земля закрепляется за колхозами «навечно». Однако в советской России следует всегда различать между словом и делом. Фактически колхозы обязаны выполнять государственные планы засева, обязаны сдавать государству за бесценок громадные количества сельскохозяйственных продуктов, и управляются они людьми, которые не являются представителями интересов членов колхозов, а чиновниками советского государства.

Есть области, в которых социализация хозяйства имела столь катастрофические последствия, что советской власти пришлось пойти на некоторые небольшие компромиссы. Первоначально у крестьян социализировали все — до последней курицы. Однако вскоре большевики убедились, что скотоводство особенно трудно поддается социалистической организации; они создали поэтому известные возможности для развития частного животноводства. Однако это частное животноводство находится в полной зависимости от социализированного сектора хозяйства, ибо крестьяне должны получать корм для своего скота из колхоза. Крестьянину предоставили также возможность самостоятельно обработать 1/2 — 1 гектар земли. Находятся за рубежом экономисты, которые и в этом готовы усмотреть ликвидацию советского социализма. Но само собой разумеется, что ход развития русского народного хозяйства не определяется тем, имеется ли у колхозника коровенка и огород или нет.

Если мы говорим о господстве капитализма в Западной Европе и в Америке, то это совсем не значит, что он овладел там всеми элементами хозяйства. Сельское хозяйство в большинстве стран Запада сохранило еще свою крестьянскую организацию, там не исчезло еще ремесло, и кооперация завоевывает там все новые и новые позиции. Все эти хозяйственные организации построены на основах, принципиально отличных от тех, на которых построен капитализм. Наконец, нигде и никогда государство не ограничивалось ролью «ночного сторожа», а в большей или меньшей степени влияло на процесс развития народного хозяйства. Если мы тем не менее называем хозяйство Запада капиталистическим, то мы хотим этим лишь указать на решающее значение капитализма в народном хозяйстве. Вообще же капиталистическое хозяйство Запада гораздо менее унифицировано, чем советское социалистическое хозяйство.

Однако против того, что в России утвердился социализм, выдвигается и такое возражение, что там нет равного вознаграждения за труд, а таковое почитается почему-то многими конститутивным признаком социализма. В действительности социализм стремится лишь устранить нетрудовые формы дохода от владения землей и орудиями производства, но он не требует равного вознаграждения за труд; это вознаграждение может (и для достижения наивысшей производительности хозяйства даже должно) различаться в соответствии с квалификацией и производительностью труда. В России нет нетрудовых доходов; принцип «кто не работает, да не ест» там проведен весьма последовательно и накопление частного капитала там исключено. С этой точки зрения социализм там осуществлен.

Перейдем теперь к вопросу о степени осуществления планового хозяйства. Здесь мне, конечно, укажут, что советские хозяйственные планы осуществляются весьма частично, что они сплошь и рядом приводят к совершенно непредвиденным последствиям, подчас катастрофическим. Что советское плановое хозяйство страдает громадными недостатками, не подлежит никакому сомнению, и этого советская пресса не скрывает. Но те, кто на этом основании готовы отвергнуть наличие в России планового хозяйства, забывают, что плановое хозяйство — это не столбовая дорога, а новый путь экономического строительства, до сих пор еще не проторенный. Планированием хозяйства, хотя бы частичным, занимаются теперь во многих странах, и пути планирования не розами усеяны. Я только что прочитал в немецком журнале «Berichte ueber Landwirstschaft» обширную статью об опытах планирования сельского хозяйства правительства Рузвельта (т. н. Agricultural Adjustment Act). В выработке соответствующих планов участвовали лучшие американские специалисты (т. наз. brain trust). После весьма тщательного изучения богатого материала автор пришел к заключению, что планирование сельского хозяйства дало не те результаты, каких от него ожидали, что эти результаты были вообще неблагоприятны для народного хозяйства и что настоящее улучшение в экономическом положении фермеров вызвано совсем не этим планированием, а быстрым изживанием мирового промышленного кризиса. Если американский brain trust делает ошибки в опытах планирования, то да позволено будет делать ошибки и большевикам.

Но сколько бы мы ни критиковали советское планирование, все же нельзя отрицать того факта, что со времени вступления в силу первой пятилетки (и частично еще до того) советское хозяйство перестало быть рыночным и стало плановым. Когда Россия вступала в первую пятилетку, она далеко еще не оправилась от разорения, причиненного ей внешней и гражданской войной и социальной революцией. Население в период НЭП уже не страдало от голода, не ходило голым и босым, но все же оно крайне скудно удовлетворяло свои самые элементарные потребности. В условиях рыночного хозяйства его накопления не могли быть значительны, и поскольку они имелись бы, они естественно направлялись бы на расширение тех отраслей производства, которые удовлетворяют элементарным неотложным потребностям населения, т. е. они пошли бы на расширение мелкого хозяйства, кустарной промышленности, легкой индустрии. Это приблизительно то направление, в котором, несмотря на давление советской власти, хозяйство развивалось под НЭП. Вместо этого под пятилетками советской власти удалось осуществить громадное накопление капитала, которое в условиях рыночного хозяйства возможно только для очень богатого народа, и капитал этот был направлен на создание прямо титанических предприятий тяжелой индустрии, кото-

рые в лучшем случае могут повысить благосостояние народных масс в отдаленном будущем, а в худшем случае, вообще, такого результата дать не смогут. В порядке рыночного хозяйства подобные результаты никогда не могли бы получиться. И в свете этого капитальной важности факта советская власть может с полным основанием сказать своим критикам: «Пусть наше планирование было часто совершенно ошибочно, но все же нам принадлежит честь создания в великой стране первого интегрального планового хозяйства на месте рыночного». Против этого ничего нельзя возразить. Таким образом, советское хозяйство обладает и вторым конститутивным признаком социалистического: оно хозяйство плановое.

Однако тут против нас выступят некоторые экономисты, претендующие на особенное глубокомыслие, с утверждением, что в России все же нет социализма, а что там капитализм, только не частнохозяйственный, а государственный. Таким образом все дефекты советского хозяйства оказываются благополучно сваленными на бяку-капитализм, а ризы социализма остаются чистыми.

Как известно, под капитализмом разумеют такую организацию народного хозяйства, в которой непосредственной целью каждого предприятия является получение возможно большей прибыли на капитал. Однако такого положения в советской России нет, ибо основной задачей ее предприятий является исполнение заданных им планов производства, и эта основная цель совершенно отодвигает на задний план задачу извлечения прибыли. Почти все грандиозные предприятия тяжелой индустрии приносят регулярно громадные убытки, которые покрываются бюджетными дотациями. Такое положение в капиталистическом хозяйстве совершенно немыслимо.

Но может быть советское хозяйство в целом построено по капиталистическим основам? Однако и этого никак нельзя сказать. От продажи продовольственных продуктов советская власть выручает 25 млрд. рублей прибыли, которые она себе записывает в бюджет. Казалось бы, что дело это очень выгодное и что капиталы следовало бы направить на развитие сельского хозяйства. В действительности, однако, советская власть, увлеченная идеей индустриализации, весьма скудно финансирует сельское хозяйство. Мало интересуется советская власть и развитием легкой индустрии, хотя и она приносит ей значительные доходы. Зато советская власть вкладывает огромные капиталы в строительство тяжелой индустрии, которой она, как мы только что указали, вынуждена регулярно выплачивать громадные дотации для покрытия убытков. В последние годы советская власть, правда, начинает требовать от тяжелой индустрии, чтобы и она сводила концы с концами. Однако весьма сомнительно, чтобы последней удалось достичь этой цели. Во всяком случае, при распределении капитальных вложений советская власть исходит из определенного априори обоснованного народнохозяйственного плана, но доходность предприятий совершенно не определяет этого распределения.

Наконец, и капиталонакопление происходит в советском хозяйстве средствами, которые совершенно не характерны для капитализма. Как известно, главным источником финансирования народного хозяйства является бюджет. Спрашивается, как складываются бюджетные

доходы? Если бы в России существовал государственный капитализм, то бюджет естественно слагался бы из прибыли бесчисленных и подчас грандиозных государственных предприятий. В действительности роль прибыли в государственном бюджете совершенно ничтожна. Бюджет построен на двух основаниях: на неимоверно тяжелом обложении индустриальных продуктов широкого потребления (налог с оборота) и на почти бесплатном изъятии сельскохозяйственных продуктов.

Мы имеем, таким образом, в советском хозяйстве организацию, построенную на принципах, глубоко отличных от капитализма. Те, которые утверждают, что русское хозяйство являет только видимость социализма, а что его видимая сущность есть государственный капитализм, обнаруживают не столько глубокомыслие, сколько незнакомство с внутренней структурой этого хозяйства.

Но в России социализм не только построен, он, кроме того, стоит довольно прочно. Станет ли во главе советской России на место Сталина, творца интегрального русского социализма, какой-нибудь другой диктатор, от этого еще структура советского хозяйства не изменится. Когда-то можно было думать, что с победой контрреволюции частное хозяйство будет немедленно восстановлено. Теперь об этом и думать нельзя. Создана громадная новая промышленность, во много раз превосходящая довоенную: на эту промышленность никто, кроме русского государства, претендовать не может. Кустарная промышленность, которая до войны и даже в годы НЭП еще играла очень крупную роль в экономической жизни России, за минувшие десять лет разрушена, и ее традиции в значительной мере выкорчеваны.

Наконец, и социалистическое сельское хозяйство при всех его внутренних дефектах не может быть скоро заменено возрожденным крестьянским хозяйством. В России осталась только половина лошадей, и уже много лет прошло с той поры, как крестьянский инвентарь перестал там изготовляться. Таким образом, обработка крестьянских полей правительственными машинно-тракторными станциями является на ближайшие годы необходимостью. Наконец, колхозная молодежь утратила в известной мере традиции крестьянского хозяйства. Постольку результаты коллективизации сельского хозяйства надо считать длительными. Конечно, мы не хотели бы сказать, что русское народное хозяйство не может быть перестроено на новых началах. Но этот процесс не может быть единовременным и простым, а должен быть долговременным и сложным.

Но почему же в России так тяжело живется? Почему там нет ни экономического благосостояния, ни обеспеченности, ни свободы, ни духовной культуры?

На это я себе позволю ответить так: а может быть, социализм (в форме коллективизма) по своему внутреннему существу совсем не способен оправдать тех надежд, которые на него возлагают? Эта мысль, конечно, весьма дерзкая, ибо социализм является сейчас надеждой широких народных масс и широких кругов демократической интеллигенции. Идея социализма выношена в сердцах многих лучших людей человечества. Однако после двадцати лет строительства социализма в России, когда и вне России наметились сильные социалистические тенденции в государственной политике, которые также

увенчались не очень-то блестящими результатами, да позволено мне будет высказать некоторые сомнения по поводу коллективизма и в особенности по отношению к его революционным формам.

Необходимо заметить, что живя в Германии я мог убедиться, что я там совсем не одинок в своих сомнениях в отношении коллективизма. Целая плеяда талантливых немецких ученых (Мизес, Хальм, Хайек, Ропке) ввиду надвигающегося коммунизма, с одной стороны, и фашизма с другой, заняли критическую позицию по отношению к коллективизму. С русским опытом они недостаточно знакомы, они поэтому исходят главным образом из чисто теоретических соображений. Но эти соображения очень часто поразительно совпадают с мыслями, навеянными на меня русским опытом.

Проблема коллективизма весьма обширна, и я вынужден здесь ограничиться лишь несколькими общими соображениями.

2. РОКОВЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Прежде всего коллективизм чрезвычайно опасен своим пренебрежительным отношением к рыночному хозяйству и своими необоснованными претензиями заменить регулирующие силы рынка статистически обоснованным планом. В действительности рынок является совершенно незаменимым орудием всякого построенного на сложном разделении труда народного хозяйства, и, кроме того, он является одной из важнейших гарантий личной свободы в таком обществе. Рынок игрой сил спроса и предложения определяет не просто количество предметов потребления, которое может быть вообще сбыто, он определяет ту цену, которая может быть получена при сбыте определенного количества продуктов, он определяет напряженность общественного спроса на них. Этим рынок предметов потребления дает совершенно определенные директивы производству. Обычное противопоставление капиталистического хозяйства, как имеющего целью лишь извлечение прибыли (по-немецки Profitwirtschaft), социалистическому, как призванному удовлетворить потребности населения (Bedarfsdeckungswirtschaft), принципиально ошибочно. В условиях конкуренции для предпринимателя нет другого способа получить наивысшую прибыль, как самым совершенным и самым дешевым способом удовлетворить потребностям населения. И, с другой стороны, мы увидим, что как раз в социалистической организации таится наибольшая опасность, что производительные силы народа будут использованы для целей, не имеющих ничего общего с материальными нуждами масс. Рыночное хозяйство повернуто к потребителю, и оно чутко прислушивается к его желаниям и даже прихотям. Каждый потребитель, обладающий хотя бы скромным платежеспособным спросом, имеет голос в направлении производства: «a penny a vote» — сказал известный английский экономист.

Цены, которые игрой спроса и предложения создаются на рынке потребительских благ, в конечном счете механизмом вменения определяют и цены всех средств производства. И достигается эта оценка средств производства не в порядке теоретической конструкции, а практически — конкуренцией предпринимателей на рынке средств производства. И предметы потребления, и средства производства таким образом получают свою оценку. Эта система цен весьма совершенно регулирует производство и обмен без всякого центрального руководства. Перед всяким предпринимателем стоит совершенно отчетливая задача: так сбалансировать средства производства, чтобы получить наибольший доход. И этот механизм служит обеспечением того, что в бесконечно сложной организации менового хозяйства будет строго проведен хозяйственный принцип, т. е. что наибольший результат будет достигнут с наименьшими затратами.

Правда, с победой капитализма на основе рыночного хозяйства последнее начинает развиваться волнообразно: за подъемом хозяйства следует более или менее глубокий кризис. Однако пока эти кризисы обусловливались саморазвитием капиталистического хозяйства, они им спонтанно преодолевались, и за кризисом следовал еще высший подъем хозяйства. И только в последнем кризисе, необычайная острота коего обусловлена несомненно роковыми последствиями мировой войны, спонтанные силы менового хозяйства оказались неспособными предупредить глубокие расстройства в ходе его развития.

Всему этому чрезвычайно сложному, чрезвычайно тонкому, органически сложившемуся механизму противопоставляется статистически обоснованный априорный план. Если всмотреться в его статистическое обоснование, то окажется, что это главным образом история рынка, это данные о том, сколько товаров и по какой цене продавалось на рынке. Эти данные, конечно, очень ценны, и капиталистическое хозяйство в настоящих весьма сложных условиях пользуется ими для своего планирования. Отсюда то значение, которое приобрели исследования конъюнктуры. Но все же предвидения на основании статистических данных имеют лишь весьма относительное значение. История рынка не может заменить самого рынка, и чем больше стареют статистические цифры, тем меньше их практическое значение.

Но, как мы указали, рынок является также одной из важнейших гарантий свободы личности. На рынке каждый может предъявить спрос в соответствии со своими индивидуальными потребностями, и этот способ удовлетворения потребностей должен быть противопоставлен системе «пайкового» распределения хозяйственных благ, к которому обычно приходит социализм. Наконец, при определении уровня заработной платы в порядке вменения сообразно предельной производительности каждой формы труда (профессиональные союзы при разумной политике этому не только не препятствуют, а содействуют) европейская цивилизация впервые в истории цивилизаций, построенных на сложном разделении труда и обмена, оказалась способной обойтись без принудительного труда. Способен ли коллективизм обойтись без принудительного труда — эта весьма сомнительно. В 1921 г. Троцкий в одной из своих блестящих речей доказывал, что социализм без принудительного труда немыслим, и история двух пятилеток как будто подтвердила его мысль.

Марксисты, следуя завету своего учителя, усиленно занимались исследованием капиталистического хозяйства, но никогда они не задумались серьезно над тем, чем они заменят тонкий механизм рыночного хозяйства. Социалист обычно многое знает о капиталистическом хозяйстве, но он ничего не может сказать о социализме. Так как, однако, марксизм даже в своих самых умеренных течениях является революционным учением (торжеству социализма должна предшествовать социальная революция), то он не имеет права уклоняться от исследования проблемы механизма социалистического хозяйства.

Вероятно, большинству читателей известны те наивные суждения, которые высказал Ленин об организации хозяйства после социальной революции в своей брошюре «Государство и революция», написанной накануне октябрьского переворота. Дело организации социалистического хозяйства сводится, по его мнению, к регистрации работы и продукции и к выдаче соответствующих расписок, так что каждый рабочий, знающий четыре арифметических действия, сумеет великолепно справиться с задачей организации социалистического хозяйства *.

Впрочем, Ленин мог бы в свое оправдание сказать, что и его ученейший оппонент Каутский в своей известной брошюре «Назавтра после революции» ничего с научной точки зрения ценного не мог сказать об организации социалистического хозяйства. Заслуга постановки проблемы социалистического хозяйства в науке принадлежит не социалистам, а их противнику, венскому профессору Людвигу Мизесу; он ее формулировал в связи с новой апологией либерализма в вышедшей в 1922 г. книге «Die Gemeinwirtschaft», и с тех пор она действительно стала темой плодотворной научной дискуссии **.

Если, таким образом, марксисты никогда не задумывались над вопросом организации социалистического хозяйства, то все же communis opimo в их среде была мысль, что социалистическое хозяйство безрыночное и безденежное. Эта и была руководящая идея большевиков в период, который они задним числом окрестили именем «военного коммунизма», хотя их экономическая политика в этот период была продиктована не одними лишь военными соображениями.

---

* Брошюра Ленина «Государство и революция» была, впрочем, не научным исследованием, а призывом к восстанию, и для его организатора было с политической точки зрения очень выгодно уверить своих соратников, что дело строительства социализма очень простое.

** В августе 1920 г. мне представилась возможность прочитать в Петрограде в общем собрании критический доклад о социализме, навеянный большевистским опытом, исходные пункты коего совершенно совпадали с таковыми проф. Мизеса. Мой доклад в расширенном виде был в 1921—22 гг. напечатан в трех книжках «Экономиста», журнала, короткое время издававшегося Русским Техническим Обществом Петрограда. Он вышел в 1923 г. на русском языке в Берлине под заглавием «Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта», в 1928 г. на немецком языке под названием «Die Lehre des Marxismus im Lichte der russischen Revolution», и он в сокращенном виде вошел в состав моей последней английской книги «Economic Planning in Soviet Russia».

Эта политика, как известно, привела к величайшей катастрофе, которая обескуражила даже большевиков несмотря на то, что у них чего-чего, а самоуверенности достаточно. За границей обычно полагают, что причина неудачи была в «незрелости» русского хозяйства для социализации. Мнение это совершенно ошибочно. Наименее зрелое для социализации русское сельское хозяйство даже в момент своей наивысшей деградации сохранило 2/3 своих посевных площадей и 2/3 своего скота. Напротив, наиболее зрелая для социализации русская крупная промышленность сократила к 1921 г. свое производство до 13%.

Причиной крушения хозяйства была принципиальная несостоятельность самой идеи натурально-хозяйственного социализма. Для Главков и Центров, распоряжавшихся распределением средств производства, при отсутствии цен не было никаких рациональных критериев для исполнения этой задачи. А так как средства производства комплементарны (т. е. производство может идти лишь при наличии многоразличных средств производства в определенной количественной комбинации), то работа социализированной промышленности должна была неизбежно приостановиться. Кроме того, как уже усмотрел Бухарин в своей «Экономике переходного времени», в производстве, в котором нельзя найти общего мерила для расходов и доходов, хозяйственный принцип проведен быть не может. Большевики надеялись, что все эти дефекты будут покрыты интегральным социалистическим планом. Однако оказалось, что на натуральной основе и никакого плана невозможно разработать.

Скажут, что, конечно, без мерила ценности обойтись невозможно, но его незачем искать на рынке, его можно найти в самом производстве измерением трудовой стоимости хозяйственных благ. Советская власть действительно сделала в 1920 г. опыт в этом направлении и предписала своим предприятиям произвести исчисление трудовой стоимости продукции. Опыт был безрезультатен, и советская власть уже его не повторяла. Да и нетрудно видеть, что этот опыт, основывающийся на давным-давно преодоленной в науке теории, не мог дать никаких результатов. Вычисление трудовых стоимостей есть задача едва ли исполнимая, ибо ведь в каждом производстве мы пользуемся предметами предшествующих производственных процессов. Но если бы эта задача была исполнима, то эта работа была бы все же бесплодной. У нас нет никаких критериев для сведения труда разной квалификации к единице, и если говорят, что для этого следует воспользоваться известными коэффициентами, то эти коэффициенты все-таки останутся неизвестными, даже если мы их назовем известными. И разве могут иметь какое-либо реальное значение цены, при определении коих считаются только с количеством затраченного труда, но не считаются с количеством использованного капитала и использованных естественных богатств? И в конце концов цена, не выражающая напряженности спроса, никогда не приведет производство в согласие с его требованиями.

После катастрофы 1921—22 гг. большевики раз и навсегда оставили идею натурально-хозяйственного социализма. Наоборот, на Западе эта идея далеко еще не преодолена.

Теперь большевики искали спасения из хаоса в восстановлении рынка. И в этом они не ошиблись: процесс восстановления хозяйства пошел под НЭПом в гораздо более быстром темпе, чем после ужасного разрушения можно было ожидать. Но скоро обнаружилось, что если рынок является весьма совершенным регулятором частного хозяйства, то его регулирующее влияние на монополизированное государственное хозяйство недостаточно. Отсюда попытки его регулирования в плановом порядке.

Только теперь, когда рынок был восстановлен и денежная система упорядочена, выработка общего народнохозяйственного плана стала возможной. И в августе 1925 г. появился первый такой план под названием «Контрольные цифры Госплана на 1925—26 гг.» Спецы, разрабатывающие контрольные цифры в Госплане, считали основой плана систему цен. Но все же они хотели бы быть осторожными, они не хотели бы разрушить системы НЭПа, при которой хозяйство так скоро оправлялось. Поэтому они вычисленные ими цены считали не более, как директивами; они не хотели насиловать рынка окончательной фиксацией цен. На этих основаниях составлялись контрольные цифры в течение ряда лет. И даже пятилетний план, который составлялся спецами под сильнейшим давлением советской власти, обуреваемой максималистскими тенденциями, еще рассчитывал, что его цены будут свободно подтверждены рынком, который совсем не предполагалось разрушить; напротив, если бы рынок не подтвердил некоторых цен, то следовало бы соответствующим образом изменить планы.

Так думали спецы, но не так думали обретшие свою обычную самоуверенность большевики. Они ни в коем случае не хотели корректировать плановой системы цен согласно указаниям рынка, и таким образом они разрушили рынок еще до вступления в силу пятилетнего плана. В годы первой пятилетки мы уже имели перед собой такую картину, что у населения все забирается государством по фиксированным ценам; все продукты потребления распределяются кооперативами в пайках, а средства производства распределяются производственными объединениями между трестами согласно генеральным договорам. При всем том хозяйство под пятилеткой было организовано совершеннее, чем в эпоху «военного коммунизма». Его главное преимущество заключалось в том, что оно все же принципиально осталось денежным и в определении цен могло в известной мере исходить из системы цен, определившихся в период НЭПа.* Это создавало кое-какие возможности для рационального передвижения хозяйственных благ, для минимального контроля за ходом производства в порядке «хозрасчета», для более или менее точного выполнения бюджета и для составления минимально обоснованных планов. Однако, чем больше НЭП уходил в прошлое, чем больше росло денежное обращение, тем больше реальное значение плановых цен падало. Советская власть стала все более ощущать вырождение хозяйства, и это заставило ее в последние годы сделать новую попытку восстановить рынок. Но вопрос о совместимости интегрального социалистического хозяйства с рынком остается нерешенным. Во всяком случае первой предпосылкой такого согласования явился бы отказ от грандиозных строительных планов, составляющих гордость коммунизма.

Если мы теперь себя спросим, что дали две пятилетки России, то наша оценка будет связана с нашим пониманием существа хозяйства. Если хозяйство есть нечто совершенно объективное, совокупность «производительных сил», как говорят марксисты, т. е. фабрики, рудники, электрические станции и т. д., то мы очень высоко оценим результаты пятилеток. По сравнению в довоенным временем количество добываемого угля возросло в 4 раза, количество добываемой нефти возросло в 4 раза, выплавка чугуна возросла в 4 раза и передвижение грузов тоже возросло в 4 раза. Это ли не успех?

Но тех, для которых хозяйство не есть нечто объективное и не самоцель, для которых оно лишь средство для удовлетворения потребностей народных масс, эти факты не обольстят. Всем известно, что первая пятилетка вызвала резкое понижение уровня жизни как рабочих, так и крестьянских масс, и что она закончилась двумя голодными катастрофами 1932 и 1933 гг. , стоившими жизни неисчислимому количеству людей. И на обеих пятилетках лежит Каинова печать принудительного труда. Предвидение Троцкого оправдалось: строительство социализма без многих сотен тысяч, а может быть даже миллионов принудительных рабочих оказалось невозможным. На «раскулачивание» сотен тысяч крестьянских семейств, на ссылку тысяч и тысяч интеллигентов мы слишком односторонне смотрим как на проявление бескрайнего большевистского террора. При этом совершенно упускается из виду, что главным мотивом для этих ужасающих мероприятий было благополучное завершение планов социалистического строительства. Достаточно внимательно вчитаться в грандиозные планы использования природных богатств далеких и пустынных русских окраин, начертанные в пятилетках, чтобы убедиться в том, что планы эти без сотен тысяч принудительных рабочих и без тысяч ссыльных интеллигентов неисполнимы. Те, кто любуются величием Днепрогэса и Магнитогорска, не должны забывать про те сотни тысяч ни в чем неповинных людей, которые под охраной чекистов рубят северные леса, и добывают руды в заброшенных за тридевять земель рудниках или прокладывают каналы «средь топи блат».

Скажут, что все это так, все это было, но теперь, когда фабрики построены, машины поставлены, рудники вырыты и дамбы проложены, все должно измениться к лучшему и уровень благосостояния масс должен подняться. До сих пор улучшение идет весьма медленно, ибо все эти громадные сооружения воздвигнуты без хозяйственного расчета и работают они нехозяйственно. Отсюда и получается та странная картина: кипучая хозяйственная деятельность, титанические фабрики

* Правда, в 1930 г. и в начале 1931 г. среди коммунистов опять наметились тенденции разрушить окончательно денежную систему, ибо ведь только в безденежном хозяйстве, в котором никакого, даже весьма условного, «хозрасчета» нет и не может быть, своя рука владыка. Однако, окрик Сталина в его речи от 23 июня 1931 г. на 2-ом съезде хозяйственников, объявившего, что каждую попытку возврата к безденежному хозяйству он будет считать «троцкистским уклоном», имел благодетельное значение.

непрерывно работают, громадное, небывалое в довоенной России передвижение грузов, а жизнь масс населения все так же бедна и сера. Дело совсем не обстоит так, что каждая работающая фабрика, каждый действующий рудник обогащают население — они могут его разорять. Мой скептицизм не идет так далеко, чтобы считать все жертвы, принесенные населением под пятилетками, бесплодными; многие осуществленные планы были целесообразны и в свое время благоприятно повлияют на экономическое благосостояние населения. Но только контроль рынка может дать оценку грандиозным предприятиям пятилеток, и нельзя сомневаться, что согласно указаниям рынка немало грандиозных предприятий надо будет ликвидировать.

И имеется еще причина, почему советское хозяйство так плохо обслуживает нужды населения. Я уже выше указал, что противопоставление социалистического хозяйства как повернутого целиком к обслуживанию нужд населения капиталистическому неправильно. В капиталистическом обществе даже абсолютная власть не может свободно распоряжаться в хозяйстве. Последнее всегда противостоит власти, как нечто, развивающееся по своим имманентным законам. А эти законы ставят хозяйство на службу потребителям. Напротив, при социализме хозяйство находится целиком во власти государства. И вот перед властвующей группой стоит великий соблазн использовать силы хозяйства для укрепления своего могущества. Против этого соблазна она устоять не может и в оправдание она всегда сумеет отождествить свое благополучие с интересами... мирового пролетариата, мировой революции и тому подобных великих идей. Таким образом интегральный социализм совсем не является хозяйством, призванным служить нуждам населения (Bedarfsdeckungswirtschaft), это хозяйство насквозь политизированное, и потому, между прочим, во главе его не могут стоять спецы, а должны стоять политики — члены правящей партии.

В своей речи от 7 января 1933 г., в которой Сталин резюмировал результаты первой пятилетки, он совершенно открыто заявил, что собственно хозяйству можно было бы дать другое направление, которое гораздо лучше удовлетворило бы потребностям народных масс. Но в таком случае, сказал он, не были бы достигнуты другие цели, которые он считает более важными, чем удовлетворение потребностей народных масс. Какие же это цели? Сталин назвал их три: 1. вооружение; 2. независимость от капиталистического окружения (автаркия) и 3. завершение социалистического строительства. Ни одна из этих целей не является экономической, и Сталин констатировал лишь факт господства политики над экономикой в советском хозяйстве.

Мне скажут, что все это не было бы страшно, если бы в России власть была демократической, и что вся беда в утвердившейся в России диктатуре. Мы видим таким образом, что обсуждение вопросов хозяйства переводит нас к обсуждению других проблем социальной жизни России. И действительно, проблема социализма не является только экономической. «Soviet Russia. A new civilization?» — таково заглавие новой книги, напечатанной супругами Вебб. В дальнейшем я позволю себе лишь весьма кратко коснуться связи социализма с некоторыми другими сторонами общественной организации.

3. СОЦИАЛИЗМ И СВОБОДА

В начале апреля 1921 г. мне в качестве гостя пришлось присутствовать на заседании Петросовета в б. Таврическом дворце. Заседание это происходило сейчас же после подавления Кронштадтского восстания и имело в известном смысле историческое значение. Председательствовал Зиновьев, имевший тогда очень самодовольный вид, на эстраде сидело много видных большевиков. Заседание открылось подробным докладом председателя Чека Комарова об обширной деятельности этого учреждения по исследованию виновников восстания и их наказанию. Затем следовали доклады б. комиссара Кронштадта Козлова, некоторых военных о ходе борьбы с повстанцами, Иоффе, тогдашнего посла в Германии, о связи Кронштадта с иностранными державами и т. д. Говорили, конечно, только лица официальные, с положением. В результате Петросовет без возражений единогласно одобрил деятельность президиума и Чеки. Поздно ночью разъезжались мы в поданных для нас трамваях. В трамвае, где я сидел, было тихо, чувствовалось подавленное настроение, и попытки затянуть революционные песни срывались. Кронштадтское восстание имело отголосок в среде рабочих в Петрограде и вызвало ряд сочувственных демонстраций; массовые расстрелы матросов, бывших зачинщиков октябрьского переворота, вызвали в рабочей среде возмущение. И все же ни в заседании, ни даже в трамвае никто не решился проронить слова по поводу восстания. А между тем ведь три года до того Петросовет был одной из руководящих революционных организаций, и самая революция-то была произведена под лозунгом «Вся власть советам!» Так почему же советы, учреждение в основе своей народное, превратились в жалкую декорацию коммунистической олигархии, в свою очередь выродившейся в период пятилетки в единоличную диктатуру?

Я думаю, что такое развитие будет всегда типично для революционного социализма. Социальная революция — это путь жестокой гражданской войны, и иным путем она осуществлена быть не может. Но вести тяжелую войну под эгидой демократии невозможно; такую войну может успешно вести только олигархия. После войны начинается период ускоренной социалистической перестройки общества. Как мы уже указали, революционным социалистам приходится идти не по торному пути, надо прокладывать дороги через неведомые дебри в социалистический град Китеж, надо делать социальные опыты над живым телом народным. Можно ли такое сложное дело, требующее неисчислимых жертв, доверить демократии? Последняя так же неспособна к строительству социализма, как она неспособна вести гражданскую войну. Не только здесь невозможна гражданская демократия, но невозможна и партийная демократия. А когда темп строительства социализма становится стремительным, когда надо проводить такие грандиозные мероприятия, неслыханные в мировой истории, как социализация крестьянского хозяйства, то ликвидируется и олигархия партийной верхушки и заменяется единоличной диктатурой. Вся эта эволюция не случайна, она имманентна революционному социализму.

А когда строительство социализма закончится, тогда раз сложившаяся диктатура найдет еще достаточно оснований, чтобы сохранить за собой полноту власти. И самое главное основание — это вопиющая к небу пролитая коммунистами кровь. И невелико будет значение октроированной диктатурой конституции, ибо ведь она не вырвана в порядке общественной борьбы, а просто подарена прихотью властелина. Общественное же движение под эгидой социалистической автократии развиться не может, ибо у него нет (настолько и пишущий эти строки марксист)... никаких материальных предпосылок. Едва ли найдется страна с более глубокими традициями подпольной работы, чем Россия; десятилетиями вела русская интеллигенция в подполье героическую борьбу с царской автократией. Методы управления советской власти по своей жестокости, по их элементарной грубости нельзя сравнить с методами управления царской автократии. И все же подпольная борьба с этим режимом очень рано прекратилась и позже уже не возобновлялась.

Мы, конечно, не хотели бы этим сказать, что социалистическая диктатура неразрушима. Она может, конечно, погибнуть вследствие внутреннего разложения (признаки такого внутреннего разложения выступают весьма отчетливо в настоящий момент), от стихийных внутренних взрывов, от внешней катастрофы. Но нельзя рассчитывать на то, что она будет преодолена организованным общественным движением; для этого нет в социалистическом государстве никаких предпосылок.

Нельзя создавать всемогущего правительства и надеяться, что оно станет хранителем права. Только так называемое буржуазное государство, которое стоит на основе частной собственности, которое не обещает сделать граждан счастливыми, а предназначено только к созданию обстановки, при которой они сами смогли бы себя сделать счастливыми, только такое государство может быть правовым, только в рамках такого государства могли быть провозглашены права человека и гражданина. Но если на государство возлагается обязанность осчастливить граждан, то перед органами власти такого государства надо расступиться, им необходимо дать всю полноту власти, а граждане, частная инициатива коих заранее признана вредоносной, не могут претендовать ни на какие права. И совершенно последовательно Ленин не переставал подчеркивать, что диктатура пролетариата не считается ни с какими законами, ни даже с законами ею написанными. И совершенно последовательно комиссар юстиции Стучка обучал нас, что закон есть не больше как «техническое правило», которым, если власти удобно, она руководится, а если ей неудобно, то она не руководится. С того времени, как Стучка произнес свои крылатые слова, утекло много воды. Центральное правительство при всей его диктаторской власти над аппаратом все же от времени до времени приходит в ужас от того, что он выделывает с населением. И тогда в советской прессе подымаются крики о «революционной законности». Не следует преувеличивать значения этих криков. Слишком безграничны обязанности органов социалистической власти, чтобы можно было создать для их выполнения законные рамки; самое важное должно быть предоставлено их усмотрению — «революционной совести» партийцев.

И даже самые ужасные деяния советской власти еще укладываются в программу строительства социализма. Едва ли можно найти в мировой истории деяние более отвратительное, чем «раскулачивание»: пятьсот тысяч, а быть может, даже целый миллион крестьянских семейств (советская власть своих жертв не считает) были выброшены из собственных усадьб, из собственных жилищ, которые они и их отцы строили, на покрытые снегом улицы. Но когда мы обращались к иностранной радикальной интеллигенции с требованием протеста, то их представители отвечали нам следующими словами: «Помилуйте, происходит событие всемирно исторического значения. Социализированный город завоевывает патриархальную реакционную деревню и перестраивает ее по своему образу и подобию. Это требует жертв?! Что же делать?! Так вершится история. Если вы за социальную революцию, то вы должны мириться в этими жертвами. Sie haben keine Distanz», — обучали они нас с укоризной. Пожалуй, что логика была за ними. Если стоять за социалистическую революцию, то надо мириться и с такими деяниями. Вот и высокогуманное супружество Вебб находит много доводов для весьма мягкого отношения к «раскулачиванию». Говорить о правах личности в государстве — Левиафане, которому все принадлежит, которое является единственным работодателем (надо над этим задуматься — единственным), не приходится. Представителю власти здесь даже не надо наказывать гражданина, он ему только отказывает от службы, а тот все равно помрет с голоду. Этим объясняются те факты ужасной моральной деградации представителей интеллигенции в России, той самой интеллигенции, которая до войны удивляла мир своим гражданским мужеством и героизмом. Впрочем, истинное настроение этой интеллигенции нам неизвестно, ибо оно не может получить своего внешнего выражения «Казенные перья!» — сколько презрения мы вкладывали до войны в эти слова. Но ведь в социалистическом государстве все казенное, и следовательно, и перья не могут не быть «казенными». «Сны и невысказанные желания у нас дозволены!» — так формулировал с большим самодовольством «Magnam Chartam Libertatis» советского гражданина (в сущности даже партийца, т. е. привилегированного гражданина) Томский на съезде партии в 1927 г. Через десять лет он ощутил роковое значение своих слов на собственном опыте и предпочел добровольно уйти из жизни.

«Soviet Russia. A new civilization?» — так озаглавили Веббы обширную работу. Они могли бы смело отбросить вопросительный знак. Да, это новая цивилизация. Но она отреклась от всех высших достижений европейской цивилизации, и для кого эти начала составляют высшую ценность, те с этой новой цивилизацией никогда не примирятся.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая статья заключает мою почти двадцатилетнюю работу по исследованию хозяйства, а также и некоторых других сторон жизни советской России, она является резюме моих размышлений о социализме. Появление ее совпадает с моментом, когда в силе не марксист-

ский социализм, а фашизм, когда последний находится в наступлении. И вот мне не хотелось бы, чтобы моя статья была истолкована как апология фашизма. Последний является в значительной мере (хотя не исключительно) реакцией против коммунизма.* Но эта реакция, главной идеей коей является бескрайний (а в Германии даже бестиальный) национализм, усвоила себе центральную идею большевизма: идею тоталитарного государства, представляемого одной партией. Правда, признание частной собственности все же ставит здесь произволу государственной власти кое-какие границы. Однако фашизму (не во всех странах в одинаковой мере) свойственен поклон к социализму, хотя и с отличными от пролетарского социализма целями; и поскольку социалистические тенденции в нем утвердятся, увеличится его разрушительная сила.

Можно утешаться тем, что давление наступающего фашизма несколько нейтрализуется противодействием марксизма. Но в конечном счете оба течения грозят гибелью современной цивилизации. Спасения от нее автор ожидает лишь от окрепшей демократии, и для этого последней необходимо преодолеть социалистическое наваждение. Мы далеки от мысли проповедовать сейчас подобно тому, как это делает Мизес, «laissez faire, laissez passez!» Современная демократия не должна быть социалистической, но должна быть социальной. Она должна стоять на страже интересов народных масс в особенности в современную эпоху, когда развитие монополистических форм капитализма может легко вести к злоупотреблению экономической силой. Последний исключительно тяжелый экономический кризис вынудил правительства разработать целую систему мероприятий для ослабления его отрицательных последствий. Некоторые подобные мероприятия были удачны и помогли преодолению кризиса, другие были неудачны. Но попытки интегрального планирования, за которые с большим рвением принялись особенно некоторые фашистские государства, привели к политизированию хозяйства и имели особенно гибельные последствия

* Случайно мне пришлось это очень явственно ощутить. В марте 1922 г. я по частному делу сидел в приемной 3-го Интернационала, который тогда помещался в большом белом доме в начале Воздвиженки против манежа. Перегородка приемной не доходила до потолка, и я имел возможность дословно прослушать разговор на русском языке о политическом положении, который вели за перегородкой какие-то деятели 3-го Интернационала. Они сначала говорили о НЭПе, были им очень недовольны и признавали весьма опасным влияние хозяйственной деятельности на психологию партийцев. Затем они перешли к обсуждению перспектив социальной революции за границей. Они считали революцию в Болгарии, где тогда правил Стамбулийский, вероятной, но не усматривали в этом большой пользы для дела мировой революции. Шансы социальной революции в Германии они после долгого обсуждения признали весьма слабыми. После этого перешли к обсуждению положения в Италии и признали его весьма благоприятным для революции. Они рассчитывали, что в самое ближайшее время 3-й Интернационал получит прочную опору в Италии, чтобы с ее помощью революционизировать всю Европу. Через год я читал в Берлине о походе Муссолини на Рим.

для мировой торговли, деградация коей грозит серьезным понижением уровня жизни народных масс во всех культурных государствах. В таком интегральном планировании нет необходимости, ибо спонтанные силы капиталистического хозяйства в конце концов обещают преодолеть и этот небывалый по глубине кризис, если злоупотребления интегрального планирования не парализуют их действий. Интересы борьбы с кризисом не требуют ни ликвидации частной собственности, ни подавления частной инициативы. И поскольку демократия становится на эту дорогу, она подвергает опасности свое существование; пред ней разверзается пропасть, которая может ее поглотить.

Демократия или преодолеет социалистическое наваждение или роковое предсказание Шпенглера «Der Untergang des Adendlands» осуществится.

Иерусалим, август 1937 г.

ДОБАВЛЕНИЕ К СНОСКЕ Б. Д. БРУЦКУСА НА СТР. 205

Пророческое стихотворение Лермонтова:

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Приложение

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Автор предлагаемых записок — Григорий Анатольевич Роках — живет в Саратове. Один из активных строителей социализма, он и сейчас гордится революционным прошлым своей семьи. По призыву партии пошел в промышленность, хотя чувствовал влечение к сельскому хозяйству В числе тех, кто налаживал производство шарикоподшипников в СССР, в начале 30-х годов был командирован в Италию. Потом просидел 10 лет по политической статье, но до недавнего времени был твердым сталинистом и сейчас остается, по-видимому, убежденным большевиком.

Тем интереснее его воспоминания, написанные с позиций человека, доброжелательно относящегося к советской системе и совершенно далекого от мысли эту систему критиковать. Их фактическая сторона удивительно совпадает с тем, что говорил и писал о социалистическом хозяйстве еще в 1920—22 гг. Б. Д. Бруцкус, изначально отвергавший эту систему. Мы видим тут и массу инстанций, с которыми нужно согласовывать каждый шаг (84 визы), и, по существу, неуправляемость системы («решений Совета Министров много, а денег мало»). И, быть может, главное — полное отсутствие заинтересованности. «Фирма Глисон не могла бы выжить, если бы ее станки не были конкурентноспособны. А нам надо было отчитываться по плановым показателям, где такого показателя не было!» По таким же причинам не удалось обеспечить станки зуборезным инструментом, и «завод лишился многих потенциальных потребителей своей продукции».

Здесь не место обсуждать интересный сам по себе вопрос, почему факты такого рода не привели автора к отрицанию советской системы хозяйства. Но его воспоминания безусловно дают богатую пищу для ума и тем заслуживают внимания читателя.

Виктор Каган

Г. Роках

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ САРАТОВСКОГО ЗАВОДА ТЯЖЕЛЫХ ЗУБОРЕЗНЫХ СТАНКОВ

(некоторые фрагменты).

После возвращения из «негласной» ссылки — из Юринского леспромхоза — я был «на птичьих правах»: в Саратове не прописывали, ни в Саратове, ни в Энгельсе на работу не брали. С помощью секретаря Энгельского горкома (Трофимова) меня взяли механиком строительного участка и прописали в Энгельсе. А еще через год мне удалось прописаться в Ленинском районе в частном доме временно (помогла в этом покойная Ольга Ильинична Ананьева), и я начал работать на заводе зубострогальных станков. В 1956 г. в Москве я получил справку о реабилитации и вскоре был восстановлен в партии. Когда представилась возможность (в 1961 г.?) я перешел в Станкообъединение, где предполагалась реконструкция СЗТЗС. (Честно говоря, все время работы на заводе зубострогальных станков мне было как-то тесно. И это несмотря на все предшествующие мытарства!) Но до реконструкции было еще ох как далеко! Не было человека, который бы этим делом занимался. Этим человеком сделали меня.

Все началось с того, что была составлена докладная записка о применении конических передач в машиностроении, богато иллюстрированная прекрасными фото из каталога фирмы Глисон, размноженная в нескольких десятках экземпляров (около 50 страниц текста в переплете), и разослана во все вышестоящие учреждения и некоторым из наших основных потребителей (например, ЗИЛ, МЗМА и др.). Эта записка, составленная нашим СКБ, сработала! На заводе появилась комиссия, в составе которой я помню главного инженера Главточстанкопрома (Каинова) и референта Совета Министров (Третьякова). Комиссия ознакомилась с заводами (нашим и зубострогальных станков). Убедилась, что на этой основе можно создать производство зубообрабатывающих станков в нужном количестве и есть территория. Был написан проект решения СМ о реконструкции СЗТЗС, который Третьяков увез в Москву. Конечно, в СМ должен бы отправиться директор (Г. А. Ваняшин), но он при всех своих достоинствах (на уровне техника-технолога) предпочитал не встречаться с высоким начальством из-за «медвежьей болезни». Так что за этим распоряжением отправился я.

Чтобы проектная организация (Сызранский филиал института «Гипростанок») взялась разработать проект, надо включить эту работу в план. А для этого надо разрабатывать и утвердить проектное задание (ПЗ) и получить в плановом порядке деньги на проектирование. Но прежде чем ПЗ будет разрабатываться, надо иметь утвержденное технико-экономическое обоснование (ТЭО), где должны быть обоснованы количество, номенклатура и себестоимость предлагаемых к производству изделий.

От кого зависит утверждение ТЭО?

1. ЭНИИМС (Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков) — головной НИИ станкостроительной отрасли.

2. Государственный комитет по науке и технике.

3. Государственный комитет по машиностроению (тогда не было Минстанкопрома).

4. Государственный комитет по материальнот-ехническому снабжению (Госснаб).

5. Госплан СССР (отдел машиностроения).

6. Госплан РСФСР.

7. Совнархоз РСФСР (в то время были совнархозы).

8. Госстрой РСФСР.

9. Институт «Гипростанок» (строительный).

10. Институт «Оргстанкинпром» (технологический).

В каждой из этих организаций есть отделы и подотделы, от которых требуется виза для подписи.

Наконец ТЭО получено: 1 000 зубообрабатывающих станков и 1 млн. конических шестерен в год (все конические шестерни, применяемые в станкостроении). Начинается разработка проектного задания. Рязанский филиал института «Оргстанкинпром» тоже надо включить в план, тоже надо обеспечить финансированием. Проектное задание рассматривается теми же организациями (только большим числом отделов). Проектное задание получено: *900 станков и 350 000 конических шестерен в год.* Начинается проектирование. Я несколько раз ездил в Сызрань.

Не все удалось предусмотреть в проекте. Например, не удалось установить в литейном цехе вместо вагранок электропечи (помещение не позволяло по высоте), а это основа высокого качества отливок и долговечности станков фирмы Глисон (износостойкости). Не все удалось осуществить и из запроектированного: например, площади, предназначенные для длительного испытания станков, были заняты сборкой, которая по-прежнему нерационально долго собирает станки. Но так или иначе проект готов. Его должны утвердить зам. председателя Госплана СССР и зам. председателя Госстроя. А подписывает проект министр. Для утверждения нужно собрать 84 визы (а каждая виза еще в свою очередь требует нескольких предварительных согласований). Это «хождение по мукам» (по визам) потребовало более полугода.

Трудовики срезают численность персонала. Предлог прогрессивный — повышение производительности. А в связи с этим уменьшается строительство жилфонда и, следовательно, деньги на жилье. Саратовские телефонные сети не согласовывают проект, если не будет 1,5 млн. рублей заложено на развитие телефонной связи в городе. Госстрой не согласен с железобетонными конструкциями: их выпуск не предусмотрен в следующей пятилетке. Замените на более прогрессивные (и более дорогие!) или завозите из других регионов (транспортные расходы). И так сметная стоимость растет и растет и дошла до 64 млн. рублей. А на такую сумму требуется решение правительства. Министр вправе утверждать только в пределах 50 млн. рублей. А значит надо что-то выкидывать из проекта, резать по живому! И так каждая из 84 виз (Саратовская телефонная сеть это еще не виза — визу дает Горисполком — а только одно из многих согласований). Я ничего не преувеличил: так оно и было.

Как я уже говорил, до начала проектирования нужно было решение СМ о реконструкции СЗТЗС. Я ходил в Кремль подписывать его у Косыгина. В кабинет меня не пустили, но младший референт (Третьяков) зашел к Косыгину, показав свое удостоверение охраннику у дверей, и минут через 15 вышел с подписанным документом. Но так или иначе проект утвержден. Теперь требуется новое решение правительства о включении СЗТЗС в *титульный список вновь начинаемых строек* на следующий год. Я

опять еду в Кремль к Косыгину. Младший референт визирует и передает старшему референту (Протасову), а тот связывается с нашим министром и идет на подпись к Косыгину. Через 15 минут распоряжение СМ подписано. За время проектирования на Косыгина было организовано «психическое давление»: наш главный конструктор Н. Ф. Кабатов сделался заместителем начальника технического управления министерства и сопровождал Косыгина при посещении МЗМА, где эксплуатировались и наши станки. Кабатов выполнил свою роль и старался убедить Косыгина в необходимости увеличения выпуска станков для нарезания конических зубчатых колес. Это несомненно сыграло свою роль! Только в СМ мои посещения оканчивались за 20-30 минут. Каждая виза требовала гораздо больше времени.

Окрыленный надеждой отправляюсь в Госплан. Там составляется титульный список. Меня в Госплан уже не пускают (надоел!). Пробираюсь окольным путем (через техническое управление) и предстаю перед моими мучителями с невинным вопросом: ведь есть же решение СМ? Святая простота! Мне популярно разъяснили, что решение СМ много, а денег у Госплана мало! Но видя, что я не собираюсь уходить, чтобы не портить нервы, включили! О взятках я в ту пору не имел понятия. Включили, но денег отпустили меньше, чем я ожидал — «все равно у вас строители не примут такой объем на первый год!» Действительно, строительство вместо двух лет затянулось на четыре. Строительство затянулось, но был один пункт, который выполнили досрочно! Это организация отдела АСУП и Информационно-вычислительного центра (ИВЦ). Мысль об ИВЦ родилась у нас на основе опыта работы машино-счетной станции (опыт этот подробно изложен в плакате, выпущенном Саратовским ЦНТИ. Плакат здесь приложен, и повторяться я не буду). История организации ИВЦ это тоже сказка из 1001 ночи. В то время ИВЦ было очень мало в промышленности (в станкостроении НИР только на одном заводе «Красный пролетарий» в Москве; он работал на огромной машине «Урал» первого поколения, на электронных лампах). В Ленинграде был ИВЦ на ЛОМО (Ленинградское оптико-механическое объединение), оснащенный импортной техникой и подчиненный зам. председателя Госплана (Раковскому). Поэтому наш вычислительный центр, включенный в проект, реализовать было непросто. Завод в Минске только что начал выпускать машину «Минск-32» третьего поколения. Мы получили машину с порядковым номером 9. Почти две недели я с Галей Климачевой просидели в Минске, выколачивая машину и проходя ликбез. Чтобы установить машину, пришлось отхватить у СКБ зал на первом этаже, где должна была разместиться станочная лаборатория (около 900 кв. м). Лабораторию станков поместили в старом корпусе, поэтому никто не пострадал, и ИВЦ вошел в строй досрочно. Но самым трудным оказалось преодолеть «психологический барьер» у руководящего состава завода. Помню такой пример: когда ИВЦ стал выдавать ежедневные данные о ходе производства по цехам (с запозданием на одни сутки), то начальник производства (Шебалдин) никак не хотел ими пользоваться, а сохранял во всех цехах диспетчеров, которые давали ему сведения. Зато они, эти диспетчеры, сразу оценили документы ИВЦ и стали отчитываться не своими докладными, а документом ИВЦ. Директор завода на ежедневных планерках, когда возникали какие-нибудь споры между цехами и производственным отделом, требовал только данных ИВЦ и принимал только их. Было организовано и техническое обучение — «ликбез» — для руководящего состава завода. С ИВЦ «Красного пролетария», которым руководила моя однокашница Катя Федосова (я уже упоминал, что она несколько лет была секретарем парткома), у нас установились дружественные отношения и наши сотрудники постоянно стажировались там, что позволило избежать многих ошибок (особенно при создании нормативной базы). Катя приезжала и к нам (в комиссии на приемку первой очереди

АСУП). Вот и подумалось, что «роль личности в истории незначительна» — еще как значительна! Со своим СКБ мы так и не смогли наладить такое взаимодействие, чтобы внедрить систему автоматического проектирования АСУТП, а она существует! Все время возникали трудности, а на самом деле не было желания у руководства СКБ, а у нас руки не доходили, пока мы были заняты развитием АСУП. А причина была прозаическая. Наше СКБ еле-еле выбилось в первую категорию (от категории зависела оплата руководства СКБ). А главным показателем является количество сотрудников. Зачем же вводить автоматизированные рабочие места конструкторов и создавать автоматизированный банк данных на все существующие детали (и не плодить без конца оригинальные детали с ничтожными отклонениями), если все это в конце концов повлечет за собой уменьшение персонала! К сожалению, я не мог этого так четко сформулировать, а руководители СКБ занимались явным саботажем под прикрытием хороших (и ничего не значащих) слов о необходимости применения электронной техники. Они даже добились приобретения специальной ЭВМ для СКБ и установили ее у себя, используя как большой арифмометр при инженерных расчетах (да больше ничего она и сделать не могла, так как была устаревшей конструкции).

Реконструкция СЗТЗС была произведена. Деньги израсходованы. А главная цель — выпуск станков, конкурентноспособных на внешнем рынке — *не достигнута*. Почему? Потому что никто из руководителей завода (директор, главный инженер) такой задачи перед собой и не ставил. Фирма Глисон не могла бы выжить, если бы ее станки не были конкурентноспособны. А нам надо было отчитываться по плановым показателям, где такого показателя не было! Начальник цеха № 9 Чернышов уговорил Ваняшина приобрести 8 или 10 фрезерных станков вместо того оборудования, которого нам не поставили. Это позволило ему (Чернышову) даже отказаться от второй смены. А начальник Главка Карпов легко согласился на это, так как ему надо было выполнять план по фрезерным станкам, а заказчиков не было, и месячный план мог бы сорваться.

Любопытны некоторые сравнения. В альбоме фирмы Глисон, выпущенном к 25-летнему юбилею, сказано, что рабочих там примерно 2500, а ИТР и служащих 220 человек. А у нас было свыше 700 ИТР и служащих при общей численности персонала около 3500 человек. Да к этим 700 надо добавить около 400 сотрудников СКБ!

Отдельный вопрос, который не удалось удовлетворительно решить — обеспечение станков зуборезным инструментом. Инструмент это специальный, нигде более не применяемый, уже на начальной стадии при утверждении ТЭО Госплан отказался включить в нашу номенклатуру резцовые головки. Мотивировка железная: у нас есть для этого инструментальные заводы! А для инструментальных заводов это тяжелая обуза, так как это инструмент не массового изготовления. И все наши основные потребители станков (ЗИС, ГАЗ и др.) вынуждены изготовлять резцовые головки в своих инструментальных цехах. А более мелкие потребители, располагающие лишь несколькими станками, систематически не имеют инструмента. А без этого инструмента и станки не нужны! Резцовые головки являются неотъемлемой принадлежностью станка. Глисон делает резцовые головки у себя, несмотря на развитую инструментальную промышленность в Америке. Мы не воспользовались этим опытом, и в современном безвременьи это сказалось особенно сильно: завод лишился многих потенциальных потребителей своей продукции.

Вычислительный центр — это система машин, призванная (и способная!) механизировать и автоматизировать труд ИТР и служащих. Естественно, при этом сокращается потребность в работниках, так как машины берут на себя часть их функций. Буквально во всех подразделениях завода вычислительный центр был принят в «штыки». Смешно сказать, что даже

механизацию самых трудоемких работ в расчетном отделе бухгалтерии удалось осуществить лишь после отправки на пенсию начальницы расчетного отдела Дундуковой. А до этого она выпила из нас по литру крови!

Показательна позиция ТНБ. При каждом очередном сокращении штатов (после которого по «закону Паркинсона» штаты почему-то росли!) всем цехам и отделам, включая ИВЦ, давался одинаковый процент сокращения! Я уже упоминал о начальнике производства, который упорно дублировал вручную работу машины. Можно было бы продолжить этот перечень «негативных явлений», но справедливость требует упомянуть редкое исключение — Галину Михайловну Климачеву, которая не терпела недогруженных работников в своем подразделении (в ИВЦ). И по сей день ИВЦ мог бы (имеет техническую возможность) выполнять еще целый ряд работ, будь для этого желание руководителей подразделений или жесткая необходимость сокращения штата.

Были на заводе и представители фирмы Глисон во главе с вице-директором г-ном Пийчи (отвечающим за реализацию продукции на европейском рынке). Они много улыбались и не старались делать серьезных замечаний. Даже упомянули о возможности организовать на заводе капитальный ремонт станков фирмы Глисон для всей Европы. Это предложение не было подхвачено и никто в этом направлении не работал. А Пийчи уехал, убедившись, что с нашей стороны конкуренция ему не угрожает.

Я не упомянул, что за время реконструкции мне пришлось встретиться с нашим министром (А. С. Костоусовым). Однажды, когда я был в Москве, начальник Главточстанкопрома Карпов вызвал меня и сказал:

— Завтра на коллегии министерства будет рассматриваться вопрос о реконструкции СЗТЗС. Вести коллегию будет Анатолий Иванович, но Ваняшин не приедет, и докладывать должен ты. Имей в виду, что на коллегии выступать больше 15 минут не полагается!

Так я познакомился с Костоусовым. Во время моего доклада Анатолия Ивановича вызвали по кремлевской вертушке, и он вышел в другую комнату. Тут на меня набросились его заместители, требуя, чтобы я сказал то и это (чего они сами не хотели говорить министру). Я понял, что слушали меня внимательно. Костоусов, который вначале даже задал вопрос: кто это будет докладывать? — в заключении не очень критиковал и даже отнесся снисходительно (может быть, потому, что я не первое лицо на заводе). А у его заместителей (у которых я бывал не один раз) мой авторитет заметно вырос, так же, как у проектировщиков, которые были вызваны на коллегию, но привычного разноса не получили (может быть потому, что я их не «подставлял»).

СОДЕРЖАНИЕ

Воскрешение. От составителя 3

Советское и крестьянское хозяйство (фрагмент)
1. Введение 9
2. Положение русского сельского хозяйства перед войной 9
3. Крестьянское хозяйство в годы мировой войны, революции и в первые годы новой хозяйственной политики (август 1914 — февраль 1924) 13
4. Период новой хозяйственной политики после стабилизации валюты (февраль 1924 — конец 1927) 23
   А. Ход развития хозяйственной политики 23
   Б. Форма рынка сельскохозяйственной продукции 30
   В. Развитие и положение сельского хозяйства 42
5. Разрушение системы НЭП и возврат к принудительному хозяйству (1928—1929) 48

Экономическое планирование в советской России
Предисловие 53
Часть первая.
Доктрины марксизма в свете русской революции 56
Предисловие 56
1. Марксизм и проблема социалистического народного хозяйства 60
2. Хозяйственный принцип и социализм 63
3. Проблема трудового учета в социалистическом хозяйстве 67
4. Трудовая стоимость и рыночная цена 71
5. Единый план социалистического хозяйства 75
6. Проблема распределения и социализм 85
7. Хозяйственная свобода и социализм 93
8. Субъективные моменты в социалистическом хозяйстве 102
9. Социализм и сельское хозяйство 105
10. Заключение 107
Часть вторая.
Результаты экономического планирования в России 112
Предисловие 112
1. Истоки коммунистической «плановой экономики» . . . .
   А. Попытка государственного капитализма 112
   Б. «Военный коммунизм» 114
   В. Новая экономическая политика (НЭП) 118
2. Сущность пятилетнего плана 124
3. Экономическое развитие и экономическая политика в годы пятилетки 130
   А. Эволюция советской экономики и завершенный социализм 130
   Б. Вторая аграрная революция 139
   В. Попытка возврата к капиталистическим формам 143
   Г. Признаки кризиса в конце пятилетки 148
   Д. Экономическая политика в конце пятилетки 152
   Е. Второй пятилетний план 157
4. Результаты плановой экономики в России и их оценка 159
   А. Вложения 159
   Б. Промышленная продукция 161
   В. Сельскохозяйственное производство 166
   Г. Индустриализация страны 169
   Д. Экономическое положение масс 171
   Е. Разрушение рынка 172
   Ж. Проблема безработицы 174
   З. Плановая экономика как экономическая система будущего 176
   И. Внешнеэкономические основы плановой экономики советской России 178

План и рынок в хозяйстве советской России (фрагмент) 181
1. Введение 181
2. Опыт создания безрыночного безденежного социалистического хозяйства (1917—1921) 183
3. Комбинация рыночного и частного хозяйства на денежной основе (1921—1928) 187
4. Развернутое социалистическое строительство на плановой основе (1928—1934) 192
5. Опыт укрепления денежной основы социалистического строительства 200

Советская Россия и социализм 205
1. Хозяйственный строй в советской России 205
2. Роковые вопросы социалистического хозяйства 212
3. Социализм и свобода 219
4. Заключение 221

Приложение. 224
Г. Рокаx. К вопросу о реконструкции Саратовского завода тяжелых зуборезных станков (некоторые фрагменты) 225

Борис Давидович Бруцкус

Советская Россия и социализм
Сборник статей

Тираж 500 экз. Формат 60×90/16

Издательство журнала «Звезда»
Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 20

13.000 96-128

Один из крупнейших российских экономистов Борис Давидович Бруцкус, выдворенный из страны в 1922 г. в числе других ученых, еще в 1920 г. доказал нежизнеспособность марксистского социализма. Его предсказания полностью подтвердились.

В сборник включена основная классическая работа Бруцкуса, а также материалы, не публиковавшиеся ранее.